

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

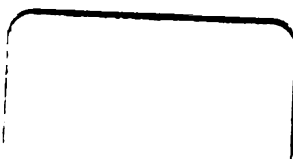
In grateful recognition
of

John L. Warden
Class of 1962

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ

1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛХХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Іоаннъ Слейданъ и его комментарий В. В. БАУЕРА.

Борьба великаго князя Кіевскаго Святослава
Игоревича съ императоромъ Іоанномъ
Цинскіємъ Е. А. БЪЛОВА.

Стрѣлецкіе бунты М. П. ПОГОДИНА.

О методѣ ученой разработки историческихъ
источниковъ Д. Я. САМОКВАСОВА.

Славянская взаимность съ древнѣйшихъ вре-
менъ до XVIII вѣка. (Продолженіе) . . І. І. ПЕРВОЛЬФА.

Наша педагогическая литература:

«Школьная жизнь». Ежедѣльный педагогическій
журналъ, издаваемый г. Столянскимъ. Первый
годъ (учебный) 1877/78. С.-Пб. С. И. МИРОПОЛЬСКАГО.

Педагогическій отдѣлъ на Вѣнской всемір-
ной выставкѣ И. И. БЕЛЛЯРИНОВА.

Объѣдъ, данный Кіевскимъ городскимъ обще-
ствомъ г. министру народнаго просвѣ-
щенія.

Открытіе четвертой С.-Петербургской про-
гимназіи.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университетовъ
б) низшихъ училищъ и в) учитель-
скихъ школъ.

Письмо изъ Парижа Л. Л — РА.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣтки).

СТРѢЛЕЦКІЕ БУНТЫ.

I. ОБОЗРѢНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ.

(Матвѣевъ, Медвѣдевъ, Разрядныя записки, Савва Романовъ, Сназатель о боярникѣ Матвѣевѣ, Желябужскій, Датскій резидентъ, Невиль, Перри, Корбъ).

I.

Записка А. А. Матвѣева.

Къ важнѣйшимъ источникамъ для описанія Стрѣлецкихъ бунтовъ принадлежитъ *записка Матвѣева*.

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (род. 1666 г. августа 15-го) былъ сынъ боярина Артамона Сергѣевича, погибшаго въ первомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ. Этотъ свидѣтель имѣлъ всѣ средства узнать истину, почему записка его и имѣетъ полное право на довѣріе. Воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца своего, необыкновенное для того времени, зналъ по латинѣ ¹⁾, любилъ иностранцевъ. Въ дѣтствѣ числился въ числѣ робятокъ, участвовавшихъ въ военныхъ играхъ царевича Петра въ Преображенскомъ ²⁾; по вступленіи на престолъ Федора Алексѣевича, сопровождалъ, будучи десяти лѣтъ отъ роду, отца своего въ ссылку, гдѣ пробылъ съ нимъ шесть лѣтъ. Воротился въ Москву уже по 17-му году. Онъ находился въ царскихъ палатахъ во время перваго Стрѣлецкаго бунта; въ первый день скрывался, вмѣстѣ съ меньшими Нарышкиными, въ покояхъ царицы Марыи Матвѣевны, оттуда, по прекращеніи бунта, былъ отведенъ придворнымъ карлю къ священнику церкви Сошествія Св. Духа, у Пречистенскихъ воротъ, а тотъ передалъ его знакомому конюху, у котораго Матвѣевъ

¹⁾ Переводы его лѣтописей церковныхъ Баронія (1696) хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ. *Сазарова*, Записки русскихъ людей, стр. IV.

²⁾ Опыты *Забѣлина*, ч. I, стр. 19.

и оставался подъ именемъ Кондратія, ходя въ сермяжномъ платьѣ, до прекращенія смуты.

Въ 1683 и 1684 годахъ, молодой Матвѣевъ находился въ Преображенскомъ, въ званіи стольника при Петрѣ, которое получилъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, на 8-мъ году отъ рода ¹⁾. Въ 1688 году Матвѣевъ, по свидѣтельству французскаго агента Невилля, состоялъ переводчикомъ при князѣ Васильѣ Васильевичѣ Голицынѣ.

По вступленіи на престолъ Петра, онъ былъ назначенъ въ 1690 году воеводою Двинскимъ; въ 1692 году возведенъ въ санъ окольничаго; въ 1693 году встрѣчалъ Петра въ Холмогорахъ, имъ возобновленныхъ, 24-го іюля, и вскорѣ потомъ былъ уволенъ, уступивъ свое мѣсто Ѳ. М. Апраксину.

Съ 1700 года, января 24-го дня, Матвѣевъ былъ употребляемъ въ разныхъ посольствахъ во Франціи, Англии ²⁾, Голландіи, Австріи ³⁾; въ 1715 возведенъ въ графское достоинство Римской имперіи; наконецъ, состоялъ президентомъ юстицъ-коллегіи съ 1719 до 1727 года. При ревизіи присутственныхъ мѣстъ, онъ повѣсилъ въ Переяславлѣ секретаря воеводской канцеляріи, за что подвергся негодованію

¹⁾ Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, *Есмнова*, ч. I, подъ вышеозначенными годами.

²⁾ Касательно пребыванія его въ Англии странное извѣстіе находится во вступленіи къ его запискѣ у *Сахарова*, стр. IV: «Непріятныя происшествія, случившіяся съ нимъ въ Лондонѣ, при отъѣздѣ его, кончилисъ прощеніемъ по ходатайству Англійской королевы Анны». У *Батмишъ-Каменскаго*, въ его Словарѣ (1836 г.), дѣло это представляется совершенно иначе: «18-го іюля (1708 г.) имѣлъ онъ отпускную аудіенцію у королевы Анны, а 21-го числа былъ оставленъ на улицѣ и взятъ подъ стражу за долъъ пятидесяти фунтовъ стерлинговъ; но находившійся у опернаго дома народъ, услышавъ крикъ посла, освободилъ его отъ полицейскихъ служителей. За сіе оскорбленіе, нанесенное представителю могущественнаго монарха, предлагали Матвѣеву тысячу гиней; онъ отвергнулъ сіе предложеніе, и 30-го іюля, выѣхалъ изъ Лондона, не принявъ грамоты отъ королевы, обыкновеннаго подарка и данной ему лхты. Королева Англійская, въ письмѣ своемъ къ государю отъ 19-го сентября, изъявила сожалѣніе о случившемся съ посломъ его непріятномъ происшествіи, а въ 1710 году (5-го февраля) министръ ея Витвоартъ, въ чинѣ чрезвычайнаго посла и полномочнаго комиссара, имѣлъ аудіенцію у Петра Великаго и торжественно засвидѣтельствовалъ ему соблазнованіе своего двора. Государь простилъ виновныхъ и поручилъ послу ходатайствовать о совершенномъ ихъ освобожденіи». Ч. III, стр. 288.

³⁾ Описаніе дипломатическихъ сношеній его, 1709 — 1711 гг., хранится въ Императорской С.-Петербургской бібліотекѣ.

„Двора“ ¹⁾). Графъ Матвѣевъ скончался сентября 16-го 1728 года, и похороненъ при церкви Николая Чудотворца въ Столпахъ, гдѣ покоится и отецъ его, бояринъ А. С. Матвѣевъ. Графъ Н. П. Румянцевъ поставилъ надъ ихъ гробницами палатку.

Принадлежность ему записки засвидѣтельствована историкомъ В. Н. Татищевымъ, его современникомъ ²⁾).

Изъ содержанія записки можно привести въ подтвержденіе то, что многихъ свѣдѣній нельзя почти было имѣть никому, кромѣ очевидца и участника. Сравненіе сапа отца съ маршалскимъ саномъ во Франціи, также и названіе членовъ нашего правительства министрами, указываетъ на пребываніе сочинителя при иностранныхъ дворахъ, гдѣ А. А. Матвѣевъ дѣйствительно и находился.

Къ такимъ соображеніямъ долженъ я былъ прибѣгать, изучалъ записку Матвѣева по изданію Туманскаго въ его собраніи (1787, т. VI, стр. 54). Но каково было мое удивленіе, когда я, кончивъ изслѣдованіе о Стрѣльцкомъ бунтѣ, вздумалъ пересмотрѣть изданіе Сахарова, объявленное отъ Устрялова неисправнымъ, и увидѣлъ введеніе къ запискѣ гдѣ Матвѣевъ ясно и прямо говоритъ о себѣ:

„Позже при времени томъ сей авторъ, какъ *самовидецъ*, былъ вѣрнымъ свидѣтелемъ той злосчастной трагедіи и въ оной отца своего лишился, о чемъ ниже будетъ подробно сказано,—того-то ради, безпкойною совѣстію принуждаемый, навичною памятію въ самомъ подлинномъ объявленіи, по сущей правдѣ, о всемъ безпристрастно предлагаетъ. И если же, по сродной всему человѣчеству немощи, слабостію или по невѣдому въ историческихъ формахъ искусству, не доумѣя, въ чемъ погрѣшилъ, въ томъ во всемъ у ученыхъ и искусвѣйшихъ читателей съ достойнымъ почтеніемъ онъ, авторъ, требуетъ себѣ челоувѣколюбнаго разсужденія и во всемъ извиненія.

¹⁾ У Сахарова, стр. V. Любопытно было бы знать подробности такого строгаго суда.

²⁾ См. предъизвѣщеніе къ его Исторіи, стр. XIII: «Сильвестръ Медвѣдевъ, монахъ Чудова монастыря, и графъ Матвѣевъ описали Стрѣлецкій бунтъ, токмо въ сказаніяхъ по страсіямъ весьма несогласны, и болѣе противны, потому что графа отецъ во ономъ стрѣльцами убитъ, а Медвѣдевъ самъ тому бунту участникъ и тайныхъ дѣлъ съ Милославскимъ предводитель былъ, за чтѣ послѣ съ Щекловитымъ казненъ». Сахаровъ, стр. IV, напрасно соблазняется здѣсь ошибками Татищева: Медвѣдевъ былъ не въ Чудовѣ монастырѣ и участвовалъ не въ первомъ бунтѣ, а въ послѣдовавшемъ. Это ошибки ничтожныя, которыя Татищевъ сдѣлалъ, не прибѣгая къ справкамъ, по неважности предмета.

„Еще въ *свѣжей памяти* нашей и предъ очами незабыто явствуетъ экземпль или прикладъ не отъ многихъ лѣтъ... возсвирѣпшійся въ самой столицѣ Москвѣ бунтъ Московскихъ же стрѣльцевъ, приспоминаемой и зѣло ужасной трагедіи Кремлевской, бывшей въ прошломъ 7190 году, то-есть, лѣта Господня 1682“ и проч.

„И хотя жестокосерднаго онаго стрѣлецкаго бунта варварское дѣйствіе, безъ сомнѣнія, у снискательныхъ людей, по прошедшемъ томъ незастарѣломъ времени, еще въ свѣжей памяти до нынѣ содержится, какъ уже то на чужестранныхъ языкахъ при цесарскомъ и при королевскихъ европейскихъ дворахъ подробно печатными книгами изображенная гласится,—однако впредъ продолженіемъ и стѣсненіемъ будущихъ лѣтъ и примѣненіемъ смертнымъ въ человѣческомъ родѣ та память... отъ забвенія можетъ обветшать.... Сего-то ради сей авторъ не за любочестіе свое, и не за праздную себѣ хвалу, но для общей всѣхъ памяти о томъ потщился сей малый трудъ принять“.

Сахаровъ не представилъ описанія своего списка, съ котораго онъ печаталъ записку, равно какъ и о другихъ спискахъ мы не знаемъ ничего основательнаго.

Записка эта драгоценна по множеству живыхъ извѣстій, исключительно ей принадлежащихъ, частію слышанныхъ сочинителемъ отъ отца въ продолженіе шестилѣтней ссылки, частію испытанныхъ имъ самимъ, частію узанныхъ отъ другихъ участниковъ и современниковъ, съ которыми тотчасъ же послѣ бунта привелось ему жить вмѣстѣ въ Преображенскомъ. Жаль только, что излишняя риторика мѣшаетъ сочинителю. Какія свѣдѣнія могъ бы сообщить Матвѣевъ, если бы захотѣлъ или умѣлъ писать просто!

Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ, особенныхъ его извѣстій подтверждаются другими несомнѣнными источниками, чѣмъ и внушается довѣріе къ прочимъ; напримѣръ, онъ одинъ говоритъ, что „человѣкоугодницы“ придумали дать названіе бунтамъ Стрѣлецкимъ „смутнымъ временемъ“,—и мы находимъ дѣйствительно это названіе въ заглавіи официальной разрядной записки (см. ниже). Матвѣевъ говоритъ, что „при погребеніи царя Ѳедора Алексѣевича, сестра его, царевна Софья Алексѣевна, явилась не по чину, и что царица Наталья Кириловна, сочтя ея присутствіе оскорбленіемъ необываемъ, ушла изъ собора, — и мы находимъ въ официальномъ документѣ, что дѣйствительно царевна Софія находилась при погребеніи, а царицы Натальи Кириловны съ сыномъ не было.

Когда писана эта записка?

Она должна быть писана въ позднѣйшее время, послѣ того, какъ Матвѣевъ побывалъ во Франціи, гдѣ узналъ о маршалахъ и министрахъ, и въ Италиі, гдѣ получилъ понятіе о Махіавеллѣ и политикѣ италіанской. Описывая, какъ царевна Софія подала образъ Ивану Нарышкину, шедшему на казнь по ея умыслу, Матвѣевъ замѣчаетъ: „Во всемъ томъ внутри глубокая происходила политика италіанская, ибо они иное говорятъ, другое же думаютъ, и самимъ дѣломъ исполняютъ“ (стр. 161).

Разказывая, какъ онъ скрывался въ первый день бунта въ комнатахъ царевны Натальи Алексѣевны, онъ прибавляетъ: „блаженнымъ памяти“, а она скончалась въ 1716 году (стр. 155)¹⁾.

Описывая заговоръ Шакловитаго, онъ говоритъ, что заговорщики собрались въ Кремль у Никольскихъ воротъ, на дворѣ, тогда называемомъ Лихова, нынѣ цехаусъ, то-есть, пушечный каменный дворъ, а цейхаусъ началъ постройкою въ 1701 году.

Есть выраженіе: „На Поганомъ прудѣ, что нынѣ называется Чистый“.

О домѣ Хованскаго говорится, что онъ достался, *по ея казни*, Шакловитому.

Записка упоминаетъ о кончинѣ царевны Софіи (стр. 211), а она скончалась въ 1704 году, сорока-семи лѣтъ.

Упоминается о кончинѣ Мазепы, „о чемъ уже извѣстно“ (стр. 200); она послѣдовала въ 1709 году, сентября 22-го.

Упоминается также кончина князя Василя Васильевича Голицына на Пинегѣ (стр. 210), а онъ скончался въ 1713 году.

Заговоръ Цивлеровъ записка полагаетъ послѣ возвращенія Петрова изъ-за границы, между тѣмъ, какъ онъ былъ предъ путешествіемъ въ 1697 году. Такъ ошибаться или запоминать, смѣшать, можно только послѣ долгаго времени. Во всякомъ случаѣ изъ этой ошибки видно, что записка писана гораздо послѣ 1697 года.

Не къ этому ли запоминанію принадлежитъ извѣстіе, что Сухаревъ полкъ остался вѣрнымъ въ бунтѣ 1682 года? Вѣрность его не относится ли ко времени бѣгства Петрова въ Троицкій монастырь въ 1869 году? Или Сухаревъ полкъ показалъ свою вѣрность въ обоихъ случаяхъ?

¹⁾ По другому списку, у Туманскаго, V, стр. 41, назначены здѣсь покой царицы Натальи Кирилловны, а потомъ въ обоихъ спискахъ Туманскаго и спискѣ Сухарова указываются покой царицы Маремъ Алексѣевны, вмѣсто Матвѣевны.

Затрудняло меня выраженіе о знаменіи на небѣ въ 7191 году отъ Р. X. 1683 (т. I, стр. 193). „Въ лѣто *настоящее*“. Здѣсь, думаю я, должна быть описка. И дѣйствительно, въ спискѣ Сахарова значится: въ лѣто *наставшее* (стр. 48).

Замѣтимъ еще странное выраженіе въ описаніи укрывательства Матвѣева: въ одномъ спискѣ сказано (VI, стр. 42): *выисоблаженный Матвѣевъ* (прежде въ исчисленіи спрятавшихся лицъ онъ былъ названъ: Андреемъ Матвѣевичемъ, вмѣсто Артамоновичемъ, Матвѣевымъ); въ другомъ (I, 156): *одинъ молодецъ тотъ Матвѣевъ* отъ 17 лѣтъ моложе всѣхъ (а прежде: съ Андреемъ Артамоновымъ, сипомъ Матвѣевымъ; у Сахарова: и *одинъ изъ нихъ молодой Матвѣевъ*, еще 17-ти лѣтъ, моложе всѣхъ, бодрѣе противился (а прежде также съ Андреемъ Артамоновымъ, сипомъ Матвѣевымъ).

Изложимъ содержаніе записки, по изданію Туманскаго въ VI части его Собранія (По списку Сахарова, см. изложеніе въ его Запискахъ Русскихъ людей, т. I, стр. VI—VIII).

Кончина царя Ѳеодора отъ цынги и избраніе Петра. Стр. 8.

Нѣкоторые приверженцы Петровы пріѣзжаютъ на избраніе въ панцыряхъ подъ одеждою. 10.

Иванъ отстраненъ по причинѣ болѣзни глазъ и языка, и проч. 11.

Царевна Софія, желая власти и опасаясь местн со стороны Нарышкиныхъ за прежнія оскорбленія, старалась объ избраніи Ивана, но не успѣла. Одинъ Сунбуловъ на площади кричалъ объ Иванѣ съ своими единомышленниками. 10 — 13.

Буйства стрѣльцевъ, начавшіяся независимо отъ Софіи. 14 — 15.

Опасаясь наказанія отъ Петра, они подумали объ Иванѣ. 69.

Желанія ихъ сошлись съ мыслию царевны Софіи; ея властолюбіе и опасенія. 17.

Совѣтникомъ явился И. М. Милославскій, который нашелъ сообщниковъ: А. И. Милославскаго, двухъ Толстыхъ, Ивана и Петра, стрѣleckихъ подполковниковъ Цыклера и Озерова и нѣсколько стрѣльцевъ. Образъ ихъ дѣйствій.

Заговоръ. 18—19.

Заговорщики возмущаютъ всѣ полки; три полка колеблются, одинъ Сухаревъ остается вѣрнымъ. Ѳеодора Семенова, украинская казачка, постельница Софіи, служитъ посредницей. 21.

Рѣшаются ждать Матвѣева. 22.

Свѣдѣнія о немъ. 23—26.

На дорогѣ Матвѣевъ предупрежденъ о бунтѣ семью стрѣльцами. Рѣшеніе продолжать путь. Прибытіе въ Москву. Приемъ. 26.

Милославскій притворяется больнымъ. Въ домѣ его составляетъ списокъ лицъ, обреченныхъ на смерть. 27.

Стрѣльцы ходили ночью по городу, били тревогу, брали въ лавкахъ не платя, озлобили народъ, грозили бунтомъ. 28.

15-го мая всѣ полки собрались, вооруженные, у своихъ сѣзжихъ дворовъ. Посланные отъ Александра Милославскаго и Петра Толстаго прискакали на сѣрыхъ и карихъ лошадяхъ ¹⁾, съ извѣстіемъ, что Нарышкины удушили царевича Ивана. Общая тревога. Набатъ. Звонъ. Стрѣльцы устремляются въ Кремль. 29.

Никто наверху не могъ угадать предлога. Матвѣевъ сходитъ съ лѣстницы и получаетъ извѣстіе отъ встрѣченнаго князя Урусова, что стрѣльцы идутъ въ Кремль. Доносятъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. Пошлютъ за патриархомъ. Велѣно запереть ворота, но уже поздно. 30.

Совѣтъ показать царевича Ивана Алексѣевича. Царица Наталья Кириловна выходитъ съ нимъ и сыномъ. Стрѣльцы взлѣзаютъ на крыльцо по подставленнымъ лѣстницамъ и допрашиваютъ. 31.

Требуютъ Матвѣева и Нарышкина. Матвѣевъ сходитъ внизъ и уговаривается. Выслушиваютъ его и просятъ защиты. Онъ спѣшитъ донести царицѣ. 32.

Вышедшій князь М. Ю. Долгорукій укоряетъ стрѣльцевъ. Тѣ разсердились, убили его и сбросили съ крыльца на площадь. Начало кровопролитія. Коноводы посылаютъ стрѣльцовъ на Матвѣева съ другой стороны. Царица не отдаетъ его. Князь Черкасскій заступается. Стрѣльцы отнимаютъ Матвѣева, убиваютъ и сбрасываютъ на копыа внизъ, 33.

Разбѣгаются по палатамъ искать измѣнниковъ. 34.

Обыскиваютъ всѣ мѣста, убиваютъ Василя Лаврентьевича Иванова ²⁾, думнаго дьяка Ларионова, Горюшкина, Салтыкова по ошибкѣ. 35.

Находятъ Аванася Нарышкина подъ престоломъ, по указанію карлы, и убиваютъ. 36.

Убиваютъ Ивана Ѳомича Нарышкина за Московою рѣкою, князя

¹⁾ Въ спискахъ *Туманскаю*, VI, стр. 29, и I, стр. 141, читается: «и въ тѣ поры отъ тѣхъ кабинетныхъ адъютантовъ... Милославскаго... Толстаго», а у *Сахарова*, стр. 19: «тѣ кабинетные адъютанты». Первое чтеніе, кажется, вѣрнѣе.

²⁾ У *Сахарова*, Василья Ларионова сына Иванова, стр. 23.

Григорія Ромодановскаго съ сыномъ, Ларіона Иванова ¹⁾ и Аверкія Кирилова. 37.

Виши ихъ. Наругательство надъ тѣлами убитыхъ. 38.

Караулы въ Кремль, Китай и Бѣлгородъ. 39.

16-го мая стрѣльцы пришли просить прощенія у стараго князя Долгорукаго въ смерти его сына, убитаго наканунѣ. Слова его, по уходѣ стрѣльцевъ, имъ переданныя. Возвращаются и убиваютъ его, 39.

Въ 9-мъ или 11-мъ часу стрѣльцы пришли къ Золотой рѣшеткѣ и пригрозили перебить завтра всѣхъ, если не будетъ выданъ Иванъ Нарышкинъ. 40.

Буйства по улицамъ въ оба дня. 41.

Какъ укрывались Нарышкины и молодой Матвѣевъ. 42.

17-го мая стрѣльцы приходятъ въ Кремль въ однихъ рубашкахъ, съ бердышами и коньями, къ Золотой рѣшеткѣ, и требуютъ Ивана Нарышкина съ угрозами. 43.

Донесеніе царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. Настояніе царевны Софіи Алексѣевны. Разговоръ съ нею Ивана Нарышкина. Нарышкинъ общается съ тайнъ. Надѣваютъ на него образъ, принесенный царевною Софьею Алексѣевною. Слова князя Одоевскаго. Нарышкинъ выданъ стрѣльцамъ. Пытка и казнь. 46.

Умерщвленіе Языкова. 47.

Умерщвленіе доктора Данила Гадена, Ивана Гутменша. Погребеніе Матвѣева арапомъ. 48.

Буйство стрѣльцевъ и разореніе холопьяго приказа съ цѣлю привлечь холопей, которые, однако, не пошли на ихъ обольщенья. 49.

Избираютъ, по собраніи подписей, первымъ царемъ Ивана, на что по неволѣ соглашаются и приверженцы Петровы. 50.

Вступленіе царевны Софіи въ управленіе, жалованье стрѣльцамъ. Просьба стрѣльцевъ о поставленіи намятника во славу ихъ службы. 51.

Столикъ поставленъ попеченіемъ Циклера и Озерова. Постриженіе отца царицы Натальи Кириловны и отправленіе на Бѣло-озеро. 52.

О спасеніи меньшихъ его дѣтей и молодаго Матвѣева. 53.

(Слѣдующее изложженіе записки предлагается по списку, напечатанному Туманскимъ въ 1-й части его Собранія, стр. 106—229).

¹⁾ См. выше, а въ оенціальной запискѣ и у *Желлбужскаго*, стр. 1, убитымъ значится только одинъ Ларіонъ Ивановъ съ сыномъ Васильемъ. У *Соловьева*, XIII, стр. 414. У *Медовцева* Ларіонъ Ивановъ также показанъ вдвойнѣ въ числѣ убитыхъ, у *Садарова*, 12—13, у *Туманскаго*, VI, стр. 75 и 76.

Царское вѣнчаніе Ивана и Петра Алексѣевичей, 15-го іюля.

Названіе бунта отъ челоуѣкоугодниковъ смутнымъ временемъ. Совѣтъ И. М. Милославскаго предоставить начальство надъ стрѣльцами князю Н. А. Хованскому. 173.

Потворство Хованскихъ стрѣльцамъ и ихъ приверженность. 175.

Высокомѣріе Хованскихъ. 176.

Связь съ раскольниками, ихъ намѣренія. 177.

Преніе въ Грановитой палатѣ. 178, 179.

Казнь Никиты Пустосвята. 180.

Грамота стрѣльцамъ, названнымъ надворною пѣхотою. 181.

Ссоры Милославскаго съ Хованскимъ. Страхъ перваго, чтобы не быть убитымъ. Укрывательство по деревнямъ.

Опасеніе, чтобы чрезъ Хованскихъ не открылось когда-нибудь участіе Милославскаго въ бунтѣ, и чтобы они не захватили всю власть, въ свои руки. 182.

Устрашеніе царевны новымъ бунтомъ стрѣльцевъ на погнбель царскаго дома и предположеннымъ бракомъ молодаго Хованскаго съ царевной Екатериной Алексѣевною. 183.

Неистовства стрѣльцевъ, взисканія денегъ съ полковника Барсукова, Кравкова. Казнь Янова, 184, 185.

Удаленіе двора въ село Коломенское. Подметное письмо объ умыслахъ Хованскаго. Путешествіе изъ Коломенскаго въ Саввинъ монастырь, и оттуда, въ Воздвиженское. Грамоты съ призывомъ, чтобы служилые люди являлись туда. 186.

Объявленіе вины Хованскихъ, вызовъ и приказаніе захватить ихъ на дорогѣ въ Воздвиженское. 187.

Хованскіе захвачены и привезены, прочтенъ указъ казнить ихъ смертію. Они хотятъ раскрыть причины бунта Стрѣльцкаго. Усилія Милославскаго покончить съ ними скорѣе. Казнь. 188, 189.

Меньшой Хованскій бѣжалъ въ Москву; возмущеніе стрѣльцевъ. Собираются идти на Троицкій монастырь, но остановились. Забрали все оружіе и сѣли въ осадѣ. Присланный отъ царей стольникъ Зиновьевъ, едва спасшись, доноситъ царямъ о положеніи Москвы. 190, 191.

Отбытіе въ Троицкій монастырь. Собраніе служилыхъ людей. Головинъ присланъ правителемъ въ Москву; стрѣльцы смирились; возвращеніе. 192, 193.

Помѣщеніе имени царевны Софіи во всѣхъ актахъ и челобитныхъ и изображеніе на монетахъ, 194.

Военное ученье въ Преображенскомъ. Потѣшныя солдаты. Крѣпость Пресбургъ. Полки Преображенскій и Семеповскій. 195 и 196.

Опасенія Софіи. Назначеніе Шакловитаго надъ стрѣльцами. Князь В. В. Голицынъ надъ посольскимъ приказомъ. 197.

Намѣреніе Голицына отстраниться отъ замышляемыхъ дѣлъ и предположенный походъ въ Крымъ. 198.

Неудача. Ссылка Самойловича и избраніе Мазепы, 199.

Неудовольствія Петра, явная ссора предъ ходомъ въ Казанскій соборъ 200 и 201.

Ночныя собранія стрѣльцевъ на Лыковѣ дворѣ. Петръ извѣщается о покушеніи на жизнь его. Бѣгство его къ Троицѣ. Многіе бояре за нимъ, и Сухаревъ полкъ. 202, 203.

Софіи испугалась. Носыласть патріарха для примиренія брата съ нею. Тотъ не возвратился. 204.

Поѣхала сама и не принята. 205.

Присланъ Шереметевъ за Шакловитымъ. Царь Иванъ велитъ его выдать. 206.

Пытка и казнь Шакловитаго, Аброски Петрова, который, идя на казнь, публично покаялся и разказалъ свои вины. 207—208.

Назначеніе Троеуркова надъ стрѣльцами и порученіе Стрѣшневу розыска. Поимка Сильвестра Медвѣдева. 209.

Судъ надъ княземъ В. В. Голицынымъ. 210.

Назначеніе царевнѣ Софіи жить въ Дѣвичьемъ монастырѣ, подъ карауломъ, гдѣ она въ послѣдствіи и скончалась. Наказаніе ея при-
верженцевъ. 211.

Возвращеніе Петра въ Москву. Стрѣльцы на пути просятъ прощенья, неся на себѣ топоры и плахи. Розыскъ и наказаніе, 212.

Предоставленіе царевичемъ Иваномъ правленія Петру. Намѣреніе путешествовать. Составъ посольства. 213—215.

Отправленіе молодыхъ людей изъ знатныхъ родовъ въ чужіе края учиться. 216.

Бунтъ пограничныхъ стрѣльцевъ. Возвращеніе Петра изъ Вѣны. 217.

Между тѣмъ шедшіе на Москву полки разбиты подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Розыски и казни. 218—221.

Розыски по прибытіи царя надъ остальными стрѣльцами и казни. 222, 233,

Заговоръ Соковнина, Циклера и Пушкина. 224—227.

Казнь Милославскаго, вынутаго изъ могилы. 228, 229.

Отмѣтимъ важныя извѣстія, которыми мы обязаны Матвѣеву; таковы суть:

О прибытіи приверженцевъ Петра на избраніе въ панцыряхъ подъ одеждою, чѣмъ доказывается подозрѣніе не только о существованіи, но и о замыслахъ противной стороны. (Этого извѣстія нѣтъ болѣе нигдѣ).

Исчисленіе княжескихъ и прочихъ знатныхъ семействъ, приверженныхъ Петру. (Также нѣтъ болѣе нигдѣ).

Свидѣтельство Матвѣева о предостереженіи, сдѣланномъ его отцу, на дорогѣ, бѣжавшими изъ Москвы стрѣльцами, по поводу затѣяннаго бунта, принадлежитъ къ числу важныхъ доказательствъ участія въ немъ Софіи. Это свидѣтельство вполне достоверно: можно ли предположить, чтобы Матвѣевъ выдумалъ это извѣстіе, а не написалъ со словъ отца, при которомъ находился, имѣя тогда уже 16 лѣтъ. (По изданію Сахарова, значител, что стрѣльцы предупреждали Матвѣева и чрезъ посланнаго къ нему отъ двора стольника Алмазова).

Матвѣевъ и старшій Нарышкинъ, Кирилль Полуектовичъ, подали совѣтъ показать стрѣльцамъ царевича Ивана и Петра.

Они поставлены были на Красномъ крыльцѣ тамъ, гдѣ всѣдневно смѣнялся караулъ, VI, стр. 31: „тогожь крыльца на стѣпахъ, гдѣ барабаны положены бывають, при тѣхъ же караулахъ“, I, стр. 643.

Стрѣльцы подставляли лѣстницы, чтобы взлѣзть на Красное крыльцо и удостовѣриться въ личности царевича Ивана.

Увѣщаніе Матвѣева.

Кафтавъ былъ изорванъ на князѣ Черкасскомъ, который заступался за Матвѣева и не давалъ его стрѣльцамъ.

(Въ официальной запискѣ это отнесено ко времени, когда Черкасскій выходилъ съ прочими боярами уговаривать стрѣльцевъ; но тамъ явная ошибка, ибо почему бы изорвать кафтавъ на одномъ Черкасскомъ, когда съ нимъ многіе другіе бояре выходили уговаривать стрѣльцевъ, которые тогда не обнаруживали еще совершеннаго буйства).

Извѣстіе Матвѣева о спискѣ назначенныхъ къ умерщвленію лицъ подтверждается свидѣтельствомъ датскаго резидента (см. ниже) и самимъ дѣломъ: тѣхъ, кого стрѣльцы не нашли въ Кремль, тѣхъ искали по домамъ ихъ въ городѣ.

Замѣтимъ подробности живыя о притворной болѣзни Милославскаго, объ умерщвленіи Аванасья Нарышкина, боярина Языкова, отдававшего перстень съ руки встрѣченному холоу за князи Долгору-
часть СЛХУХ, отд. 2.

каго, о выдачѣ Ивана Нарышкина, о погребеніи тѣла Матвѣева домашнимъ его арапомъ, *по имени Ивановъ*.

Отмѣтимъ здѣсь важное извѣстіе о томъ, какъ царевна Софія впервые выступила на сцену: „Въ тотъ же самый часъ, не укрывся отъ вышеобъявленнаго секрета, впервые публично царевна Софія Алексѣевна на себя тогда оказала подозрѣніе, остро ея величеству, государынѣ императрицѣ, сказать, что никакимъ образомъ того избыть не возможно, чтобъ его вышеупомянутаго брата царицына имъ стрѣльцамъ въ тотъ день не выдать, развѣ общему всѣхъ и себя дѣйствию имъ стрѣльцамъ допустить“. (У Сахарова, стр. 29; у Туманскаго гораздо короче и слабѣе, VI, стр. 44).

Далѣе слѣдуютъ любопытныя извѣстія объ его пыткѣ, объ укрывательствѣ и спасеніи меньшихъ Нарышкиныхъ съ молодымъ Матвѣевымъ и проч. въ покояхъ царевны Натальи Алексѣевны и царицы Марѣи Матвѣевны.

Совѣтъ И. М. Милославскаго царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ о назначеніи начальникомъ стрѣльцевъ князя Ивана Андреевича Хованскаго съ сыномъ. 173.

Женитьба насильная стараго Хованскаго на вдовѣ убитаго дьяка Ларіонова.

Характеръ Милославскаго изображень обстоятельно, и кажется, вѣрно: безъ свѣдѣній, доставляемыхъ Матвѣевымъ, мы не могли-бы объяснить себѣ, почему такую страшную казнь придумалъ ему Петръ въ 1699 году.

Ссора Милославскаго съ Хованскимъ и бѣгание перваго по деревнямъ отъ стрѣльцевъ.

Приверженность стрѣльцевъ къ Хованскимъ въ благодарность за потворство (прозванья: „батюшка“, „большой“).

Описаніе, какъ стрѣльцы принимали похвальную грамоту за бунтъ.

Отсѣченіе головы Хованскому стрѣльцомъ стремяннаго полка за немѣніемъ заплечнаго мастера.

Цѣлованіе трупа сыномъ. Погребеніе Хованскихъ въ городцѣ.

Стрѣлецъ Борисъ Одинцовъ, съ товарищами, казненъ вмѣстѣ съ Хованскими, вѣроятно, какъ свидѣтель опасный, знавшій коротко происхождение перваго бунта.

Важны также у Матвѣева и тѣ извѣстія, которыми подтверждаются находящіяся въ другихъ источникахъ, напримѣръ: о протестѣ Сумбулова, о торжественномъ приѣмѣ Матвѣева въ Москвѣ по возвращеніи изъ ссылки, объ особенномъ участіи въ бунтѣ стрѣльцевъ Бориса

Одинцова (казненнаго послѣ съ Хованскимъ), Козьми Чернаго, Аброськи Петрова, которые явятся дѣйствующими и въ послѣдней распрѣ Софіи съ братомъ, подполковника Циклера и Озерова, за котораго выдана была извѣстная посредница между Софіей и стрѣльцами, постельница ея Ѳедора Семенова, съ большимъ приданымъ, о связи Хованскаго съ раскольниками.

Чертъ съ природы: такая пыль поднялась у Троицы, когда былъ привезенъ Шакловитый, что ничего не стало видно.

„Того же октября мѣсяца (при возвращеніи Петра отъ Троицы, по низверженіи Софіи) снѣгъ со вьюгами и морозы выпадши, повсеременно мнозіе совершенно зимній путь безъ всякой отмѣны утвердился“.

Повѣренныя отъ А. Милославскаго и Петра Толстаго прискакали въ поля на сѣрыхъ и карихъ лошадяхъ съ извѣстіемъ, что царевича Ивана задушили (и затѣмъ онъ Петръ Толстой въ комнату къ государю царю Ивану Алексѣевичу былъ пожалованъ).

Народныя прозвища, передаваемыя Матвѣевымъ, показываютъ, какъ ему извѣстны были всѣ тогдашніе слухи и дѣла; И. М. Милославскій имѣлъ въ народѣ прованіе Надорваннаго, Толстме — Шарпенки (?), Хованскій — Тараруй, карло Никита — Комаръ, другой карло — Хомякъ, постельница Софіина — Родимица (?).

Иванъ Нарышкинъ, спрятавшись въ первый день бунта, въ покояхъ царицы Марѣи Матвѣевны „для непознанія себя имѣвшіе у себя долги волосы остригъ, и былъ тутъ съ вышеобъявленными особами“ (отцемъ, братьями, родственниками, молодымъ Матвѣевымъ и проч.) (VI, стр. 112). Такъ точно значится и по списку Сахарова (стр. 27). Но по другому списку у Туманскаго, разказано вотъ какъ: „Онъ бояринъ Иванъ Кириловичъ всѣмъ тѣмъ именованнымъ особамъ, ради безопасности и непознанію ихъ, долги бывшіе у нихъ волосы остригъ“ (I, стр. 156). Преданнаго послѣ стрѣльцамъ, Нарышкина, по одному списку Туманскаго (VI, стр. 46): „Ухвативши за руки и за всѣ члены изъ многихъ руками тѣ злодѣи похитя“ и проч., а по другому списку (I, стр. 162): „звѣрски его г. Нарышкина за волосы ухватя, и за всѣ члены изъ многихъ руками тѣ злодѣи похитя“, и проч. У Сахарова, стр. 30, точно также.

Упрекаютъ Матвѣева въ пристрастіи къ отцу; оно очень естественно, и ничто не мѣшаетъ принимать его показаніе съ критикой. Обвиняютъ въ ненависти къ стрѣльцамъ, — она также очень законна, ибо стрѣльцы мучительски убили его отца. Впрочемъ въ судѣ о стрѣль-

пахъ Матвѣевъ мало отстаеъ отъ Медвѣдева, хотя проф. Аристовъ (въ своей книгѣ: „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны) и видитъ большое между ними различіе. Касательно обвиненія Матвѣевымъ Софіи и Милославскаго должно сказать: если Софія была виновата въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться (см. ниже, въ изслѣдованіи), то Матвѣевъ за ея обвиненіе не подлежитъ порицанію. Преувеличеніе же можетъ легко быть отстранено. Уму и способностямъ царевны Софіи Матвѣевъ отдаеъ полную справедливость: „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва“ (I, стр. 119). Замѣтимъ, что обвинять несправедливо можно бы по страсти при жизни, при силѣ, а по совершенномъ пораженіи и наказаніи, по смерти, чрезъ тридцать-сорокъ лѣтъ, выдумывать на покойниковъ, безъ всякой цѣли, никакъ не вѣроятно.

Выраженія слишкомъ бранныя, могутъ объясняться еще его риторикой.

Укажемъ на ошибочныя извѣстія: объ умерщвленіи сына Ромодановскаго, который былъ пощаженъ, по извѣстію датскаго резидента, и не значится въ числѣ убитыхъ ни у Медвѣдева, ни въ разрядной запискѣ.

Не вѣрно извѣстіе о присутствіи царей при преніи съ раскольниками въ Грановитой палатѣ, о чемъ не говоритъ ни Савва Романовъ, ни патріархъ въ своемъ увѣтѣ, ни Медвѣдевъ.

Также не вѣрно извѣстіе о высылкѣ стрѣльцами раскольниковъ изъ Кремля послѣ ихъ пренія. Объ обморокѣ Никиты Пустосвята извѣстія нѣтъ нигдѣ болѣе: „и вышедши изъ воротъ Спасскихъ, какъ новый Симонъ волхвъ всенародно діаволомъ на землю пораженъ былъ“ (стр. 40). Можетъ-быть онъ упалъ вслѣдствіе усталости.

Страннѣе всего перестановка заговора Цыклерова ко времени по возвращеніи государя изъ чужихъ краевъ, послѣ пораженія стрѣльцевъ подъ Воскресенскомъ, между тѣмъ какъ заговоръ случился предъ путешествіемъ. Пишучи на память чрезъ долгое время, Матвѣевъ могъ ошибаться неумышленно. Такъ, 16-го мая сказано: стрѣльцы стали близъ самыхъ палатъ, гдѣ съѣхались многія знатныя персоны. Но какія же персоны могли съѣхаться, если въѣздъ и выѣздъ изъ Кремля былъ запертъ? Впрочемъ это, можетъ-быть, разумѣется о боярахъ, жившихъ въ Кремлѣ. О первыхъ стрѣлецкихъ смятеніяхъ въ полку Пыжева, о просьбахъ на полковника Грибоѣдова, до кончины Ѳедора, Матвѣевъ не говоритъ ни слова и начинается прямо съ бунта

15-го мая, съ участіа въ немъ царевны Софіи, имѣя, разумѣется, главною цѣлію обвинить ее. О непосредственномъ участіи ея въ наказаніи раскольниковъ онъ умалчиваетъ, можетъ-быть, для того чтобы не имѣть видно повода сказать о ней что либо хорошес. О правленіи царевны Матвѣевъ не говоритъ ничего, имѣя цѣлію описать только Стрѣлецкіе бунты; изъ двухъ Крымскихъ походовъ говоритъ онъ только о первомъ.

Мелкія противорѣчія ничего не значать, напримѣръ: у Матвѣева, отецъ Долгорукаго убитъ 16-го мая, а у Медвѣдева, 15-го, равно какъ и Языковъ. Дьякъ Кириловъ у Матвѣева убитъ 15-го, а въ официальной запискѣ — 16-го.

Записка Матвѣева написана ужаснымъ витіеватымъ слогомъ, хотя и прорываются у него простонародныя выраженія: приводецъ, сжевын рукавицы, ужъ въ травѣ не утаится, молотъ вскорѣ нашелся, когда бы желѣзо вскипѣло имъ ковать (должно быть испорченная пословица).

Записка напечатана у Туманскаго съ крайнею небрежностію, такъ что въ иныхъ случаяхъ трудно добраться смысла, а въ другихъ получаемъ смыслъ превратный; напримѣръ въ спискѣ (тома VI стр. 33) значится: Князь Михайло Черкасской весьма великодушное и достойное памяти дѣло учинилъ, хотя отъ рукъ стрѣлецкихъ избавить... Матвѣева. „Но тѣ неукротимыя и человѣческія крови наполненныя руки подхвати князя Черкаскаго разодрали на немъ платье и бросили съ Краснаго крыльца“. Сброшенъ былъ Матвѣевъ, а не Черкасскій, на которомъ стрѣльцы только изорвали платье, отнимая у него Матвѣева, какъ то и видно по другимъ спискамъ. (I, стр. 146): „Но тѣ неукротимыя... руки... его боярина Матвѣева, ни въ чемъ имъ неповиннаго, изъ подъ него боярина князя Черкаскаго выдравъ, разодрали на немъ помянутомъ князѣ платье, и потомъ бросили (то-есть, Матвѣева) съ Краснаго крыльца на площадь и... разрубили“. Такъ точно и у Сахарова, стр. 22. Вотъ еще примѣры небрежности Туманскаго: VI, стр. 35: „На томъ же крыльцѣ взяли они стрѣльцы... Иванова... Ларіонова... Горюшкина... Юренева, *которымъ учинили свободу*“. (Последнихъ бессмысленныхъ словъ у Сахарова нѣтъ). Извѣстно, что всѣ означенныя лица были убиты. Убіеніе Ларіонова у самого Матвѣева писано ниже. На стр. 45 и 46 представляется совершенный безпорядокъ: сперва описывается выдача Ивана Нарышкина стрѣльцамъ („*котораго взяли они стрѣльцы вышми*“), а потомъ говорится объ образѣ, переданномъ царевной царицѣ, которая отдала его брату, приводится рѣчь князя Одоевского о выдачѣ, и наконецъ, опять опи-

саніе, какъ царица отворила дворъ за Золотою рѣшеткой и отдала брата стрѣльцамъ. Вся путаница происходитъ отъ бессмысленныхъ вышеприведенныхъ словъ, вмѣсто которыхъ въ другомъ спискѣ (I, стр. 160), и въ Сахаровскомъ (стр. 29) сказано: „по тѣхъ словахъ вышли они“, то - есть, царица съ братомъ, и проч. Такъ точно на стр. 42, VI, въ описаніи, какъ на первый день бунта постельница Клушина спрятала Ивана Нарышкина съ меньшими братьями, молодымъ Матвѣевымъ и прочими въ чуланѣ, употребленіе слова „однѣ“ чуланъ вмѣсто „оный“ чуланъ совершенно затемняетъ смыслъ, ясный по списку Туманскаго I, стр. 157, и у Сахарова, стр. 27.

У Туманскаго въ Собраніи записка Матвѣева напечатана вдвойнѣ: въ I-й части подъ заглавіемъ: Описаніе бунта въ 1682 году съ рукописи, стр. 109—229, и въ VI-й части подъ заглавіемъ: Описаніе графа Матвѣева, стр. 8—56, и еще стр. 86—96, съ большими пропусками.

II.

Записка Медвѣдева.

Медвѣдевъ, землякъ и другъ Шакловитаго (изъ села Новоселки, въ 40 верстахъ отъ Курска), служилъ вмѣстѣ съ нимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ подъячимъ; постригся въ монахи въ Путивлѣ, сблизился въ послѣдствіи съ наставникомъ царя Θεодора Алексѣевича Симеономъ Полоцкимъ, и поступивъ въ строители Заиконоспасскаго монастыря, предался ученію и написалъ нѣсколько сочиненій. Онъ сдѣлался извѣстнымъ наконецъ царицѣ Софіи и надѣялся, говорить, сдѣлаться при ней патриархомъ.

На чемъ основано мнѣніе, что записка принадлежитъ ему? На свидѣтельствѣ Татищева, которое подтвердилъ Устряловъ, сообщивъ слѣдующее извѣстіе:

„Изъ розискаго дѣла о Шакловитомъ открывается“, говорятъ онъ, „что Медвѣдевъ, кромѣ сочиненій богословскихъ, политическихъ, стихотворныхъ, составилъ еще лѣтописную книгу о правленіи царицы Софіи съ 7190 года. Намъ же извѣстна рукопись подъ заглавіемъ: „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92 въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ“. Устряловъ выразился неясно: онъ хотѣлъ, кажется, сказать, что записка, приписываемая обыкновенно Медвѣдеву, имѣетъ въ рукописи, ему извѣстной, заглавіе: Созерцаніе и проч.,

чѣмъ и подтверждается, вмѣстѣ съ извѣстіемъ розыскаго дѣла, ея принадлежность этому ученому монаху.

Г. Аристовъ приводитъ слѣдующее показаніе самаго Медвѣдева изъ дѣла о Шакловитомъ: „Была у меня написана книга лѣтописная, начата съ 90 года о правленіи великой государыни, и что было съ того году, а писана та книга съ письма Каріонова (Истомина), а чернилъ ту книгу я, а переписывалъ дьячекъ Ивашка“. Эта книга хранится въ бібліотекѣ Петербургской академіи наукъ подъ заглавіемъ: Соверпаніе краткое лѣтъ ¹⁾ и проч. (Аристовъ, „Московскіи смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“ примѣчаніе 3).

Спрашивается: какаѣ-жъ осталась книга? подлинная, переписанная Ивашкой, или списокъ ея? Если списокъ, то какой—современный, или нѣтъ?

Изъ словъ г. Аристова мы можемъ заключить только, что это не черновая книга, правленная Медвѣдевымъ, ибо онъ говоритъ далѣе: „Что въ этомъ сочиненіи принадлежитъ перу Истомина и Медвѣдева и что внесено въ XVIII (?) вѣкъ — отгадать мудрено“. Я нашелъ послѣ въ дѣлѣ о Шакловитомъ вариантъ этого извѣстія: была-де у него написана книга лѣтописная о правленіи великія государыни.

Если записка принадлежитъ Медвѣдеву, то когда имъ написана?

Вѣроятно послѣ казни Хованскаго, съ цѣлію оправдать ее, равно какъ и осужденіе стрѣльцевъ, которыхъ неистовства изображены въ ней самыми яркими красками.

Изъ содержанія записки видно, что сочинитель былъ приверженцемъ царевны Софіи и имѣлъ въ рукахъ подлинныя документы, которыхъ теперь не отыскивается; всѣ частныя извѣстія его вѣрны, подтверждаются другими документами и представляютъ многія драгоцѣнныя черты, имъ только сохраненныя.

Передадимъ содержаніе записки:

Начало смятеній въ зимнее время (190 года), жалобы стрѣльцевъ полку Пыжева. Несправедливое и жестокое наказаніе жалобщиковъ по распоряженію боярина Языкова. У Туманскаго, VI, стр. 54. Здѣсь авторъ глубокомысленно замѣчаетъ: „о неразумныхъ бѣдственнаго совѣта, яко неправеднымъ народъ паче хоцуть удержати страхомъ, нежели праведною любовію“.

Апрѣля 23-го. Новая жалоба на полковника Грибоѣдова, который былъ посаженъ въ тюрьму только на день. Стрѣльцы, опасаясь та-

¹⁾ Введенію, стр. I, III.

кого же себѣ наказанія, какъ прежде, начали волноваться и совѣщаться о мѣрахъ спасенія. Стр. 56.

Смерть Ѳедора, апрѣля 27-го, въ четвергъ въ 13 часовъ дня. Избраніе въ тотъ же день Петра, общимъ согласіемъ всѣхъ сословій, по вызову патріарха, присяга и проч. Стр. 57—63.

Апрѣля 28-го. Погребеніе Ѳедора. Опасенія стрѣльцевъ, 64.

Апрѣля 30-го и мая 5-го. Просьбы стрѣльцевъ на полковниковъ. Приказаніе выдать ихъ головою стрѣльцамъ. Участіе патріарха и просьба къ нимъ не требовать къ себѣ полковниковъ: 65.

Расправа съ полковниками передъ разрядомъ: биты битегами; потери и убытки стрѣльцевъ съ нихъ взысканы. Каждому изъ наказанныхъ исчислены подробно его вины. 66—70.

Стрѣльцы тѣмъ не удовольствовались, буйствовали, начиная съ полка Колобова, и влюбились больше и больше на начальниковъ и придворныхъ временщиковъ. 71.

Мая 15-го. Въ полномъ вооруженіи устремились на Кремль, заперли ворота и окружили Красное крыльцо. 72.

Съ верху послано за патріархомъ. Стрѣльцы кричали, что нѣкоторые бояре хотятъ царскій родъ извести, и царевича Ивана убили. На вопросъ присланныхъ бояръ отвѣчали также. 73.

Царица, съ патріархомъ и боярами, вышли на Красное крыльцо, по общему совѣту, гдѣ были и царевны, и показали имъ и царя, и царевича. Патріархъ хотѣлъ сойти къ нимъ внизъ. „Ненужны ничьи совѣты“, закричали они въ отвѣтъ; „пора разбирать, кого намъ надо“, бросились вверхъ и убили Матвѣева, Аванасія Нарышкина, Ларіона Иванова съ сыномъ, М. Ю. Долгорукаго, Петра Михайловича Салтыкова, принятаго за Ивана Нарышкина, Андрея Доктурова. 74—76.

Убиеніе Ромодановскаго, Ларіона Иванова (?). Въ тотъ же день, за два часа до вечера, Ю. А. Долгорукаго, Ивана Нарышкина, въ 1-мъ часу ночи — Языкова. 77.

Описаніе, какъ трупы убитыхъ были таскаемы на Красную площадь. 78.

Опустошеніе суднаго и холопьяго приказовъ, для привлеченія на свою сторону холопей. 78.

Мая 16-го, въ 1 часу дня, стрѣльцы пришли къ царскимъ палатамъ и убили Аверкія Кирилова, доктора Яна Гутменша, стольника Якова Данилова, сына доктора Данилы, и требовали у Патріарха, чтобъ выдалъ у него якобы спрятанныхъ. 79.

Мая 17-го. Требуютъ у царя и царицы Натальи Кирилловны, чтобъ выдала отца, К. П. и брата И. К., доктора Данилу. Страшная казнь И. Нарышкина и доктора Данила. 80.

Постриженіе отца царицы и отсылка на Вѣлоозеро. Запрещеніе грабить. 81.

Стрѣльцы назвали себя надворною пѣхотою. Всеобщій ужасъ. Многіе жители разбѣжались. 81.

Царевна Софія укрощаетъ бунтъ своими увѣщаніями. Жалуется по 10 руб. на человѣка. Начальникомъ назначенъ князь Хованскій. 83.

Возстаніе раскольниковъ - капитоновъ, которые хотѣли воспользоваться общимъ разстройствомъ. Князь Хованскій цокровительствуетъ. 135.

Проповѣдь раскольниковъ по улицамъ. 136.

Сочиняютъ челобитную о преніи на Красной площади съ намѣреніемъ „лестью всѣхъ побити“.

Юля 3-го. Князь Хованскій зоветъ патріарха на преніе, якобы по указу царскому. 137.

Патріархъ безъ царей отказывается, служить молебень, 138.

Раскольники приходятъ на площадь. 139.

Хованскій зоветъ патріарха идти къ государямъ чрезъ Красное крыльце, гдѣ было множество раскольниковъ, „хотя раскольники желаніе свое о убійствѣ патріарха исполнити. 140.

Навѣты князя Хованскаго и устрашенія, дознанныя царевной чрезъ выборныхъ стрѣльцевъ. 141.

Хованскій отговариваетъ царевну идти въ Грановитую палату съ патріархомъ и властями подъ страхомъ смерти, но напрасно. 142, 143.

Собраніе въ Грановитой палатѣ. Хованскій продолжаетъ настаивать на прежнемъ своемъ мнѣніи. 144—148.

Раскольники призываются. Софія спрашиваетъ о причинѣ ихъ возмущенія. 149.

Препинаніе съ Никитой. 150.

Чтеніе челобитной. Рѣчь патріарха. 151—153.

Дѣйствія раскольниковъ. Рѣчь Софіи, которая грозитъ удаленіемъ. Присутствующіе просятъ ее остаться. 154, 155.

Окончаніе пренія ко времени вечеренъ. Раскольники расходятся, торжествуя якобы свою побѣду. 156.

По приказанію царевны выборными стрѣльцами они перехватаны, и Никита казнень въ іюнь. 157, 158.

Продолженіе смуть. Слухи о намѣреніи бояръ перевести стрѣльцевъ. Казнь царевича Одышевскаго Матвѣя. 111, 112.

Казнь привезеннаго полковника Степана Янова по распоряженію стрѣльцевъ, Ярославца Визяева, дворянина Московскаго Вешнякова, по оговорамъ. 113.

Отказъ о выдачѣ даточнымъ стрѣльцамъ подможныхъ денегъ съ монастырей. 114.

Возмутительныя рѣчи Хованскаго. Злоумышленія стрѣльцевъ убить царей, 19-го августа, на ходу въ Донской монастырь, и избрать новаго царя. 115.

Цари въ ходъ не пошли, но прибыли съ монастырь послѣ. Рѣшено оставить Москву. Отъѣздъ въ село Коломенское. 116, 117.

1-го сентября на дѣйствіе никого не было въ Москвѣ изъ правительства, кромѣ одного окольного. Общій страхъ. 97.

Преданіе стрѣльцевъ Хованскому. Подметное письмо, сентября 2-го, въ Коломенскомъ объ его умыслѣ. 98—100.

Отъѣздъ царскаго двора изъ Коломенскаго въ Саввинъ монастырь и призывныя грамоты оттуда, съ описаніемъ измѣны Хованскихъ. 101—111 ¹⁾.

Отмѣтимъ извѣстія, собственно принадлежащія Медвѣдеву:

Жалоба изъ полка Пыжева и жестокое наказаніе жалобщиковъ.

Просьба изъ полка Грибоѣдова и ея слѣдствія.

Начало смущенія въ полку Колобова.

Посланіе патріарха къ стрѣльцамъ съ просьбою не требовать къ себѣ полковниковъ.

Челобитная стрѣльцевъ 4-го мая, которая подтверждается ея удовлетвореніемъ 5-го мая, записаннымъ въ разрядной запискѣ.

Исчисленіе винъ полковниковъ предъ наказаніемъ ихъ.

Буйный отвѣтъ патріарху, который хотѣлъ уговорить стрѣльцевъ.

Описаніе, какъ стрѣльцы тащили убитыхъ на площадь, какъ пытали Ивана Нарышкина, какъ уведень былъ на постриженіе Кирило Нарышкинъ и отвезенъ на Бѣлоозеро.

Извѣстіе о бѣгствѣ изъ Москвы лицъ служилаго сословія.

Многія грамоты сохранились только у Медвѣдева.

¹⁾ По запискѣ Медвѣдева ясно, какъ поверхностно еще обращаются у насъ изслѣдователи съ источниками: мы не знаемъ, чѣмъ собственно оканчивается эта записка, какииъ образомъ жалованная грамота попала въ стрѣльцамъ послѣ извѣстія объ измѣнѣ Хованскихъ, есть ли у Медвѣдева описаніе казни Хованскихъ и проч.

Прочія извѣстія согласуются съ другими свидѣтелями, на примѣръ, о смерти Федора въ 13-мъ часу, о приготовленіяхъ всѣхъ полковъ 15-го мая, о началѣ бунта въ 9-мъ часу, объ убійствѣ молодаго Салтыкова по ошибкѣ, и проч.

Буйства и свирѣлость стрѣльцевъ описаны безпристрастно. Избраніе Петрово обстоятельнѣе, нежели въ другихъ источникахъ.

Медвѣдеву противорѣчій нѣтъ нигдѣ никакихъ, а развѣ подтвержденія, на примѣръ, о первыхъ жалобахъ на полковника Грибоѣдова, о распускавшихся слухахъ, о казни царевича Матвѣя, Ярославца Визяева, Вешняковыхъ.

Нѣкоторыя разнорѣчія не важны: на примѣръ, по Медвѣдеву, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій убитъ въ первый день, за два часа до вечера, а Языковъ—въ 1-мъ часу ночи. У Матвѣева же Долгорукій убитъ на другой день, а Языковъ—на третій, какъ и въ официальной запискѣ.

При такихъ достоинствахъ историческаго памятника, что же можно сказать противъ него?

Нельзя сказать ничего противъ того, что есть, но можно сказать много о немъ по тому, чего нѣтъ, что имъ умолчано, съ очевидными задними мыслями. Это умолчаніе свидѣлствуетъ всего убѣдительнѣе противъ Медвѣдева и служитъ вмѣстѣ къ подтвержденію другихъ извѣстій о началѣ стрѣлецкаго бунта.

Какимъ образомъ историкъ, который хочетъ представить „созерцаніе, что содѣяся во гражданствѣ“, который описываетъ избраніе Петрово на трехъ страницахъ и передаетъ со всѣми подробностями вины полковниковъ стрѣлецкихъ, не находитъ нужнымъ описать, даже упомянуть, о возвращеніи *Матвѣева*, не сказать ни слова о томъ, что весь бунтъ былъ устремленъ противъ *Нарышкиныхъ* и ихъ друзей, что прочіе сановники, *другая партія*, остались неприкосновенными, что среди бунта смѣнено было правительство прежнее и установлено новое изъ друзей Софійинныхъ, и что бунтъ кончился избраніемъ на царство Ивана и правленіемъ царевны Софіи? Медвѣдевъ всѣ эти главные послѣдствія бунта проходитъ молчаніемъ, какъ-бы оправдывая простую пословицу: „знаетъ кошка, чье мясо съѣла“.

Видно, было нужно умолчать ихъ? Да, для того, чтобъ отстранить всякую тѣнь подозрѣнія отъ царевны Софіи, которой Медвѣдевъ былъ преданъ душою. Съ этою цѣлію онъ приписываетъ начало бунта однимъ стрѣльцамъ, вслѣдствіе притѣсненій, которымъ они подвергались отъ своихъ полковниковъ, и несправедливости правительства, наказывавшаго ихъ за жалобы. 15-го, 16-го, 17-го мая, они

раздѣлялись, съ кѣмъ имъ было надо и были наконецъ укрощены царевною Софіей.

Одно показаніе датскаго резидента, который былъ охраняемъ во второй депъ бунта именемъ царевны Софіи,—и вопросъ князя Хованскаго, тогда же при ней обращенный къ стрѣльцамъ: удалять ли царицу Наталю Кириловну изъ дворца, доказываетъ участіе и значеніе царевны Софіи въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, несправедливо отрицаемое профессоромъ Аристовымъ, который принимаетъ показаніе Медвѣдева безусловно.

Издавая по своему событію, Медвѣдевъ не замѣчаетъ, въ какомъ противорѣчіи онъ впадаетъ даже съ грамотою, имъ же сохраненною, гдѣ, при произнесеніи приговора Хованскому, приписывается уже ему, Хованскому, а не стрѣльцамъ, начало бунта. Медвѣдевъ извѣстіями своими о Хованскомъ опровергнулъ самъ прежнія свои показанія и доказалъ, что въ нихъ столь же мало правды, какъ и въ послѣднихъ, и что записка его написана съ задними мыслями. О Хованскомъ нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека по всѣхъ источникахъ, на что ему нужно-бы было первое возбужденіе стрѣльцевъ.

Почему Матвѣевъ, напримѣръ, отнесся бы съ большимъ пристрастіемъ къ Милославскому, чѣмъ къ Хованскому, котораго онъ и по имспи не называетъ до случившейся съ нимъ катастрофы, а приписываетъ всю бѣду Милославскому, даже и не упомянутому Медвѣдевымъ. Хованскій былъ участникомъ въ бунтѣ съ Софіей, но не зачинщикомъ. Онъ сдѣлался опаснымъ для правительства своими замыслами и во всякомъ случаѣ былъ страшенъ для нея, какъ человѣкъ безпокойный и нескромный свидѣтель, Тараруй. Отъ него надо было избавиться, вмѣстѣ съ другими повѣренными язь стрѣльцевъ — Борисомъ Одинцевымъ и проч. Чтобъ оправдать его казнь и вмѣстѣ отвести отъ себя подозрѣніе, которое, разумѣется, распространялось въ народѣ, кстати было приписать ему и начало всѣхъ смятеній и свалить всю вину на него,—а вина, видно, была. Чья же?

III.

Книга записная царя и великаго князя Петра Алексѣевича, въ 190 году ¹⁾.

Эта записка краткая, но очень важная, представляетъ слѣдующія данныя, коими подтверждаются показанія прочихъ источниковъ, имѣвшія въ томъ нужду, и другія, какихъ нѣтъ нигдѣ.

¹⁾ Напечатана въ прилож. къ Исторіи Россіи, Соловьевъ, т. XIII, стр. 400.

Нареченіе на царство Петра апрѣля 27-го, въ 13 часу, въ четвергъ Ѳоминой недѣли.

Отказъ стрѣльцевъ присягать въ приказѣ Александра Карандѣева. Уговорены присланными княземъ Щербатымъ и дьякомъ Украинцовымъ.

Пожалованы въ спальники: братья царицы Нарышкины: Иванъ, Аѳанасій, Левъ, Мартемьянъ, другіе Нарышкины, Юшковъ, Стрѣшевъ.

Возвращено боярство Матвѣеву. Нѣсколько Нарышкиныхъ вызвано изъ опалы.

Приказъ большой казны и проч. порученъ боярину князю Я. Н. Одоевскому, Д. М. Башмакову да дьяку Полинскому.

28-го апрѣля. Погребеніе цари Ѳедора Алексѣевича. За гробомъ изъ дворца шли царь Петръ, царица Наталья Кирилловна, и царевна Софія Алексѣевна.

Царица Наталья Кирилловна съ молодымъ сыномъ своимъ на отиѣваніи у обѣдни не присутствовала.

29-го числа. Просьба стрѣльцевъ на полковниковъ и на пятидесятскихъ въ насильствахъ, налогахъ и раззореніяхъ.

Велѣно просьбы принять и обсудить патриарху съ боярами, а полковниковъ допросить.

Посланъ дьякъ Ларіоновъ уговаривать — били челомъ противъ прежняго челобитья.

30-го апрѣля. Велѣно посадить въ тюрьму полковниковъ, вотчины у нихъ отобрать, отъ приказовъ отставить и взискать требуемое.

Назначены новые полковники.

Мая того жъ числа (мая 1-го). Сказалъ великій государь наказаніе учинить — бити кнутомъ А. Карандѣева и С. Грибоѣдова, прочихъ батогами.

5-го мая. Стояли на правожѣ полковники противъ стрѣльцкихъ челобитенъ.

7-го мая. Большой выходъ въ соборы.

Иванъ Нарышкинъ пожалованъ бояриномъ и оружничимъ.

12-го мая. Возвращеніе Матвѣеву вотчинъ и людей.

Мая въ 15-й день учинилось смутное время, и то писано въ особой книгѣ.

Мая 16-го. Перемѣна управленія.

Смутное время

(ТАКЪ ОЗАГЛАВЛЕНА ОСОБАЯ ЗАПИСКА РАЗРЯДНАЯ ¹⁾).

Мая 15-го. Была на Москвѣ смута: приходили въ Кремль солдаты полка Матвѣя Кравкова да стрѣльцы всѣхъ приказовъ... Стрѣляли и побили боярскихъ людей и лошадей многихъ, а иныхъ переранили.

Высланъ бояринъ князь Хованскій спросить о причинѣ. (Извѣстія объ этомъ особомъ порученіи Хованскаго нѣтъ болѣе нигдѣ).

Стрѣльцы говорили объ измѣнѣ бояръ, требовали, чтобъ имъ былъ показанъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ.

Царь, царица и патриархъ выходили на крыльцо.

Посланы внизъ уговаривать стрѣльцевъ бояре: князь Черкасскій, князь Хованскій, Шереметевъ, князь Вас. Вас. Голицынъ и проч.

Стрѣльцы потребовали бояръ: князя Юрія Долгорукова, князя Григорія Ромодановскаго, князя Михаила Долгорукова, Кирила Нарышкина, А. С. Матвѣева, Ивана Максимовича Языкова, да боярина и оружничаго Ивана Кириловича Нарышкина, постельничаго Алексѣя Т. Лихачева, казначея Михаила Т. Лихачева, чашника Семена Ивановича Языкова, думныхъ дьяковъ: Ларіона Иванова, Данилу Полянскаго, Григорья Богданова, Алексѣя Кирилова, спальниковъ: Аванасья, Льва, Марьтемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкиннихъ ²⁾).

Данъ отвѣтъ, что ихъ на верху нѣтъ. Стрѣльцы пошли искать ихъ по всѣмъ покоямъ и убили Матвѣева, князя Гр. Гр. Ромодановскаго, Мих. Юр. Долгорукаго, И. М. Языкова — на Никитской, Ю. А. Долгорукаго, Ларіона Иванова и сына его Василья, Дохтурова, Горюшкина, Аванасья Нарышкина, Ѳедора Салтыкова, по ошибкѣ вмѣсто Ивана Нарышкина, Петра Ѳомина Нарышкина — *за Москвой рѣкою*.

Мая 16-го. Стрѣльцы приходили на постельное крыльцо. Царевны выходили ихъ уговаривать. Они требовали прежде названныхъ и еще докторовъ Степана да Яна. (Извѣстія о царевнахъ нѣтъ болѣе нигдѣ).

Велѣно выдать дьяка Аверкія Кирилова (?), Яна и Степанова сына. (Подтверждаются сказанія датскаго резидента и Матвѣева). Стрѣльцы убили ихъ, а прочихъ простили (?). Рѣшеніе судьбы Ивана Нарышкина и Степана царевны упростили отложить до утра (?). (Этого извѣстія нѣтъ болѣе нигдѣ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 413.

²⁾ Стр. 414.

Два приказа пошли въ Нѣмецкую слободу и привели Степана въ нищенскомъ платьѣ и отдали подъ стражу. (Подтверждаетъ и датскій резидентъ).

Мая 17-го. Стрѣльцы пришли опять на постельное крыльцо. Царевны просили о Кирилѣ Полуектовичѣ Нарышкинѣ и Степанѣ. Стрѣльцы согласились постричь отца царицы, а прочихъ вытребовали. Ивана Нарышкина и Степана, послѣ ужасной пытки, убили въ застѣнкѣ.

Мая 18-го. Стрѣльцы приходили безъ ружей требовать постриженія дѣда царскаго, Кирилы Полуектовича Нарышкина, который и былъ постриженъ и отправленъ въ Кириловъ монастырь.

Опредѣлено стрѣльцами ничьихъ домовъ не грабить, и грабившіе были казнены ими же.

Мая 19-го. Стрѣльцы требовали жалованья съ 154 года, — 240 тысячъ.

Царь пожаловалъ имъ по 10 руб. на человѣка.

Стрѣльцы просили отдать имъ имѣніе убитыхъ ими бояръ и думныхъ людей.

Мая 20-го. Стрѣльцы требовали ссылки Лихачевыхъ и другихъ служилыхъ людей.

Мая 26-го. Нареченъ на царство царевичъ Иванъ Алексѣевичъ.

Просьба боярскихъ дворовыхъ людей о свободѣ. Пытки.

Юля 5-го (ошибкою напечатано іюня). Тревога по поводу слуховъ о намѣреніи боярскихъ людей идти на стрѣльцевъ.

Юля 13-го. Пытанъ царевичъ Матвѣй и Ярославецъ въ распущеніи слуховъ.

Юля 15-го. Казнены также стольникъ Степанъ (Лновъ), Яковъ и Матвѣй Вешняковы.

Просьба стрѣльцевъ о памятникѣ, который столбъ и поставленъ. Велѣно называть стрѣльцевъ надворною пѣхотою.

Съ тѣхъ поръ немногіе дни были безъ стрѣльбы.

Августа 20-го. Въ походѣ, въ Коломенскомъ, подметное письмо объ измѣнѣ князя Хованскаго съ сыномъ, которые хотѣли быть на Московскомъ государствѣ и избить бояръ поименованныхъ.

Сентября 1-го. Цари въ дѣйство (Новаго лѣта) не ходили, а велѣли быть князю Ивану Хованскому, и онъ ослушался и на дѣйство не ходилъ.

Сентября 3-го. Походъ въ Звѣнигородъ и оттуда къ Троицѣ.

Сентября 16-го. Измѣна черезъ переметныя письма объявилася,

и послана по Хованскихъ грамота. (Извѣстія о вызовѣ нѣтъ нигдѣ болѣе).

Сентября 17-го. Князь Хованскій схваченъ на пути подъ Пушкинымъ, а сынъ его—въ деревнѣ противъ Вратовщины, и привезены въ Воздвиженское. На площади противъ церкви предъ боярами и думными людьми прочтена имъ грамота думнымъ дьякомъ Ѳеодоромъ Шакловитымъ, и отсѣчены имъ головы, до вечера за часъ.

Меньшой сынъ Хованскаго Иванъ и племянникъ Ѳеодоръ бѣжали. Послѣдній пойманъ, а Иванъ въ часъ ночи добрался до стрѣльцевъ и возвѣстилъ имъ казнь отца и брата и намѣреніе правительства истребить надворную пѣхоту.

Стрѣльцы захватили все казенное оружіе въ Москвѣ и собирались идти въ походъ къ Троицѣ.

Посланъ къ нимъ стольникъ Зиновьевъ съ грамотою, но напрасно. Цари отправились къ Троицѣ и разослали грамоты по городамъ по ратныхъ людей.

Сентября 20-го. Посланъ къ нимъ уговаривать думный дворянинъ Голосовъ.

Сентября дня. Пріѣзжалъ къ Троицѣ митрополитъ Суздальскій Иларіонъ съ повинною стрѣльцевъ.

Прощены. Велѣно привезть князя Ивана Хованскаго, который и привезенъ вмѣстѣ съ Павломъ Языковымъ. Хованскій сосланъ въ Сибирь.

Октября дня. Возвращеніе въ Москву.

Эта записная книга принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ официальныхъ. Она писана въ правленіе Софін, слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть ничего въ предосужденіе царевны; но истина вездѣ зараниваетъ искры, какъ сказалъ Карамзинъ, и мы находимъ здѣсь важныя указанія, которыя проливаютъ свѣтъ на другія, безъ нихъ не совсѣмъ понятныя или сомнительныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, содѣйствуютъ къ изображенію времени.

Объясненіе благопридуманнаго названія бунтовъ смутнымъ временемъ находимъ мы у Матвѣева (что служить, между прочимъ, къ подтвержденію *вѣрности* его извѣстій): „въ 15-й день іюня оба братья государи цари Иванъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, ... рукою... патріарха... были вѣнчаны; бунтовое жъ то время челоуѣкоугодницы придворныя скрывалъ называли *смутнымъ временемъ*“ . (У Туманскаго, т. I, стр. 173).

Въ записной книгѣ мы читаемъ: „а за нимъ (за тѣломъ царя Ѳедора) шелъ великій государь, да государыня царица и великая княгиня Наталья Кирилловна, да государыня царевна и великая княжна Софія Алексѣевна“ (стр. 402). Этими извѣстіями—о присутствіи царевны Софіи и отсутствіи царицы Натальи Кирилловны—подтверждается записка Матвѣева съ ея объясненіями и свѣдѣніи Невіля (о которыхъ см. ниже).

Далѣе записка доставляетъ положительныя свѣдѣнія, изо дня въ день, о первыхъ движеніяхъ стрѣльцевъ и расправѣ съ полковниками, въ подтвержденіе извѣстій Медвѣдева. Замѣтимъ въ особенности одно изъ нихъ: 5-го мая, о стояніи полковниковъ на правожѣ, а 4-го, по Медвѣдеву, было подано о томъ челобитье стрѣльцевъ. Одно извѣстіе подтверждается и дополняется другимъ.

Извѣстіе о большомъ выходѣ царей въ соборы 7-го мая и пожалованіе И. Нарышкина въ тотъ день бояриномъ, равно какъ и другія милости придворныя, проливаютъ свѣтъ на взаимныя отношенія дѣйствовавшихъ лицъ.

Въ описаніи бунта на первый день, 15-го мая, извѣстіемъ о побояхъ боярскихъ людей и лошадей въ Кремлѣ подтверждается извѣстіе Матвѣева и Медвѣдева также.

Извѣстіе объ умерщвленіи Языкова на Никитской и Петра Ѳедоровича Нарышкина за Москвою рѣкою подтверждаетъ Матвѣева.

Прочими извѣстіями подтверждаются показанія Матвѣева, Медвѣдева и датскаго резидента, что служитъ въ доказательству вообще ихъ достовѣрности. Такія подтвержденія значатъ много въ глазахъ критика.

Замѣтимъ извѣстіе невѣрное: князь Юрія Долгорукій и Языковъ были убиты не въ первый день. Это доказываетъ, что и въ официальныхъ документахъ могутъ извѣстія иногда смѣшиваться, почему и нельзя требовать слишкомъ строгой точности въ частныхъ.

Записка писана уже въ правленіе Софіи: потому, можетъ-быть, и выставлено ея ходатайство, на другой день бунта о лицахъ, требованныхъ стрѣльцами, котораго по другимъ документамъ не видно.

IV.

Неизвѣстный (спутникъ Матвѣева).

Странно, что этотъ современный свидѣтель, очевидецъ, представляющій любопытныя свѣдѣнія и о событіяхъ, и о лицахъ, не участвовавшихъ въ бунтѣ, см. СЛХУХ, отд. 2.

стоитъся у насъ даже чести быть помѣщеннымъ въ числѣ источниковъ. „Сей всѣхъ... челобитень и писемъ многотрудившійся и прежде бывшій (?) въ Пустозерскомъ острогѣ, собственною рукою своею достовѣрный списатель при бывшемъ тамъ какъ долготѣнномъ заточеніи его боярскомъ и неоднократно уже въ 185 и потомъ въ 190 годѣхъ отъ воровскаго бунта Московскихъ стрѣльцевъ... съ великимъ любопытствомъ и трудомъ, всѣ тѣ собраны онныя списатель тщательно, и яко при всемъ томъ его боярскомъ и сына его невинномъ злостраданіи, и при семилѣтнемъ заточеніи съ начала самаго... до Казани... до Пустозерскаго острога... до Мезенска... до Лука... и во время вышеупомянутаго стрѣлецкаго бунта *свидѣтель сей очевидный*, всѣмъ оннымъ бѣдствамъ *самовидецъ* и присутственный сострапецъ... сіе самое... обстоятельнѣйшее и вѣры достойное изъясненіе... разумному свѣту сообщалъ и предложилъ на безсмертную память... да заградить уста тѣмъ глаголющимъ на праведное беззаконіе“¹⁾.

Выписываемъ ему собственно принадлежащія извѣстія: ими, какъ нитями, скрѣпляются многія дѣла (факты), которыя казались отрывочными.

Анна Петровна Хитрова, святоша, жила въ домѣ боярина Бориса Ивановича Морозова, дядьки и друга царя Алексѣя Михайловича. Морозовъ приставилъ ее къ сыну царя Алексѣя Михайловича Ѳеодору (авторъ называетъ ее лютю враждебницею и тяжкою озлобительницею), вмѣстѣ съ ея сыномъ Богданомъ Матвѣевичемъ, который изъ городовыхъ Алексинцевъ достигъ до боярскаго чина. Хитровы возненавидѣли молодую царицу Наталью Кирилловну и ея семейство, ставшее имъ поперегъ дороги, и по смерти царя Алексѣя Михайловича начали вымещать на нихъ свою злобу. Богданъ Матвѣевичъ принялъ къ себѣ племянника Александра Севастьяновича, съ которымъ управлялъ вмѣстѣ дворцовымъ приказомъ. Они пользовались своими мѣстами, что будто бы донесено было Матвѣевымъ царю Алексѣю Михайловичу.

Другое лицо, ненавидѣвшее Матвѣева, былъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, котораго Матвѣевъ удалилъ будто на воеводство въ Астрахань. „Бояринъ И. М. Милославскій, который сверхъ вышеписанной учиненной невинно единныя ради токмо зависти наглою и злобы напрасной ему болрину А. С. Матвѣеву и смертной обиды... Явствен-

¹⁾ Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева, изд. *Носиковымъ*, 1785, стр. 371.

ная и скоропостижная открытою уже зависти наружи, какъ огонь крющійся и изъ древняго зданія вонъ выбился, оная причина открылась“ (стр. 383).

Сообщникомъ ихъ былъ окольный Василій Семеновичъ Волинскій, заклятый врагъ Матвѣева, который будто ходатайствовалъ за него когда-то предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. У его жены было заведено золотошвейное искусство — были собраны знаменитыя швеи золотомъ и серебромъ, и она сдѣлалась необходимою благодѣтельницею для Московскихъ боярынь.

Этимъ лицамъ авторъ приписываетъ сплетеніе всѣхъ клеветъ, по которымъ бояринъ Матвѣевъ подвергся ссылке. Для изслѣдованія врагами посланъ былъ въ Казань дьякъ Иванъ Гороховъ, который, во время управленія посольскимъ приказомъ Матвѣева, былъ уличенъ въ тайной перепискѣ съ Донскими казаками, а потомъ и посланъ въ ссылку. Его взяли изъ ссылки и дали это порученіе. Можно представить себѣ, какъ онъ его исполнилъ, и что Матвѣевъ долженъ былъ вытерпѣть.

Молодая царица, вторая супруга Ѳеодорова, Марѳа Матвѣевна Апраксина, обнаружила клеветы и умыслы Хитрова, Милославскаго, Хитровой, примирила своего мужа съ царицей Натальей Кирилловной и сыномъ ея и всѣми Нарышкиными. Разумѣется, молодая царица, 14-ти лѣтъ, была только орудіемъ и дѣйствовала по наученію избравшихъ ее приближенныхъ Ѳеодоровыхъ, Языкова и Лихачевыхъ. Всѣ послѣдующія обстоятельства, то-есть, происхожденіе Стрѣлцаго бунта, описаны въ этой запискѣ очень вѣрно.

„Ибо въ тѣ времена при ихъ величествахъ, при великомъ государѣ царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и при великой его государынѣ царицѣ, братіе ея царицны Петръ и Ѳеодоръ Матвѣевичи Апраксини, особливо же причиною свойства бояринъ и оружейничій Иванъ Максимовичъ Языковъ, глубокой Московскихъ прежде площадныхъ, потому же при томъ времени своемъ дворскій обхожденій проникатель, и постельничій Алексѣй Тимоѣевичъ, и стряпчій съ ключемъ братъ его Михаилъ Тимоѣевичъ Лихачевъ, особы, великаго разума и самаго благочестиваго состоянія исполненныя, въ крайней близости и милости у ихъ высокоименованныхъ величествъ обрѣталися и сильнымъ орудіемъ ко оправданію совершенной невинности тѣхъ оклеветанныхъ господъ Нарышкиныхъ и его боярина Артемона Сергѣевича и сына его... способствовали и весьма въ томъ желаніи своемъ благосклонномъ счастливо такъ предусѣли, и тѣмъ челоуѣконенавистнымъ боя-

ромъ вышепоименованнымъ Милославскому, Хитрому и сродницѣ его, оклеветавшимъ тай искреннихъ своихъ, онъ бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ такую жестокую бразду или удило въ зубы ихъ положилъ, что уже и при жизни ихъ мало прїѣдомъ своимъ дворъ царскій знали, и при животѣ жъ его жъ Хитрова и чинъ его оружейничество ему боярину Ивану Максимовичу Языкову былъ отдавъ. Стр. 408.

В. М. Хитровъ... въ послѣднее время при дворѣ его царскомъ уже мало бывалъ.

Боярина А. П. Хитрова... по кончинѣ его же... Ѳедора, за свои неописанныя злобы... отъ всѣхъ уничтоженна Стр. 400.

Александръ Милославскій... вмѣсто ссылки посланъ онъ былъ воеводою на Пермь (стр. 399)... вѣроятно, при поцареніи Петра? „И по своемъ оттуда поворотѣ“ ... вѣроятно, по вступленіи въ управленіе царицы Софіи Алексѣвны.

„Усмотря прибытіе изъ заточенія въ Москву господъ Нарышкиныхъ и его, боярина Артемона Сергѣевича, и видя по премногу ихъ сильныхъ при томъ дворѣ царскомъ во всемъ дѣйствительныхъ членовъ, всемѣрно опасаяся за свои неистовыя и беззаконныя дѣла отъ онаго царскаго дому достойнаго себѣ воздаянія, началъ тайно ковь чрезъ тонкія свои коварства промыслять къ будущей своей и надежной безопасности тогда бывшаго и старшаго, но всѣми скорбями естественными отъ самыхъ младыхъ ногтей весьма отягченнаго государя царевича Іоанна Алексѣевича всея Россіи, и сестръ его царевей, снискательницъ склонныхъ и желательницъ горячихъ къ дѣйствительному изслѣдствію искомаго себѣ благополучія, того и всякими коварными и зѣло скрытными пронырствами своими, за долго до прибытія въ Москву его, боярина Артемона Сергѣевича, купно съ своими клеветы, а именно съ племянникомъ своимъ, съ Александромъ Ивановымъ сыномъ Милославскимъ и съ Петромъ Андреевичемъ сыномъ Толстимъ, и съ Иваномъ Циклеромъ, всякими лукавства своего прелестями и самыми составными весьма ложными клеветами, аки Ахитофеловымъ совѣтомъ, наговаривать Московскихъ стрѣльцовъ и возмутить къ бунту, якобы по законной причинѣ первенства его вышеименованнаго царевича, что онъ государь царевичъ обойденъ къ возвышенію той короны царской, и произшелъ къ ней меньшей государь царевичъ Петръ Алексѣевичъ и за то представлялъ имъ стрѣльцамъ много прибыльные чины и великія передѣ прежнимъ въ годовомъ денежномъ жалованьѣ впредь прибавки, токмо чтобы безотложно

и неукоснительно причиною того бунта его государя царевича Іоанна Алексѣевича на царство Россійское они стрѣльцы возвели. И то къ подвигу онаго бунта учрежденное орудіе и ихъ стрѣлцкое оружіе въ совершенной уже готовности висѣло, но за однимъ обожданіемъ, паче всѣхъ усердно желаемымъ обожданіемъ прибытія въ Москву его, боярина Артемона Сергѣевича, зная высокой его разумъ и остроумное во всѣхъ дѣлѣхъ благоискусство, и за многія древнія и вѣрныя службы, а по сильному при царскомъ дворѣ кредиту, отъ мнимаго ему Милославскому его боярскаго впредь жестокаго себѣ отищенія, больше иныхъ особъ надобенъ былъ ко всевѣрному его искорененію“.

Возвращеніе Матвѣева и встрѣча его въ Москвѣ описаны подробно и согласно съ извѣстіями датскаго резидента.

Стр. 416. „Изъ тѣхъ старшихъ бояръ древпій и крайній ему боярину Артемону Сергѣевичу и въ самое то злополучное его несчастіе неотмѣнный благодѣтель князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой, отъ своей погорбленной и весьма потруженной старости того времени уже параличною болѣзнію отягченъ былъ: того ради не умедли, съ первыхъ же дней, онъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ въ домъ его и съ сыномъ своимъ пріятельское свое почтеніе ему боярину учинилъ, и при томъ зѣло радостно и слезно съ великимъ сожалѣніемъ и благопріятствомъ отъ него боярина князя Юрія Алексѣевича были они приняты, и на долговременныхъ разговорахъ одинъ на одинъ они бояре оба съ собою были.

„Изъ тѣхъ же бояръ Иванъ Михайловичъ Милославской, прикинувся, якобы случаемъ болѣзни своей, по дѣйству же самой притворной и злохитрой, и у него боярина Артемона Сергѣевича съ прочими бояры въ домъ не былъ и посѣщеніи ему не учинилъ, ниже по обыкновенному челоуѣколюбію спросить о прибытіи его въ Москву никого отъ себя къ нему боярину не присылывалъ“.

V.

Записка датскаго резидента.

Вѣрное объявленіе скорбной и страшной трагедіи, которая здѣсь въ Москвѣ приключилась въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, 15-го, 16-го и 17-го мая нынѣшняго 1682 года.

Эта кровавая трагедія произошла большею частію вслѣдствіе великаго неудовольствія, заявлявшагося часто стрѣльцами на великую тя-

гость и жестокое обремененіе ихъ работою, отъ которой не освобождались они по воскресеньямъ и по праздникамъ, и которую они должны были нести для своихъ полковниковъ, понуждаемые побоями. Въ особности вынуждены были жаловаться стрѣльцы полка Семена Грибоѣдова, который на прошедшей Свѣтой недѣлѣ заставлялъ ихъ возить на дворъ къ себѣ камень, известъ и другіе матеріалы на стройку новаго его загороднаго дома въ нѣсколькихъ миляхъ за городомъ. Стрѣльцы рѣшились подать на него за это и за уменьшеніе ихъ жалованья (изъ котораго всегда должны они были уступать часть упомянутому полковнику) просьбу, апрѣля 25-го, царю Федору Алексѣевичу (который былъ тогда еще живъ, хотя и очень слабъ), для чего и избрали способнаго человѣка изъ своего общества, чтобы передать эту просьбу въ стрѣлецкомъ приказѣ, которая и была передана думному дворянину Павлу Петровичу Языкову, управлявшему вмѣстѣ съ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ стрѣлецкимъ приказомъ. Этотъ Павелъ Петровичъ принялъ отъ нихъ просьбу и сказалъ, что передастъ ее князю Долгорукому и на другой день сообщитъ имъ рѣшеніе. Названный думный отправляется за симъ къ князю Долгорукому, представляетъ ему поданную ненадлежащимъ образомъ просьбу, донося, что принесъ ее пьяный стрѣлецъ, и говоритъ притомъ многія бездѣльные слова о князѣ Долгорукомъ и другихъ, на что тотъ отвѣчалъ: „Поелику это пьяный стрѣлецъ, то вели привести его завтра предъ ихъ сѣзжую избу и высѣчь хорошеенько кнутомъ, чтобы другіе видѣли себѣ примѣръ“. На другой день приходитъ стрѣлецъ, представлявшій просьбу, въ приказъ и спрашиваетъ у думнаго, что послѣдовало по ихъ домогательству, который ему отвѣчаетъ, что его царское величество повелѣлъ наказать его за буйство и высѣчь для примѣра другимъ предъ ихъ сѣзжею избою кнутомъ, и даетъ тутъ же приказъ тамошнему дьяку для исполненія. Стрѣлецъ, въ сопровожденіи двухъ служителей, былъ отведенъ туда, и когда былъ раздѣтъ, то дьякъ прочелъ ему его приговоръ. Стрѣлецъ закричалъ тогда своимъ товарищамъ: „Я съ вашего согласія и по вашему желанію подавалъ просьбу: что жъ вы выдасте меня на такой позоръ?“ Нѣсколько стрѣльцевъ бросилось къ нему, повалили пристава и двухъ служителей, приколотили ихъ ужасно и освободили своего товарища. Дьякъ (который отъ страха не сходилъ съ лошади), увидя это, удалился тотчасъ и передалъ думному о происшедшемъ. Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Стрѣльцы вознегодовали на такое рѣшеніе, собрались на слѣдующую ночь, какъ и на другой

день по утру, пригласили къ себѣ нѣсколько товарищей изъ другихъ полковъ и освѣдомились у нихъ, какіе полковники обходятся съ ними такимъ же образомъ, и оказалось, что изъ 20 полковниковъ, начальствовавшихъ надъ 22 тысячами стрѣльцевъ, было девять, которые могли быть обвинены въ наложеніи такихъ же тягостей. Стрѣльцы соединились тогда между собою и рѣшились искать на нихъ суда, иначе переломать имъ шею, какъ вдругъ, апрѣля 27-го, въ четвергъ, скончался царь Ѳедоръ, въ 4 часа пополудни. Стрѣльцы призваны были во дворецъ присягать вновь избранному царю Петру Алексѣевичу, ибо Иванъ слѣпъ и косноязыченъ (*blind von Gesichte und schwer von Sprache*), что стрѣльцы исполнили охотно (*willig*) и разошлись потомъ по домамъ. Въ пятницу, 28-го апрѣля, совершено погребеніе почившаго царя; стрѣльцы держали себя совершенно спокойно (*ganz still*). Въ субботу, 29-го апрѣля, пришли они во множествѣ во дворецъ и потребовали отъ новаго царя наказанія девяти полковниковъ и взыскапія съ нихъ всѣхъ проторей и убытковъ по точному реестру,—иначе найдутъ себѣ судъ сами, перебьютъ полковниковъ, оберутъ ихъ дома, на уплату своихъ долговъ, да и не останутся на этомъ, а раздѣляются и съ другими измѣнниками (разумея подъ ними нѣкоторыхъ вельможъ), и назвали имена нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ преимущественно въ правленіи, ибо терпятъ жестокость своихъ полковниковъ и дурное правленіе измѣнниковъ, обманывавшихъ царя, они болѣе не могутъ. При дворѣ произошло великое смущеніе, и дано приказаніе посадить девять полковниковъ подъ стражу. На это употреблено два дня. Стрѣльцы требовали ихъ себѣ, но получили отказъ, чѣмъ были недовольны и уступили только благодаря патриарха и нѣкоторыхъ бояръ съ обѣщаніемъ, что полковники будутъ отставлены и замѣщены другими, а имъ заплатятъ всѣ убытки. Кромѣ того, стрѣльцы требовали, чтобы полковники были высѣчены вѣнцомъ и помирились наконецъ на батогахъ, что и было исполнено въ понедѣльникъ и во вторникъ, 1-го и 2-го мая. Полковники передъ приказомъ были раздѣты, положены на брюхо и сѣчены до тѣхъ поръ, пока стрѣльцы закричатъ „довольно“. Нѣкоторыхъ, особенно ненавистныхъ, клали по два, по три раза, и ломали объ нихъ по двѣ и по три пары паловъ (*wurden wohl 2 und 3 Paar Stöcke auf ihren Rücken gebrochen*); другихъ, не столько виноватыхъ, сѣкли меньше, по усмотрѣнію стрѣльцевъ, которымъ никто поперечить не смѣлъ. Потомъ благодарили они его царское величество за правый судъ. Полковники приносили наложенную на нихъ пеню по двѣ ты-

сячи рублей, иные меньше; принесшихъ отпускали, замѣшкавшихся ставили на правожъ всякій день по два часа, пока они не выплачивали долга. Такъ продолжалось восемь дней. Полковники, расплачась, разѣхались по своимъ деревнямъ. Умные люди говорили, что стрѣльцамъ дано слишкомъ много воли, и отъ нихъ произойдетъ еще больше зла, ибо стрѣльцы безпрестанно толковали, что избраніе новаго царя произошло незаконно, что не можетъ быть, чтобы старшій царевичъ Иванъ отказался по болѣзни, что это сдѣлано партией инявнянниковъ, преимущественно Нарышкиными, отцемъ и братомъ старшей царицы, матери избраннаго (которому прошедшаго 1-го мая исполнилось 10 лѣтъ). Они кричали открыто, что не хотятъ управляться какимъ-нибудь Нарышкинымъ или Матвѣевымъ, который послѣ шестилѣтней ссылки ожидался со дня на день. Лучше имъ сломить шею. Впрочемъ, это было только говорено, а все оставалось тихо, въ прежнемъ положеніи. Только бояринъ Языковъ, Иванъ Максимовичъ, самый большой любимецъ покойнаго царя, которому вѣрена была и артиллерія, и Лихачевы, Алексѣй и Михайло, такіе же большіе любимцы, первый оберъ-камергеръ, а другой казначей, получили запрещеніе являться предъ очи царскіе, кромѣ Царицы Натальи Кирилловны. Артиллерія поручена старшему сыну Нарышкина, который 23 лѣтъ возведенъ на степень боярина, что произвело неудовольствіе между многими: какъ такой молодой человѣкъ, въ такое короткое время, могъ удостоиться такихъ высокихъ почестей. Другой братъ, Аванасій Кирилловичъ, около 20 лѣтъ, назначенъ форшнейдеромъ. Стрѣльцы, какъ и прочіе люди, выражали часто свое неудовольствіе о такомъ быстромъ возвышеніи Нарышкиныхъ. Матвѣеву, медлившему возвратиться въ городъ, пока все не успокоится, послана была на встрѣчу карета. . . . Въ четвергъ вечеромъ, 11-го мая, онъ пріѣхалъ въ свой домъ, для него исправленный; на другой день явился ко двору, былъ принятъ царемъ, царицей и всѣми боярами съ великими почестями. Всѣ званія и имѣнія, холопы ему возвращены 12-го, 13-го, 14-го, являлись къ нему всѣ великіе и малые, навезли всякихъ припасовъ, такъ что класть было некуда. Стрѣльцы принесли ему хлѣбъ-соль по русскому обычаю. Всѣхъ принималъ онъ съ вротостію и плакалъ. Всѣ были рады, даже недовольные, и надѣялись, что онъ положитъ конецъ всѣмъ безпорядкамъ стрѣльцевъ и предотвратитъ грозящія безпокойства. Онъ выразилъ свое неодобреніе быстрого возвышенія Нарышкиныхъ и потворства стрѣльцамъ, на которыхъ-де чѣмъ посвободнѣе оставлять узду, то тѣмъ склон-

нѣе они дѣлаются ко всякимъ неистовствамъ, что вскорѣ и послѣдовало.

Между тѣмъ у стрѣльцевъ шли рѣчи, что при дворѣ рѣшено казнить смертію зачинщиковъ добраго дѣла (такъ называли они свое дѣло), а большую часть прочихъ разослать по гарнизонамъ въ дальніе города. Къ тому присоединилось, что Иванъ Нарышкинъ, бывшій всегда дерзкимъ молодымъ человѣкомъ, не уважалъ старыхъ бояръ и драгъ иныхъ за бороду (самое большое безчестье въ здѣшной сторонѣ), и они жаловались будто объ этомъ стрѣльцамъ. Стрѣльцы разказывали также публично на улицахъ, въ воскресенье послѣ обѣда и въ понедѣльникъ по утру, 14-го и 15-го мая, что упомянутый Иванъ Нарышкинъ надѣвалъ на себя царскую одежду и садился на царскій престолъ, говоря, что ни къ кому не присталъ вѣнецъ такъ, какъ къ нему, за что младшая царица-вдова и царевна Софія Алексѣевна, въ присутствіи царевича Ивана Алексѣевича, упрекали его жестокими словами, за которыя онъ разозлился, соскочилъ съ престола, бросился на царевича душить его, царевны начали кричать, и караульные его удержали. Это считалось болтовнею, но слухъ распущенъ былъ, чтобы сдѣлать Нарышкиныхъ еще ненавистнѣе.

Въ понедѣльникъ, 15-го мая, въ полдень (пока бояре находились большею частію еще въ думѣ), стрѣльцы, содержащіе караулъ при царскихъ покояхъ, закричали, что Иванъ Нарышкинъ хочетъ задушить царевича Ивана. „Къ оружію, къ оружію!“ Одни, бывшіе въ Кремлѣ, побѣжали на башню и ударили въ набатъ, другая толпа побѣжала въ царскіе покои, другіе запирали ворота; не велѣно было никого выпускать. Нѣкоторые бояре хотѣли уйдти изъ Кремля, другіе, не знавшіе за собою ничего хорошаго, попрятались въ потаенныя мѣста. Многіе изъ боярскихъ кучеровъ были побиты, и лошадямъ ноги переломаны. Стрѣльцы, наирая болѣе, кричали, что хотятъ видѣть царевича Ивана Алексѣевича. Онъ былъ имъ выведенъ; царевна Софія Алексѣевна, eine sehr kluge Dame, и младшая царица-вдова находились при нихъ.

Стрѣльцы кричали: „Будь нашимъ царемъ, а измѣнники должны всѣ умереть!“ Они потребовали потомъ, чтобы вновь избранный царь передалъ немедленно правленіе своему старшему брату. Потомъ стрѣльцы всѣ вмѣстѣ кричали: „Выдайте намъ измѣнниковъ, и прежде всего Нарышкиныхъ, чтобъ искоренить этотъ родъ; царица Наталья Кирилловна пусть идетъ въ монастырь, а мы царя нашего Ивана Алексѣе-

вича и царевича Петра Алексѣевича будемъ своею кровью защищать и оборонять“.

Матвѣевъ и Долгорукій вышли уговаривать, были убиты (и проч., какъ описано въ прочихъ источникахъ). Съ Долгорукимъ ничего не было бы, еслибъ онъ не вышелъ. Потомъ стрѣльцы потребовали прочихъ измѣнниковъ, которыхъ имена были записаны въ списокъ, числомъ 40. Нарышкины и Матвѣевъ значились первые. Такъ какъ никто не выходилъ, они бросились сами, безъ должнаго уваженія къ царямъ, царицамъ и царевнамъ, во внутренніе покои и церкви. Тамъ нашли и убили они Аванася Нарышкина, думнаго Ларіона Ивановича и сына его Василья Ларіоновича. Между тѣмъ они кричали: „Да здравствуетъ нашъ царь Иванъ Алексѣевичъ и царевичъ Петръ Алексѣевичъ, измѣнники же должны умереть!“ Убили Федора Петровича Салтыкова (котораго отецъ Петръ Михайловичъ былъ очень любимъ ими), принявъ его за Ивана Кирилловича. Онъ шелъ въ церковь, а они сзади увидѣли его и закричали: „Вотъ Иванъ Кирилловичъ!“ Салтыковъ такъ испугался, что не могъ выговорить ни слова. Стрѣльцы убили его. Узнавъ, что ошиблись, послали его тѣло къ отцу, прося прощенія. Отецъ отвѣчалъ: „Божья воля“, и долженъ былъ угостить посланныхъ. Убили князя Ромодановскаго, а сына пощадили, можетъ быть, потому, что имени его не стояло, а они говорили за то, что двадцать лѣтъ находился въ плѣну. Между тѣмъ наступалъ вечеръ. Князь Юрій Алексѣевичъ хотѣлъ уѣхать домой; стрѣльцы окружили карету и предлагали провожать его, извиняясь, что они не хотя убили его сына, за то, что онъ слишкомъ грубо отзывался объ ихъ правомъ дѣлѣ и былъ заодно съ Матвѣевымъ, что это случилось въ запальчивости, и они просятъ прощенія. Князь не могъ отвѣчать ничего болѣе, какъ что на то была Божья воля. Стрѣльцы проводили его съ почтениемъ, были угощены у него дома водкой и нивомъ и съ поклонами отошли. Тогда пришла къ нему вдова убитаго, стона и жалуясь, и онъ сказалъ ей: „Не плачь, дочь моя, хотя сынъ мой убитъ, да зубы его остались“. Это услышалъ одинъ изъ оставшихся стрѣльцевъ, воротилъ своихъ товарищей, они всѣ бросились на старика, схватили его за руки и за ноги, убили и кинули на улицу. Это было уже ночью. Половина стрѣльцевъ осталась въ Кремлѣ, другіе вышли стеречь ворота, иные продолжали искать назначенныхъ въ списокъ, нападали на ихъ дома и сосѣдніе, вездѣ тщательно обыскивая, но не трогали никакого имущества и не брали ничего съ собою.

Въ особенности искали они доктора Даніила фонъ-Гадена, родомъ

Жида, который будто бы извелъ царя Ѳедора. Досталось много его сосѣдямъ, однакожь нигдѣ не могли они найти его. Сосѣдъ Даниловъ, докторъ Иванъ Гутменшъ, былъ строго обысканъ, по при этомъ случаѣ не потерпѣлъ никакого вреда; когда же стрѣльцы около полуночи пришли къ нему опять, добрый человѣкъ очень испугался, подумалъ, что стрѣльцы пришли за нимъ, и спрятался на чердакѣ. Стрѣльцы нашли его тамъ и взяли съ собою, говоря, что онъ былъ большой другъ Даниловъ и вѣрно спряталъ или куда нибудь спровадилъ его: „Мы-де будемъ держать его, пока найдется“. Жену Данилову они также взяли съ собою. Ивана Гутменша отдали они подъ стражу стрѣльцамъ на лѣстницѣ, откуда скидывали убитыхъ, а жену Данилову, такъ какъ она была беременна, перевели изъ дурнаго мѣста въ хорошее, съ угрозой обоимъ, что они будутъ убиты, если докторъ Данило не найдется.

16-го мая, во вторникъ, лишь разсвѣло, стрѣльцы явились опять въ Кремль: часть осталась для охраненія воротъ, самые буйные проникли силою въ тайные покои, искали Нарышкиныхъ, но не нашли ни одного и наверстали себя убійствомъ боярина Ивана Максимовича Языкова и думнаго Авергїя Степановича Кирилова и бывшего полковника стрѣлцаго, Григорїя Горюшкина, которыхъ спрятавшихся нашли наканунѣ въ ихъ домахъ и привели въ Кремль. Когда всѣ стрѣльцы собрались, этими тремя начались убійства безъ всякаго испытанія, какъ то было и вчера, съ лѣстницы бросали ихъ на копыя и внизу разсѣкали на части бердышами, раздѣвали до пага и вытаскивали за ноги изъ Кремля. Въ два часа дня пришло извѣстіе, что сынъ Даниловъ Михайло, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, найденъ переодѣтый на улицѣ (никто не смѣлъ оставаться у себя дома). Стрѣльцы спросили его, гдѣ отецъ. Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Они убили его и бросили внизъ. Послѣ приступили они къ Гутменшу, говоря, что если Данило не найденъ, то онъ долженъ быть казненъ за то, что помогалъ изготовлять лѣкарства, и не слушая никакихъ объясненій, убили его также. Хотѣли убить жену Данилову, но младшая царица, которой стрѣльцы еще нѣсколько совѣстились, стала просить. Между тѣмъ стрѣльцы были отвлечены отъ нея крикомъ, что найденъ еще одинъ Нарышкинъ,—это былъ двоюродный братъ вышеупомянутыхъ Нарышкиныхъ, по имени Василій Филимоновъ, юноша лѣтъ 20, который тутъ же и былъ умерщвленъ. Былъ убитъ еще полковникъ Андрей Дохтуровъ, найденный въ церкви подъ алтаремъ... Было убито еще нѣсколько писарей и подъячихъ. Такъ прошло время до полудня.

Ночью стрѣльцы продолжали искать Ивана Нарышкина и доктора Данилу. Старому Нарышкину, Кирилъ Полуектовичу, царица, дочь его, упростила оставить жизнь; онъ былъ постриженъ въ монахи и въ простой телѣгѣ отосланъ въ Кирилловъ монастырь на Бѣлоозеро. Меньшіе его сыновья, 14-ти, 11-ти и 6-ти лѣтъ, оставлены въ живыхъ по просьбѣ ихъ сестры, но также разосланы по отдаленнымъ мѣстамъ.

17-го мая, рано по утру, пришло извѣстіе изъ Нѣмецкой слободы, гдѣ живутъ нѣмецкіе офицеры, въ полмилии почти отъ города, что докторъ Данило, который два дня и двѣ noci скрывался въ Марьиной рошѣ и окрестныхъ мѣстахъ въ нищенскомъ платьѣ, пришелъ къ знакомому, чтобъ утолить свой голодъ, но былъ узнанъ на улицѣ и задержанъ. Стрѣльцы обрадовались и послали за нимъ отрядъ. Его привезли съ котомкою за плечами, въ лаптахъ, въ царскіе покои. Царевны и молодая царица-вдова увѣряли въ его невинности, свидѣтельствуя, что онъ самъ отвѣдывалъ, равно какъ и онѣ, всѣ изготовленныя имъ лѣкарства, просили за него, но напрасно. „Это колдунъ, у него нашли мы сушеныхъ змѣй“ (что-то въ родѣ морскихъ раковъ со многими ногами). Потомъ они закричали: „Мы знаемъ, что Иванъ Нарышкинъ спрятанъ здѣсь, отдайте его, и съ насъ будетъ довольно, никого не тронемъ больше, а тѣхъ, которые ушли и стоятъ у насъ въ спискѣ, мы предаемъ на волю царскую: пусть ихъ накажутъ, мы успокоимся и разоидемя по домамъ, а вы насъ за все происшедшее здѣсь простите и измѣнниками не считайте“. Все имъ обѣщано, лишь бы они простили Ивана Нарышкина и доктора Данилу. Они не хотѣли ничего слушать и говорили: „Отдайте, или мы отыщемъ сами, и тогда хуже будетъ. Мы оставляемъ жизнь старому Нарышкину и его тремъ меньшимъ сыновьямъ, но Иванъ Нарышкинъ долженъ умереть отъ нашей руки“. Старшая царица просила подождать немного и пошла къ младшей царицѣ и царевнамъ просить ихъ о ходатайствѣ, просила патриарха прійти съ образомъ Божіей Матери, и наконецъ, вывела брата. Всѣ они пали на колѣна передъ стрѣльцами, одинъ стрѣлецъ бросился къ нимъ, выхватилъ изъ середины ихъ Ивана Нарышкина за длинныя его волосы,—товарищи подхватили и столкнули его съ докторомъ Даниломъ внизъ, потащили въ застѣнокъ, къ общему удивленію, ибо со всѣми расправа была короткая, а это произошло отъ того, что они хотѣли пытать его, но онъ не сказалъ ни слова, стиснулъ зубы и былъ зарубленъ. Голову, руки и ноги его подняли на воща и отнесли на Красную площадь.

Докторъ Данило въ пыткѣ бормоталъ разныя вещи и просилъ три дня сроку, чтобъ указать тѣхъ, кто больше его заслуживаетъ смерти. Стрѣльцы записывали его слова, но другіе разорвали записку, сказавъ: Это будетъ долго продолжаться. Потащили на площадь и убили съ бѣльшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ другихъ, и внутренность его разметали по улицамъ. Докторомъ заключилась на этотъ разъ трагедія.

О прочихъ измѣнникахъ, Алексѣѣ и Михаилѣ Лихачевыхъ, сынѣ Ивана Языкова, сынѣ Аверкія Степанова, полковникѣ Семенѣ Грибоѣдовѣ, съ семьёю другими бѣжавшими полковниками, Ѳедорѣ Яновѣ, который также былъ ихъ полковникомъ и возбудилъ много ихъ жалобъ, и за которымъ послано было нѣсколько стрѣльцевъ съ думнымъ дворяниномъ, и о двухъ дѣякахъ стрѣльцкаго приказа, которые ихъ очень притѣсняли, стрѣльцы требовали письменнаго царскаго обѣщанія, что они будутъ казнены руками палача. Иначе, когда бы то ни было, стрѣльцы исполнять это сами. На все было изъявлено согласіе, лишь бы только укротить бѣшенныхъ!

Во все время кровопролитія воровство и грабежъ тотчасъ наказывались смертію, хотя бы украденая вещь не стоила алтына... Такъ погибло бѣдныхъ мѣщанъ и самихъ стрѣльцевъ до 40 человекъ... Ни о какихъ грабежахъ, ни о поджогахъ не было слышно. Какъ приводился кто къ казни, тотчасъ начинали бить въ барабанъ (а ихъ было 200), звонить въ набатный колоколъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока умерщвленный былъ выброшенъ изъ дворца и протащенъ на базаръ или большую площадь. Вынеся умерщвленнаго на крыльцо, стрѣльцы поднимали его къ верху, такъ чтобы можно было видѣть его снизу, и спрашивали тамъ стоявшихъ: „Братцы, любо ли?“ Тѣ отвѣчали: „любо“, и подставляли конья, готовмя принять его; тогда верхніе брали его за руки и за ноги и бросали внизъ, гдѣ онъ былъ добиваемъ. На площади стояло также много стрѣльцевъ и всякой канальи, которые ругались надъ мертвыми тѣлами, кололи, рѣзали, рубили. Въ особенности тѣла думныхъ дѣяковъ, Ларіона Иванова и Аверкія Кирилова, были изрублены на мелкія части.

Докторъ Данило былъ умерщвленъ немного спустя послѣ полудня, и стрѣльцы всѣ оборотились въ Кремль. Они сказали: „Мы довольны теперъ, а съ остальными измѣнниками пусть царь—дай Богъ ему здоровья—поступить по своему усмотрѣнію; мы готовы жить и умереть за его царское величество, обѣихъ царицъ, царевича и царевенъ“.

Старшій царевичъ Иванъ Алексѣевичъ просилъ, чтобъ его уво-

лили отъ престола по причинѣ его болѣзни; не надѣясь жить долго, онъ передаетъ правленіе меньшому своему брату Петру Алексѣевичу. Стрѣльцы закричали: „Да сохранить Богъ царя нашего Петра Алексѣевича (!) и царевича Ивана Алексѣевича“. (Gott spare Gesund unsern Zaare P. A. und den Prinz J. A.). По ихъ просьбѣ, стрѣльцы согласились, чтобы старшая царица Наталья Кирилловна осталась при своемъ сынѣ, нынѣшнемъ царѣ, а не была пострижена въ монахини, какъ они требовали прежде.

Всѣ три дня, пока продолжался этотъ бунтъ, стрѣльцы дѣйствовали отъ имени царя Ивана Алексѣевича, хотя никого ни о чемъ не спрашивали, и дѣлали все, что хотѣли.

Стрѣльцы ставили на видѣ, что еслибъ они промедлили, то были бы всѣ погублены, потому что рѣшено было вооружить всѣхъ боярскихъ холопей (которыхъ число было гораздо больше стрѣльцевъ) и наступить на нихъ, что произвело бы больше кровопролитія, и весь городъ подвергся бы огню и мечу. Стрѣльцы нѣкоторымъ образомъ боялись холопей, но когда они увидѣли въ понедѣльникъ, что холопы держатъ себя смирно, то нанали на холопій приказъ, изорвали всѣ бумаги и записи, коими холопы письменно закрѣплялись за боярами, чѣмъ и спискали ихъ дружбу.

Когда 15-го мая около полудня начался бунтъ, стрѣльцы пошли въ Кремль въ полномъ порядкѣ, съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами, везя за собою двѣ порядочныя пушки; они заставили полковника вести ихъ, что тотъ долженъ былъ исполнить изъ страха лишиться жизни.

Главнѣйшею причиною этого бунта была наглость и дерзость сыновей Нарышкина, и въ особенноти, старшаго — Ивана Кирилловича.

Въ среду, 17-го мая было объявлено, что желающіе могутъ погребать своихъ мертвецовъ, что и было исполнено. Оставались только тѣла Ивана Кирилловича, доктора Данила и его сына, также Ивана Гутменша. Видно, что раздраженные ихъ чувства укротились, ибо до полудня еще они кричали, что всѣ трупы должны быть отвезены за городъ и брошены въ яму—собакамъ на съѣденіе.

Во время бунта никто не могъ сказать ни одного неприятнаго слова стрѣльцамъ, если хотѣлъ сберечь свою жизнь. Если они хотѣли войти въ какой домъ, должно было тотчасъ ихъ пускать, угощать пивомъ и водкой; нѣкоторые спрашивали денегъ. Имущество умерщвленныхъ лицъ было зачислено за царя; стрѣльцы хотѣли, чтобы

оно было отдано имъ на разграбленіе, но имъ заплачено за него деньгами.

Ночью по всѣмъ улицамъ содержалась хорошая и крѣпкая стража. и все утихло, какъ будто ничего не случилось; кое-гдѣ лишь попадется пьяный стрѣлецъ, который хвалится своими храбрыми подвигами.

Изъ умерщвленныхъ никто не погибъ отъ руки палача, потому что всякій стрѣлецъ былъ готовъ и радъ совершить казнь.

Убиты были слѣдующія лица (списокъ совершенно согласный съ прочими источниками):

Шесть бояръ, по имени, какъ слѣдуетъ: князь Ю. А. Долгорукій, князь М. Ю. Долгорукій, князь Г. Г. Ромодановскій, А. С. Матвѣевъ, И. М. Языковъ и И. К. Нарышкинъ.

Два думные дьяка, по имени какъ слѣдуетъ: Ларіонтъ Ивановичъ Ивановъ и Овентъ (Аверкій) Степановичъ Кириловъ.

Пять стольниковъ, кои суть: Ѳ. П. Салтыковъ, Аѳ. Кир. Нарышкинъ, Михайло Даниловъ фонъ-Гаденъ, Василій Ларіоновъ Ивановъ и Василій Ѳедоровъ Нарышкинъ.

Два полковника, кои суть: Андрей Дохтуровъ и Григорій Горюшкинъ.

Два доктора, кои суть: Даниилъ фонъ-Гаданъ и Иванъ Гутменшъ; монахъ и 48 человекъ писцовъ, стрѣльцевъ и простолюдиновъ. Храни насъ Богъ. Москва. 19-го мая 1682 года.

Донесеніе датскаго резидента, написанное такъ-сказать, по горячимъ слѣдамъ, на другой день послѣ событій, представляетъ драгоценное о нихъ свидѣтельство человека посторонняго и безпристрастнаго, вмѣстѣ съ любопытными свидѣніями, неизвѣстными по другимъ источникамъ.

Возмущенія начались вслѣдствіе притѣсненій стрѣльцевъ ихъ полковниками, согласно съ показаніемъ Медвѣдева. Замѣтимъ странность, что ходъ рѣчи у обоихъ одинаковый, хотя писали они и въ разныя времена. Резидентъ представляетъ подробности живыя и вмѣстѣ достоверныя.

Стрѣльцы 27-го апрѣля присягнули вновь избранному царю споконно. 28-го апрѣля прошло также тихо. 29-го пришли въ Кремль съ жалобами на полковниковъ и угрозами наказать бояръ-измѣнниковъ.

Расправы съ полковниками описаны совершенно сходно съ Медвѣдевымъ.

Опала на Языкова и Лихачевыхъ подтверждается разрядною запискою, такъ какъ и возвышеніе Нарышкиныхъ, что произвело въ особенности негодованіе стрѣльцевъ. (Это пропускается у Матвѣева).

Прибытіе и пріемъ Матвѣева описаны совершенно согласно съ записками его сына. Припасовъ некуда было дѣвать.

Между тѣмъ распускавшіеся слухи о Нарышкиныхъ, въ особенности объ Иванѣ, выводятъ изъ терпѣнія стрѣльцевъ.

Объ участіи царевны Софіи нѣтъ ни слова: это доказываетъ только, что оно сохранялось въ глубокой тайнѣ, но послѣдующія извѣстія обнаруживаютъ его ясно, да и всѣ слухи о Нарышкиныхъ, особенно объ Иванѣ, вышедшіе якобы изъ терпѣнія стрѣльцевъ, страхъ о возвращеніи Матвѣева — кому можно приписать, какъ не ей и ея орудіямъ и сообщникамъ Милославскимъ.

Начало бунта, 15-го мая, резидентъ, по невѣрнымъ слухамъ, не имѣвъ времени, среди суматохи, получить вѣрныя свѣдѣнія, представляетъ совершенно ошибочно, приписывая его караульнымъ стрѣльцамъ въ Кремлѣ, вмѣсто посланцевъ Милославскаго, которые извѣстили стрѣльцевъ о гибели царевича Ивана. Также невѣрно выводитъ онъ на Красное крыльцо царевну Софію съ царевичемъ Иваномъ и молодую царицу вмѣсто Натальи Кирилловны.

Еще невѣрно описаніе убійства стараго князя Долгорукаго, которое случилось на другой день и съ другими обстоятельствами, что дастъ также понятіе о разнообразіи слуховъ, ходившихъ въ то время по городу.

Испугъ молодого Салтыкова, отвѣтъ отца: „воля Божія“ — черты съ патуры, равно какъ и похищеніе доктора Гутспина; который жилъ въ сосѣдствѣ съ резидентомъ, и укрывательство, отысканіе, пытка и казнь доктора Данилы.

Ивана Нарышкина, говоритъ резидентъ, схватили стрѣльцы за длинные волосы, но молодой Матвѣевъ, скрывавшійся съ нимъ, говоритъ, что онъ обрѣзалъ ихъ себѣ въ первый еще день; впрочемъ, по другимъ спискамъ волосы были обрѣзаны у прочихъ его товарищей.

Постриженіе Кириллы Полуектовича Нарышкина описано согласно съ Медвѣевымъ.

Любопытно извѣстіе, что царевичъ Иванъ отказывался отъ престола даже во время всѣхъ этихъ смятеній. Вѣроятно, это былъ также слухъ.

Всѣ эти извѣстія важны, какъ подтвержденія другихъ, намъ извѣстныхъ, или какъ ихъ дополненія.

Важнѣйшія же извѣстія мы находимъ въ разказѣ резидента объ его собственныхъ похожденияхъ: когда онъ, 16-го мая, былъ приведенъ въ Грановитую палату для очной ставки съ сыномъ доктора Даниила, то увидѣлъ тамъ царевну Софію Алексѣевну съ молодою вдовствующею царицей. При немъ пришелъ князь Хованскій и спрашивалъ стрѣльцевъ: любо ли имъ удалить изъ дворца царицу Наталію Кирилловну, и онѣ отвѣчали любо. Потомъ Хованскій что-то говорилъ о немъ съ царевной и царицей, и царевна дала знакъ ему рукою, что онъ можетъ идти.

На вопросъ встрѣчавшихся стрѣльцевъ, зачѣмъ резидентъ былъ отпущенъ, провожатые отвѣчали, что это посланникъ, говорившій съ царевною (mit der Prinzessin). (У Берха, Царствованіе царя Феодора Алексѣевича, II, 61, неправильно: съ царемъ).

Изъ этихъ извѣстій мы видимъ, что царевна Софія, одна, во время самого бунта, была на сценѣ и распоряжалась, что тамъ же былъ съ нею князь Хованскій, и что былъ вопросъ объ удаленіи изъ дворца царицы Наталіи Кирилловны; 15-лѣтняя царица Марія была, разумѣется, только куклою.

Извѣстія, которыми крѣпко, кромѣ соображеній, подтверждается участіе царевны Софіи въ событіяхъ 15-го, 16-го и 17-го мая.

Вѣрное показаніе несчастной Resconter (?), въ коей Всевысочайшій Господь отъ очевидной опасности спасъ жизнь мою, случившейся въ прошедшій вторникъ, 16-го мая 1682 года. (По переводу Берха, приложенному къ его исторіи царя Феодора Алексѣевича, 1835. Исправленія отмѣчены вносными знаками).

Ночью съ 15-го на 16-е мая искали весьма старательно доктора Гадена въ собственномъ его домѣ и у сосѣдей. Съ разсвѣтомъ прибылъ ко мнѣ окольникій Кирило Осиповичъ Хлоповъ съ сотнею стрѣльцевъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ему извѣстно, что докторъ и сынъ его спрятаны у меня, а потому и совѣтуетъ мнѣ ихъ видать, присо-вокупя, что если по обыскѣ найдутъ ихъ, то меня и всѣхъ моихъ домашнихъ лишатъ жизни, а имѣніе возьмутъ въ казну.

Я отвѣчалъ, по чистой совѣсти, что мнѣ объ нихъ ничего не извѣстно и что я уже давно ихъ не видалъ. Окольникій возразилъ мнѣ на это: я имѣю повелѣніе обыскать весь домъ вашъ.

Должно было допустить ихъ до сего, ибо возраженіе мое, что я королевскій слуга, и что поступкомъ симъ оскорбляютъ не меня, но всемилостивѣйшаго государя моего, не было уважено.

Стрѣльцы лазили вездѣ, гдѣ только можно было пролѣзть, обшаривъ часть ст.хух, отд. 2.

рили всё углы и заставили меня открывать имъ всякій сундукъ и ящикъ.

Въ это время прислали сказать окольному, что докторскаго сына нашли на улицѣ, а самъ докторъ уѣхалъ изъ города, и за нимъ послана погоня. Получа извѣстіе сіе, стрѣльцы оставили поиски свои и вышли изъ моего дома.

Черезъ часъ послѣ того, явился ко мнѣ капитанъ, съ 40 или 50-ю стрѣльцами и сказалъ мнѣ: Я имѣю повелѣніе привести васъ во дворецъ для очной ставки съ докторскимъ сыномъ, который показываетъ, что отецъ его хотѣлъ спрятаться (verborgen wollen) въ нашемъ домѣ". Тутъ они меня схватили и хотѣли вести neodѣтаго и едва не безъ чулокъ. Я сталъ убѣдительно упрасивать ихъ позволить мнѣ одѣться прилично и ѣхать во дворецъ на лошади. Жена моя кинулась также передъ ними на колѣни. Смягченные слезами и просьбами, стрѣльцы дозволили мнѣ одѣться, но только на дворѣ, а не въ комнатѣ, и не спускали съ меня глазъ. Когда я хотѣлъ сѣсть на приведенную мнѣ лошадь, то они сему воспротивились и требовали, чтобъ я шелъ съ ними; но наконецъ дозволили мнѣ ѣхать верхомъ.

Простясь съ женою моею, заливавшимся слезами, выѣхалъ я на улицу, и по милости Божіей, новая мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Остановивъ мою лошадь, я подовалъ къ себѣ капитана и стрѣльцевъ, и сказалъ имъ: „Послушайте, господа, благодаря Бога, я ни въ чемъ не виноватъ, имѣю чистую совѣсть и не сомнѣваюсь, что буду тотчасъ освобожденъ. Если вы согласитесь тогда проводить меня обратно, то я васъ угощу пивомъ и винами, сколько душъ вашей угодно будетъ. Ваша братья разбѣяна по всѣмъ улицамъ, имъ дѣло мое не извѣстно, и они могутъ мнѣ причинить много бѣдствій. Окружите меня и скажите имъ, что везете во дворецъ иностраннаго посла". Стрѣльцы обѣщали сіе исполнить и честно сдержали свое слово.

На пути попадались намъ шайки стрѣльцевъ; но когда мои тѣлохранители сказывали имъ, что везутъ посла, который хочетъ говорить съ царемъ (mit Ihre Zaar Majestät), то намъ тотчасъ давали дорогу. Какъ подъѣхали почти къ крѣпости (beume Schlos), на большой площади, на право отъ меня, былъ убитъ полковникъ Андрей Дохтуровъ. По обѣимъ сторонамъ лежало много труповъ, страшно изуродованныхъ, между которыми я долженъ былъ проѣзжать, что приводило меня въ ужасъ; но всего болѣе испугался я, какъ стоявшіе у дворца

стрѣльцы закричали: „Это докторъ Даниилъ, подайте сюда его, измѣнника и колдуна“. Стрѣльцамъ, сопровождавшимъ меня, было много хлопотъ; они отстраняли отъ меня и объясняли каждому, что я посолъ, „который долженъ говорить съ царемъ“ (mit den Zaarn).

Когда я подѣхалъ къ воротамъ, ихъ отворили и мгновенно опять за мною заперли. Дальше по дорогѣ встрѣтились мнѣ нѣсколько стрѣльцевъ, тащившихъ обезображенный трупъ доктора сына. Капитанъ, шедшій подлѣ моей лошади, сказалъ мнѣ: „Вотъ докторскій сынъ, съ кѣмъ же дамъ я тебѣ очную ставку?“ Я молчалъ. Тутъ приблизились мы къ площади, усаженной вооруженными стрѣльцами. Увидя меня, ударили они во всѣ барабаны и колокола. Это служило предвѣстіемъ каждаго убійства. Богъ даровалъ мнѣ твердость духа, а стрѣльцы мои продолжали кричать: „Это посланникъ!“ Меня пропустили, и подѣхалъ къ лѣстницѣ, *взошелъ вверхъ до некоторой площадки* (recht bis an eine abgelegene Stufe), гдѣ находились вдова царица Марѳа Матвѣевна, царица Софія Алексѣевна и нѣсколько бояръ. Я намѣревался пробраться еще *выше*, но шедшіе за мною стрѣльцы не могли провести меня, ибо тамъ было такъ много народу, что надо было бы по головамъ ходить.

Въ это время сошелъ внизъ и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и спросилъ у стрѣльцевъ: Любо ли вамъ, чтобы царица Наталія Кирилловна не оставалась долѣе во дворцѣ? Они отвѣчали: „Любо!“ Оборотясь послѣ словъ сихъ, Хованскій увидѣлъ меня въ лице и спросилъ съ удивленіемъ: „Зачѣмъ ты здѣсь Иванъ Андреевичъ?“ Такъ звали меня при дворѣ. Я указалъ на приведшихъ меня стрѣльцевъ, и *поднялся выше, въ двухъ ступеняхъ отъ царицы и царицы, съ которыми Хованскій говорилъ что-то*, чего я не могъ слышать, но не худое, ибо царица сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я скорѣе шелъ вонъ, а Хованскій приказалъ моимъ стрѣльцамъ отвести меня домой и беречь, какъ глазъ свой, при чемъ отнесся онъ обо мнѣ съ похвалою.

Когда отошелъ я отъ сихъ царственныхъ особъ, стрѣльцы сказали мнѣ: „Иванъ Андреевичъ, надѣвай шляпу, теперь ты имѣешь право на уваженіе, будучи найденъ невиннымъ“. Мы приближались къ большой лѣстницѣ; стоявшіе внизу стрѣльцы воображали, что и меня сбросятъ, но види, что я покойно иду по лѣстницѣ, подбѣжали къ намъ и спрашивали: „Зачѣмъ отпустили доктора?“ Имъ отвѣчали, что я посолъ, говорившій съ *царицей* (mit der Prinzessin, у Верха не правильно: съ царемъ), и велѣли поднести мою лошадь, которую наконецъ я долго снустя получилъ.

Съ величайшимъ трудомъ пробрался я сквозь толпы и выѣхалъ уже другими воротами. Всѣ попадавшіеся намъ на пути стрѣльцы присоединялись къ моему конвою. Нѣкоторые изъ нихъ опрометью пустились къ женѣ моей сказать, что я живъ и невредимъ.

Продолжая весьма тихо, чтобы не тревожить ничѣмъ путь свой, прибылъ я наконецъ домой. Тамъ встрѣтили меня домашніе, какъ человѣка, вырвавшагося изъ челюстей смерти. Всѣмъ стрѣльцамъ, коихъ набралось болѣе 200, приказалъ я подать водки и пива. Трое изъ нихъ, познатнѣе, вошли въ мою комнату и стали требовать денегъ. Я думалъ удовлетворить ихъ двадцатью рублями, но они разсмѣялись и потребовали 1000 рублей. Требованіе сіе меня удивило. Они сказали мнѣ: Согласись лучше добромъ, а не то, не оставимъ ни одной живой души; ты знаешь, что теперь наша воля, а тебѣ не причинено никакого зла потому только, что насъ всѣ боятся“.

Я отвѣчалъ имъ: „Вамъ, господа, приказано доставить меня невредимо въ домъ мой; а теперь вы же хотите меня убить. Дѣлайте, что вамъ угодно, а тысячи рублей я не имѣю“. Тутъ объявили они, что возьмутъ половину. Я сказалъ имъ на отрѣзъ, что болѣе половины на человѣка не дамъ. Они согласились.

Когда объ этомъ узнали стоявшіе на дворѣ стрѣльцы, они начали требовать по рублю и на силу согласились на половину. Послѣ того приказалъ я отсчитать деньги и каждому завернуть ихъ особо въ бумажку. Они, получивъ деньги, сѣли на землю и вновь пересчитали ихъ. Стрѣльцевъ было болѣе 270 человѣкъ. Проверивъ свои деньги, выпили они еще по чаркѣ, и сказавъ спасибо, пошли домой. Я палъ на колѣни и благодарилъ Бога за спасеніе. Если бы стрѣльцы повели меня ильшкомъ не одѣтаго, не быть бы мнѣ живымъ. Въ этотъ же день приходила ко мнѣ другая партія стрѣльцевъ искать доктора; но она обошлась гораздо учтивѣе первой. Въ среду передъ утромъ окружило домъ мой еще нѣсколько стрѣльцевъ безъ всякаго послѣдствія, кромѣ страха. Если бы доктора не нашли, то поискать сямъ не было бы конца, ибо стрѣльцы были на него весьма злы. Когда получено было извѣстіе, что докторъ найденъ, то сосѣди его весьма тому обрадовались. Смерти нельзя было ему избѣгнуть, хотя онъ былъ совершенно правъ, но насъ спасла она отъ страха, а можетъ быть, и погибели.

Въ этотъ день бояринъ Василій Васильевичъ, которому порученъ былъ приказъ, далъ мнѣ, по просьбѣ моей, для защиты нѣсколько стрѣльцевъ. Я и прежде просилъ объ этомъ дьяка Ларіона Иванова, и

онъ обѣщаль, но не получивъ отъ меня подарковъ, не сдержалъ своего слова.

VI.

Записка Саввы Романова.

Савва Романовъ, бывшій келѣйникъ у архимандрита Макарьевского на Желтыхъ Пескахъ, оставившій обстоятельную записку объ этомъ событіи, былъ очевидецъ и участникъ въ дѣйствіяхъ раскольниковъ въ началѣ правленія царевны Софїи. Укажемъ на мѣста, служащія тому доказательствомъ: Стрѣльцы на третій день послѣ кровопролитія (— бысть чудо преславно (!!): попущеніемъ святаго Бога возсташа служилые люди на бояръ и убиша князя Юрія Долгорукова (!) съ товарищи) начали совѣтоваться „старую православную христіанскую вѣру возобновити“, и рѣшились написать къ царямъ челобитную; не найдя у себя человѣка способнаго обратились къ чернослободцу Симеону Ивановичу Калашникову, который передалъ ихъ желаніе своимъ знакомымъ... Никитѣ Борисову и *Саввѣ Романову*. Они подумали... и *обрътохомъ* новаго Илію... отца Сергія... и возвѣстиша ему о всемъ... и *поидохомъ* въ домъ Никиты Борисова и *положихомъ* начало... и благословихомся... и *начахомъ* писати... *совершихомъ*... *совѣщахомся* и *придохомъ* къ Симеону Иванову“ (первому посреднику). Тотъ сообщилъ стрѣльцамъ... собралися... „Сергія... повеля *Саввѣ* челобитную прочесть предъ ними“. Челобитная передана въ приказъ. „Пятисотенный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ и инии, подумавше, послана денщиковъ по слободамъ и созваша всѣхъ стрѣльцевъ на сѣзжку избу. Они же скоростію сошедшеся, и посадскихъ тутъ много пришло, и заставиша сотеннаго ихъ полку чести вслухъ всѣхъ. Сотенный же нескусенъ Вожественному Писанію, чтеть и рѣчь съ рѣчью не раздѣлять, и тупо гораздо, непнятно отъ него глаголемос. Они же перестать ему велѣли; много поискавше, и нѣсть такова человѣка, и принудиша ту *Савву* чести. Онъ же исперва отрицался, они же съ моленіемъ понудиша его; онъ же начать чести и толкомъ среси разказывати. Они же прилѣжно слушавше, мнози же и плакаху. Егда же прочель челобитную, тогда вси единогласно возопиша: „Надобно, братіе, лучше всего постоять за старую православную христіанскую вѣру и кровь свою проліяти за Христа Свѣта, всѣмъ намъ нужно сіе дѣло: за тлѣвное было головы своя положили, кабы Владыка не помогъ, а за Христа Свѣта для чего не умереть?“ И челобитную у

пись взяли къ себѣ въ приказъ и списали, а подлинную опять намъ отдали“.

Это мѣсто выписано мною съ цѣлю показать наглядно, что вся записка Саввы Романова написана съ натуры, вслѣдствіе чего извѣстія его получаютъ особую цѣну. Въ первомъ собраніи „выборные на отвѣтъ поставили предъ патріархомъ Павла Даниловца, да Павла Захарьева и Савву Романова“. Хованскій, довольный рѣчами Павла, спросилъ у Саввы, стрѣлецъ ли онъ (то-есть, Павелъ), или посадскій. „И я ему сказалъ: „Съ посаду-де, государь, съ Овчинныя слободы“. Далѣе Савва передаетъ свои рѣчи: „И тутъ патріархъ отвѣту ни чего не далъ, и азъ, отступивъ отъ него, и сталъ близъ митрополита Нижегородскаго. И митрополитъ ко мнѣ рекъ... И Саввы противу ему рекъ.... Митрополитъ возрази и я противу ему рекъ“.... И патріархъ на митрополита закричалъ и велѣлъ молчать: видитъ онъ, что неладно говоритъ; и митрополитъ за властей скоронился въ кутъ, да искусенъко изъ-за властей и выглядываетъ и Савву опознаваетъ; и велѣлъ Новгородскому митрополиту спросить его имени, и онъ спросилъ: „Какъ, де тебя зовутъ?“ И я ему сказался Васильемъ.

При описаніи втораго собранія въ Грановитой палатѣ встрѣчаются также подобныя выраженія.... „И мы ему (Холмогорскому епископу) рекли“.... „И тутъ (противъ рѣчей царевны) ко отвѣту Савву поставили“.

Записка оканчивается словами: „И что видѣли своими очима и что слышахомъ отъ своея о Христѣ брати—сія написахомъ“.

Кромѣ живыхъ подробностей о ходѣ этого дѣла, всего важнѣе для исторіи этого времени свидѣтельство о горячемъ участіи князя Хованскаго въ неудавшемся предпріятіи раскольниковъ, благодаря твердости, съ какою царевна Софія поступила съ ними, чѣмъ и искупаетъ она много своихъ грѣховъ.

М. Погодинъ.

131

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЬ.

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Бакашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

Printed in 1874
(Russia)

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Юридическіе знаки П. ЕФИМЕНКО.
Политическое устройство Германской импе-
ріи (Продолженіе). А. Д. ГРАДОВСКАГО.
Джонъ Стюартъ Милль М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВА.
Положеніе и задачи науки древней исторіи М. ДРАГОМАНОВА.
Стрѣлецкіе бунты М. П. ПОГОДИНА.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Логика. Обзорніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ
пріемовъ мышленія и историческіе очерки: Ло-
гики Аристотеля, схоластической діалектики,
логики формальной и индуктивной. М. Влади-
славлева. Сиб. 1872 г. (Окончаніе). А. СВЕТИЛИНА.

Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка:
1) очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго
языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Коло-
сова. Варшава, 1872. 2) Starobulgarská fonolo-
gie se stáleм zretelem k jazyku Litevskému.
Sepsal dr. Leopold Geitler. v. Praze, 1873. А. А. ПОТЕВНИ.

Дѣтская литература. Отдыхъ, два разказа для дѣ-
тей, Е. Васильевской. С.-Петербургъ. 1874.

О преподаваніи иностранныхъ языковъ во-
обще и французскаго языка въ осо-
бенности Евгенія Варона.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университеты,
б) низшія училища.

Ю. О. Цафъ. (Некрологъ). Фр. ШТИФТЕРА.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки.)

СТРѢЛЦКІЕ БУНТЫ ¹⁾.

I. ОБОЗРѢНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ.

VII.

Польское донесеніе.

Неизвѣстному польскому писателю принадлежит Diariusz zabóystwa tyranskiego senatorow Moskiewskich v Stolicy, roku 1683. Къ сожалѣнію, этотъ важный, какъ кажется, источникъ до сихъ поръ не напечатанъ. Рукопись хранится въ Петербургской публичной библіотекѣ. Профессоръ Аристовъ пользовался вѣмецкимъ переводомъ, не извѣстно гдѣ изданнымъ: Kurze und gründliche Relation, wie vornehmste Moskowitischen Herren in der Stadt Moskow anno 1682 jammerlich seyn niedergehauen und die beyden Petrus zu Zaren erwählet worden 1686, и въ своемъ сочиненіи о Московскихъ смутахъ въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны (Варшава, 1872), излагаетъ содержаніе этого донесенія; извлечемъ изъ него слѣдующія извѣстія:

„По смерти Θεодора, Софія, противъ обычая страны, по которому должна была оставаться въ теремѣ, участвовала при погребеніи царя. Петръ съ матерью удался изъ церкви прежде окончанія обряда, и этимъ возбудилъ псудовольствіе народа и духовенства. Царевна Софія и ея сестры жаловались на Петра и его родственниковъ за неуваженіе въ своему брату. Мать Петра отвѣчала, что Петръ еще мальчикъ, что онъ не могъ выпнести столь продолжительнаго обряда, утомился и потому долженъ былъ выйти изъ церкви.

„Между тѣмъ Софія, идя домой съ погребенія, сильно жаловалась народу на оскорбленіе, сдѣланное царемъ Петромъ и Артамо-

¹⁾ Продолженіе. См. Журн. Мин. Нар. Просв. за декабрь 1873 года.

номъ; она говорила къ народу: „Ужели вы не видите, что нашъ братъ царь отравленъ злыми людьми? Сжальтесь надъ нами, у насъ похитили родителей и братьевъ. Вы видите, какъ обошли другаго брата нашего Іоанна и не выбрали его въ цари. Если мы вредны для васъ и бояръ, то пошлите насъ въ страпы иныхъ государей, въ страны христіанскія“. Этою рѣчью Софіи народъ былъ сильно смущенъ, а между Софіей и Наталіей разгорѣлась жестокая вражда; царица совѣтуется съ Милославскими и Хованскимъ, послѣдній дѣйствуетъ на стрѣльцовъ“. Стр. 9.

Извѣстіе вѣрно, что касается до его сущности, ибо оно подтверждается официальною разрядною запискою, гдѣ именно замѣчено присутствіе царицы Софіи Алексѣевны на выносѣ и удаленіи царицы Наталіи Кирилловны изъ церкви. Эта вѣрность внушаетъ довѣріе и къ причитанію царицы Софіи Алексѣевны, котораго Поляку выдумать не возможно, и которое указываетъ на возникавшій замыселъ.

Невилъ разказываетъ тоже объ ухаживаньи царицы Софіи за больнымъ Θεодоромъ, слышавъ о томъ, вѣроятно, также на Польскомъ подворьѣ.

Ходатайство второй жены Θεодора за Матвѣва вѣрно.

Укажемъ на одно извѣстіе, частное, личное, которое у польскаго свидѣтеля представляется одинаково съ Матвѣвымъ, и котораго никто не могъ замѣтить или записать, кромѣ современника. Оно внушаетъ также довѣренность, по крайней мѣрѣ, вообще и къ прочимъ: „Хованскій силою принудилъ вдову канцлера Ларіона, убитаго стрѣльцами Јасе (?) выйти за себя замужъ, и чрезъ двѣ недѣли родился у нея сынъ“. У Матвѣва: „Въ ту же пору старый князь Хованскій и за жестокими угрозами, по убіеніи думнаго дьяка Ларіона Иванова, въ самомъ краткомъ времени принудилъ жену его вдову за себя замужъ идти“. Тум., I, стр. 175.

Извѣстіе о желаніи Матвѣва возвести Петра на престолъ послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича не представляетъ ничего невѣроятнаго, а подробности о противодѣйствіи Долгорукаго, объ избраніи Петра, о намѣреніи Хованскаго женить своего сына на царицѣ Софіи,—таковы были, вѣроятно, городскіе слухи. Обвиненіе Матвѣва въ чародѣйствѣ засвидѣтельствовано актами.

На нѣкоторыхъ невѣрностяхъ нельзя основывать отверженіе источника, если даже и въ подлинныхъ документахъ напримѣръ, въ упо-

мяпутой официальной запискѣ, встрѣчаются подобныя ошибки. Вездѣ нужна, разумѣется, критика.

VIII.

Повѣствованіе о Московскихъ происшествіяхъ по кончинѣ Алексѣя Михайловича,

посланное изъ Москвы къ архіепископу Франциску Мартелли, Флорентинцу, нунцію апостольскому при Иоаннѣ III, королѣ Польскомъ, найденное, переписанное съ подлинника и изданное Севастіаномъ Чьлмпи. ¹⁾

Это донесеніе современное заключаетъ въ себѣ много извѣстій, не находящихся въ другихъ источникахъ. Писано оно во второй половинѣ мая (какъ будетъ доказано ниже), когда не вставлены еще были жестяныя доски въ подножіе столба, сооруженнаго на Красной площади въ память стрѣлцкой службы, 15-го, 16-го и 17-го мая:

„Въ самой столицѣ вотъ что тогда происходитъ: на площади поставленъ четвероугольный столбъ; на немъ выдѣланы два отверстія на подобіе оконъ: въ отверстіяхъ будутъ вставлены черныя доски съ надписями, начертанными бѣлыми буквами. Теперь пока не извѣстно, какое будетъ содержаніе этихъ надписей“.

Другое указаніе о времени этого донесенія можно видѣть въ описаніи удаленія двора въ Коломну. По этому указанію должно заключать, что оно писано до казни Хованскаго, то-есть, до 17-го сентября.

Въ этомъ повѣствованіи свидѣлствуются заслуги и государственныя способности Матвѣева, благоволеніе къ нему царя Алексѣя Михайловича, бракосочетаніе съ Наталіей Кириловною Нарышкиной при его посредничествѣ, старанія его о предоставленіи престола меньшему сыну Петру, ненависть и зависть къ нему бояръ. Много извѣстій здѣсь очень любопытныхъ, подтверждаемыхъ, такъ или иначе, изъ другихъ источниковъ; наиримѣръ, авторъ влагаетъ въ уста Матвѣева рѣчь къ царю Алексѣю Михайловичу: „Помнишь, государь, какъ Θεодоръ, будучи по тринадцатому году, однажды собирался въ подгорье прогуливаться съ своими тетками и сестрами въ саняхъ. Имъ подведена была ретивая лошадь: Θεодоръ сѣлъ на нес, желая

¹⁾ Оно было пересведено, по моему порученію, студентомъ *Лавдовскимъ* и сообщено въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1835 г., т. V, стр. 69.

быть возницей у своихъ тетокъ и сестеръ. На сани наѣло ихъ такъ много, что лошадь не могла тронуться съ мѣста, но стала на дыбы, спшибла съ себя сѣдока и сбила его подъ сани. Тутъ сани всею своею тяжестью проѣхали по спинѣ лежаннаго на землѣ Теодора и измяли у него грудь, отъ чего онъ теперь чувствуетъ безпрерывную боль въ груди и спинѣ; вѣроятно, онъ проживетъ не долго, а потому не можетъ быть и государемъ нашимъ“. Положимъ, что рѣчи такой и не было, но ея содержаніе любопытно, ибо мы знаемъ, по свидѣтельству самого Петра въ одномъ манифестѣ, что братъ его былъ страстный охотникъ до лошадей.

„Итакъ, Артемонъ совѣтовалъ вручить скипетръ правленія Петру, не смотря на его малолѣтство; онъ говорилъ, что Петръ по одному своему виду достоинъ быть царемъ, что онъ по взгляду Марсъ, величественъ по наружности и цвѣтетъ свѣжестью юности“. Красоту Петра въ дѣтскихъ годахъ, замѣтимъ здѣсь кстати, засвидѣтельствовалъ Кемпферъ, пѣмецкій послапецъ, описывая царскую аудіенцію: Старшій братъ, падвинувъ шанку, опустилъ глаза въ землю, сидѣлъ почти недвижно и не смотрѣлъ ни на кого; младшій смотрѣлъ на всѣхъ, лице у него открытое, красивое, молодой кровь играла въ немъ безпрестанно, какъ только обращались къ нему съ рѣчью. Удивительная красота его поражала всѣхъ предстоявшихъ, а живость его приводила въ замѣпательство степенныхъ сановниковъ Московскихъ; когда посланникъ подалъ вѣрющую грамоту, и оба царя должны были встать, въ одно время, чтобы спросить о королевскомъ здоровьи, младшій не далъ времени дьякамъ приподнять себя и брата, какъ требовалось этикетомъ, стремительно вскочилъ съ своего мѣста, самъ приподнялъ царскую шапку и заговорилъ скороговоркой обычный привѣтъ: его королевское величество, братъ нашъ Каролусъ Свейскій поздорову ль?

„Лишь только дошелъ объ этомъ слухъ до принцевъ крови, особенно до ихъ тетокъ и сестеръ, бывшихъ тогда во дворцѣ,—слухъ о томъ, что Артемонъ старается возвести на престолъ свой родъ и фамилію Нарышкиныхъ, тотчасъ онѣ посылаютъ за Одоевскимъ, Милославскимъ и другими, прося, чтобъ они поспѣшили къ нимъ какъ можно скорѣе. Софія встрѣчаетъ явившихся на зовъ бояръ съ воплемъ и слезами; а бояре, уже пылавшіе ненавистію къ Артемону, входятъ въ спальню государя, уже умирающаго, и умоляютъ его немедленно предъ ихъ глазами вручить правленіе государства старшему сыну Теодору и благословить его. Умирающій отецъ, побужденный

ихъ мольбой, исполнилъ ихъ желаніе, отдалъ свою верховную власть своему сыну Теодору*.

Извѣстіе это вѣроятное. Вѣрно описана и ссылка, а извѣстіе о просительныхъ письмахъ и просьбахъ Матвѣева изъ ссылки показываетъ, что авторъ имѣлъ хорошіе источники. Откуда могъ бы онъ знать объ этихъ письмахъ, если бы не былъ знакомъ съ ихъ получателями или ихъ близкими.

Разказъ о возвращеніи, можетъ-быть, и не безъ баснословныхъ подробностей, которыя все-таки любопытны, какъ свидѣтельство о славіи Матвѣева: „Проведши тамъ нѣсколько времени, онъ въ оборотливомъ умѣ своемъ ищетъ средствъ, какъ бы избавиться отъ заточенія. Онъ отправляетъ письма къ прежнимъ друзьямъ, а особенно къ родственникамъ своимъ Наринкинымъ, умоляя мать Петра умиловитивъ государя, инымъ посылаетъ подарки и сребролюбивыхъ подкупаетъ. Тогда бояре начинаютъ хлопотать, какъ бы испросить у государя возвращеніе Артемона, какъ мужа необходимаго въ совѣтъ. Надобно было въ то время отправить посла къ Оттоманской Портѣ для заключенія мирнаго договора: Московитяне совѣтуются, какъ написать пункты и дать инструкцію послу, въ чемъ согласиться или нѣтъ съ Портою. Долго толковали объ этомъ дѣлѣ и ничѣмъ не рѣшили: тогда одинъ изъ бояръ осмѣлился предложить государю вызвать изъ ссылки разумнаго въ совѣтъ Артемона, который одинъ могъ рѣшить затруднительныя совѣщанія настоящихъ собраній. То же самое подтвердилъ и другой бояринъ, говоря, что это необходимо, такъ какъ одинъ Артемонъ лучше всѣхъ знаетъ состояніе сосѣдственныхъ монархій и царствъ, неоднократно тамъ будучи самъ съ препорученіями и посольствами. Государь мало по малу соглашался на это предложеніе; но между тѣмъ какъ бояре еще спорили и рѣшали это дѣло, посолъ отправился въ Турцію. Артемонъ еще въ ссылкѣ, но не покинувъ замысла возвратить себѣ прежній санъ, усиленно прежняго просить друзей стараться о немъ, ибо рѣшеніе его дѣла казалось слишкомъ затруднительнымъ. Посолъ, возвратившійся отъ Порты, привезъ съ собою договоръ мира, не столько истиннаго, сколько подложнаго: бояре, собравшись въ совѣтъ, толкуютъ смыслъ договора и ничего не находятъ въ немъ, кромѣ пустыхъ и ничего незначащихъ словъ. Государь сердился на ихъ оплошность, на то, какъ они допустили басурманъ пододвинуть свои границы въ его государство до Дона, не исключивъ даже крѣпостей Василькова и Кіева: не доумѣваютъ, узнаютъ свою погрѣшность, что объ этомъ не посовѣто-

вались съ жителями Брестскими (*incolis Brescensibus*), а между тѣмъ дикари, учинивъ набѣгъ до Братуода (?), увели нѣсколько тысячъ человѣкъ въ плѣнъ, не смотря на недавній миръ. Москвитяне испугались, видя, что миръ съ этимъ врагомъ не надеженъ; да и государь царства Московскаго никакъ не хотѣлъ согласиться на этотъ договоръ, предвидя изъ того самое близкое бѣдствіе для своего государства. При такомъ положеніи дѣлъ настаиваютъ о возвращеніи Артемона изъ ссылки и хотятъ, чтобы такой человѣкъ непременно былъ въ совѣтѣ: тѣ самые изъ бояръ, которые нѣкогда были его смертельными врагами, просили о его возвращеніи. Согласившійся на ихъ просьбу государь велѣлъ послать къ нему повелѣніе“.

Далѣе слѣдуетъ невѣрное извѣстіе о томъ, будто Матвѣевъ засталъ Феодора еще живаго. Въ тревожныхъ обстоятельствахъ ошибку эту легко понять можно: Матвѣевъ былъ прощенъ еще Феодоромъ, ожидался въ Москвѣ съ часу на часъ и возвратился въ Москву чрезъ двѣ недѣли, за три дня до возникшаго бунта.

Избраніе Петра описано съ полною достовѣрностію и служитъ наилучшимъ толкованіемъ къ повѣсти Матвѣева: „Бояре, по тайному между собою согласію, ожидали, что царство наследуетъ Петръ. Мать его, изъ фамиліи Нарышкиныхъ, съ братьями своими уговаривала къ этому бояръ, недовольныхъ Феодоромъ, только что погребеннымъ, еще и тѣмъ, что Феодору, возненавидѣвшему отеческіе обычаи, правилась и одежда, и украшенія польскія, а особенно тѣмъ, что онъ приказалъ сжечь книгу государства Московскаго, содержащую въ себѣ означеніе степени и достоинства древнихъ и знатныхъ фамилій, то, чѣмъ кто заслужилъ право на именитость. Такъ какъ въ эту книгу многіе вносили свои имена не за какой-нибудь доблестный подвигъ воинскій, а за то, что богаты и успѣли подкупить, то государь приказалъ сжечь ее, выставивъ причиною то, что это несправедливое предпочтеніе однихъ другимъ, послѣ внесенія имени въ книгу, причиняетъ часто большой безпорядокъ и непослушаніе ему, государю, и это за этимъ необходимо должно послѣдовать паденіе государства. Нерѣдко случалось, что въ военное время мужи, крѣпкіе и рукою, и умомъ, но бѣднѣйшіе и не такъ значительные, предпочитались другимъ по должности, бывъ назначены въ военнопачальники или полководцы; но не бывъ означены въ книгѣ вышеупомянутой, бывали презираемы другими, которые, бывъ почтены не за заслуги, а за пролазничество и деньги или за что-нибудь другое внесены въ книгу, хвастались именитостію, доставшеюся имъ отъ

предковъ. Изъ этого происходили съ той и другой стороны споры, не смотря на права должностныхъ людей, и угрожали царству гибелью. Сожженіе этихъ книгъ, учиненное подъ таковымъ предлогомъ, поселило въ сердцахъ многихъ людей отвращеніе къ Θεодору. При томъ же Θεодоръ намѣревался построить римскую церковь съ училищами въ Смоленскѣ, и на это далъ привилегію съ извѣстными доходами“.

Точно также описано почти совершенно вѣрно происхожденіе стрѣльцкаго бунта съ немногими ошибками изъ непрерывно смѣнявшихся слуховъ: „Узнавъ о смерти Θεодора, Софія, сестра его, женщина дѣятельная, не медля возмущаетъ своихъ сродниковъ, обвиняя Артемона Сергѣевича въ томъ, что своими происками и хитростію (такъ какъ и прежде, еще при жизни Алексѣя Михайловича, это было за нимъ замѣчено) онъ предоставилъ Петру вѣнецъ царскій, обошедъ старшаго брата, Іоанна; она заклинала ихъ всѣми святыми сжалиться надъ ея кровными, возводя на Артемона, что будто бы онъ отравилъ отца ихъ, Алексѣя, а по выходѣ изъ ссылки убилъ своимъ злодѣйствомъ и Θεодора, еще до тогѣ жившаго; что Петра, какъ своего родственника, возвелъ на престолъ, вовлекъ въ заговоръ бояръ, всю царскую думу, и конечно-де, этотъ человекъ пронырливый и злобный хочетъ совершенно властвовать нами, какъ это испытали мы при Алексѣевичѣ. Не только простой народъ, но и бояре почитали его тогда болѣе, чѣмъ самого государя. Она увѣрляла даже, что онъ подкупилъ врачей и влилъ яду въ заздравную чашу. Возмутивъ этими жалобами всѣхъ родственниковъ своей фамиліи, она изъ окна призываетъ стрѣльцовъ подать помощь; а трѣльцы, готовые на что угодно, начали вопить, требуя смерти Артемона, Долгорукаго, *Lagisium Cancellarium* (думнаго дьяка Ларіона Пванова), Нарышкина. Это возмущеніе, вспыхнувшее по всей Москвѣ, взволновало всѣхъ: народъ и бунтующіе стрѣльцы въ безпорядкѣ бѣгутъ въ Кремль, ругаются надъ боярами, совершенно не зная, въ чемъ состоятъ дѣло, и хотятъ видѣть государемъ—одни Петра, другіе—Іоанна. Когда между тѣмъ Петръ, хотя и юнѣйшій, но по правой рукѣ сидя выше всѣхъ, смотрѣлъ на возмутившихся изъ окна, тогда всѣ бояре заперлись въ одну комнату, въ которой начальники стрѣльцовъ и другіе должностные бунтующіе люди выбили окна, крича безъ умолку: Покажите намъ государя! Видя, что трудно утишить бунтъ, бояре немедленно присягаютъ Іоанну. Также и сестры, приближавъ къ Іоанну, заставляютъ его немедленно показаться стрѣль-

памъ, чтобъ они видѣли государя, постановленнаго боярами и способнаго къ правленію государствомъ, какъ это прилично мужу лѣтъ и ума зрѣлыхъ. Тѣ же тетки пазначаютъ ему супругу, предрекаютъ ему будущее потомство, имѣющее поддержать его домъ и фамилію. Іоаннъ объявленъ государемъ, и бунтъ воиновъ и народа нѣсколько утихаетъ. Между тѣмъ Нарышкинъ, младшій братъ матери Петра, взявъ царскій вѣнецъ, и всходя на престолъ, сказалъ съ шуткою: Признайте пока меня государемъ, ибо я съумѣю править благоразумно: только дайте мнѣ присягу, какъ законному намѣстнику Петра. Іоаннъ отвѣчаетъ ему на это: Черепакъ не лѣтаетъ съ орлами. Одоескій, именитый мужъ изъ всей знати, тутъ же закричалъ Нарышкину: Чтò ты брешешь, собака, и тотчасъ далъ ему пощечину: все собраніе бояръ и знати ужаснулось. Закинулъ бунтъ; бей, кричатъ по всему дворцу, неизвѣстно кого; бѣжать некуда; стрѣльцы врываются туда съ яростію. Требуютъ смерти Артемона; окна выбиты; Нарышкинъ выброшенъ въ окно, Артемона волокутъ за шею; Ларионову отрѣзываютъ языкъ; убиваютъ сына Долгорукаго и многихъ другихъ; безпрестанно раздаются: бей враговъ государя! Ни силой, ни увѣщаніями не могутъ остановить этого мятежа: каждый простолюдинъ прячется въ свой домъ. Стрѣльцы не перестаютъ бунтовать, требуютъ врача (потому что опъ вселъ нѣкоторыя перемѣны), угрожая перебить всѣхъ, сколько есть въ городѣ, Нѣмцевъ, если его не выдадутъ: наконецъ, нашедши его, допрашиваютъ, приготовлялъ ли опъ ядъ для отравленія ихъ государей. Опъ со страху не могъ вымолвить ни одного слова; его сбили съ ногъ, вытянули языкъ, распороли животъ: перерѣзали жилы подъ колѣнами; потомъ убили двухъ малолѣтнихъ сыновей его и прибили жену. Старика Долгорукаго, ненавистнѣйшаго для Поляковъ, челоуѣка дѣловаго, убили и расхитили все его имущество. Этотъ бунтъ продолжался цѣлую недѣлю. Всѣ бояре удаляются бѣгствомъ изъ столицы на тридцать или болѣе миль: имущества и сокровища ихъ перешли въ руки бунтовщиковъ. Они злоумышляли и на должностныхъ людехъ, казначеевъ и экономовъ, кои также не остались въ покоѣ. Бунтовщики, отыскавъ ихъ, ругались надъ ними, мучили ихъ, будто бы за то, что они имѣютъ много денегъ, а ихъ не кормятъ. Всѣ думали, что настала страшная судъ и преставленіе свѣта“.

Замѣтимъ вѣрное изображеніе стрѣльцовъ, бѣжавшихъ въ Кремль, изъ которыхъ многіе не знали, за чѣмъ бѣгутъ,—вѣрное свидѣтельство о сильнѣйшемъ возбужденіи ихъ противъ нѣмецкаго доктора

и казни его, о неистовствахъ стрѣльцовъ и объ общемъ страхѣ въ городѣ.

Точно также изображено вѣрно ближайшее время силы князя Хованскаго:

„Хованскій избранъ главою бунтовщиковъ; онъ ходитъ, окруженный ими отовсюду, охраняемый многочисленною вооруженною стражей: они называютъ его отцомъ, а онъ называетъ ихъ дѣтьми и повелѣваетъ имъ молиться Богу, дабы Онъ далъ имъ хорошия успѣхъ въ ихъ замыслахъ, почитать государей и проч. Но вѣроятно, скоро они оставятъ его. Онъ взялъ себѣ въ супругу жену недавно имъ убитаго дьяка Ларіона Иванова (Larion Ivanov) и обвинчался тайно и безъ ея согласія; онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ томъ, что, жепившись на жепѣ мятежника противъ государя, самъ хочетъ передаться на ту сторону. Только дѣятельностію своею и ласками онъ обезоруживаетъ недовольныхъ; но, *доло ли будутъ терпѣть и кто за это поручится? Князь Василій Васильевичъ правитъ всеми государственными дѣлами.* Стрѣльцы, еще не усмиренные, толпами ходятъ по городу, врываются въ дома, выпиваютъ все, какое тамъ есть, вино, съ согласія хозяина, не столько произвольнаго, сколько вынужденнаго. Оба царевича, какъ бы бѣжавшіе изъ Троянскаго пожара, съ тетками, сестрами и Софіей (Sophia Rzedziocha) выбыли изъ столицы въ Коломну, отстоящую отсюда на семь миль, не возвращаются въ столицу, не смѣя ввѣриться буйнымъ стрѣльцамъ и почитая униженіемъ для своего сапа — допустить въ общественный совѣтъ простой народъ, того требующій“.

IX.

Шлейзингъ и Бове.

Сочиненіи Саксонца Шлейзинга: „Anatomia Russiae deformatae, 1688“ и Англичанина Бове (Bouvet): The present condition of the Moscovite Empire till the year, 1699“, я не имѣлъ въ рукахъ и предлагаю сужденіе о нихъ по изложенію профессора Аристова, котораго вышеупомянутое сочиненіе имѣетъ большія достоинства, и имѣло бы ихъ больше, если бы не было помрачено предвзятою мыслию оправдывать, по что бы то ни стало, царевну Софію Алексѣевну. Г. Аристовъ не уважаетъ ни Шлейзинга, ни Бове. Онъ говоритъ о нихъ: „Саксонецъ Шлейзингъ, какъ пишетъ самъ, жилъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ (съ 22-го апрѣля 1684 г.), хотя вовсе не видалъ Рос-

сіи; о царевнѣ Софіи говорилъ мало, прибавивъ, что она *tanzet nach dem Closter*. Дальновидные писатели чуть не считаютъ этого выраженія пророчественнымъ; по дѣло объясняется просто: Шлейзингъ издалъ свою компиляцію уже въ 1688 году, когда шаткое положеніе Софіи обнаружилось. Такого же свойства и компиляція Креля, изданная въ 1699 году подъ именемъ Англичапина Бове; онъ никогда не бывалъ въ Россіи и высказывалъ нахватаппыя чужія мнѣнія“.

Были ли Шлейзингъ и Бове или Крель въ Россіи и Москвѣ—это для меня не слишкомъ важно. Для меня важно то, что книга Шлейзинга напечатана въ 1688 году, а книга Креля или Бове въ 1699 году. Пусть они предлагаютъ намъ чужія мнѣнія, нахватаппыя ими гдѣ бы то ни было, но важно то, что эти мнѣнія, слухи, извѣстія были въ общемъ оборотѣ за границею въ показанныя годы. Большая часть ихъ у Бове или Креля вѣрна (невѣрныя мы отмѣтили звѣздочками), и подтверждая наши извѣстія о проискахъ Софіи, о распущенныхъ слухахъ касательно смерти Θεодора, о назначеніи извѣстныхъ лицъ къ умерщвленію, подкрѣпляютъ догадку о связи Софіи съ Шакловитымъ послѣ Голицына. Слѣдующія извѣстія, относящаяся къ заговору Цыклера, нѣсколько перепутаны, но въ сущности вѣрны. Замѣтимъ имя доносителя Ларіона Елизарова и анекдотъ, нѣсколько переименованный противъ сохраненнаго Голиковымъ, о томъ, какъ Петръ узналъ о послѣднемъ заговорѣ. Наконецъ, весьма важно для насъ подтвердительное извѣстіе: при этомъ послѣднемъ розыскѣ узнано было, что зачинщикомъ или руководителемъ перваго стрѣлецкаго бунта былъ бояринъ Ивашъ Михайловичъ Милославскій, подвергшійся за то страшной казни въ своемъ трупѣ. Шлейзингъ говоритъ о Софіи мало, замѣчая, что она *tanzet nach dem Kloster*, уходитъ въ монастырь. А вотъ извѣстія Бове или Креля по изложенію профессора Аристова:

Онъ пишетъ, „что царь Θεодоръ назначилъ послѣдникомъ, предъ смертью, младшаго своего брата Петра, почитая Іоанна неспособнымъ къ правленію. Но Софія, будучи честолюбива, употребила всѣ свои происки для возложенія короны на своего брата Іоанна, или паче сказать, на себя“. Къ лучшему достиженію сего памѣрепія, она старалась распространить слухи, будто покойный царь Θεодоръ Алексѣевичъ, братъ ея, опоенъ былъ ядомъ отъ своихъ лѣкарей, по наущенію знатныхъ бояръ, имена коихъ нарочно были объявлены, яко виновниковъ и споспѣшествователей толь ужаснаго преступленія. Зная, что болѣе всего она можетъ утвердить свои пользы привлече-

ніемъ на свою сторону стрѣльцовъ, велѣла также разгласить, будто при дворѣ принято было намѣреніе намѣшпать яду въ ту водку, которую хотѣли имъ подносить на царскихъ похоронахъ". Стрѣльцы пришли въ бѣшенство, перерубили лѣкарей царскихъ и бояръ, которые означены были царевной, яко противныя ея пользамъ, и возвели на престолъ Іоанна. „Царевна, честолюбіе которой не удовольствовалося восшествіемъ на престолъ брата ея Іоанна, вступила въ заговоръ со стрѣлецкимъ начальникомъ Шегловитымъ, объявивъ ему, что братъ ея служилъ токмо предлогомъ къ возложенію короны на ея главу, что она желаетъ выйти за него замужъ и царствовать съ нимъ вмѣстѣ, если онъ соединитъ съ нею свои силы и старанія, что не трудно успѣть въ семъ намѣреніи, потому что Россійская имперія есть неспособное бремя для двухъ малолѣтнихъ отроковъ. Онъ не въ состояніи былъ противиться сильнымъ ея обольщеніямъ; и они употребляли всѣ мѣры къ произведенію въ дѣйство сего предпріятія, которое долженствовало начаться смертію обоихъ царей, и кое бы непременно удалось по ихъ желанію, если бы заговоръ ихъ не былъ заблаговременно открытъ царемъ. Цари удалились въ Троицкій монастырь, Лефортъ оказалъ отмѣнные знаки храбрости и вѣрности". Стрѣлецкій голова заманенъ былъ въ засаду подъ Троицкій монастырь, гдѣ онъ и другіе начальники бунта захвачены и наказаны были смертію. Царевна ушла въ монастырь. Оставалась одна недовольная партія между боярами, которые, побуждаемы будучи происками царевны Софіи, нашли средство, не смотря на ея заключеніе, имѣть съ нею переписку объ исполненіи своихъ умысловъ противъ особы государя. Потеря любимыхъ стрѣльцовъ произвела непримиримую ненависть къ царю, и они вступили въ заговоръ противъ его жизни. Они склонили четырехъ капитановъ 1-го стрѣleckаго полка и рѣшились зажечь ночью дома и на пожарѣ убить царя во время замѣшательства". Затѣмъ намѣрены были, какъ послѣ сами признались, присоединить къ своей партіи Донскихъ казаковъ, освободить изъ заключенія царевну Софію, возвратить изъ Сибири князя В. В. Голицына и вручить имъ правленіе, а они должны были привести имъ стрѣльцовъ въ прежнее ихъ состояніе. „Но небу угодно было тропуть сердца двухъ изъ четырехъ капитановъ, которые были сообщниками въ семъ заговорѣ. Одинъ именовался Ларіономъ Елизаровымъ, а другой Григоріемъ Валеріе. Грызомые совѣстію о такомъ ужасномъ дѣлѣ чистосердечно признались царю. „О заговорѣ Цыклера царь узналъ 1-го февраля 1697 года, обѣдая въ домѣ Лефорта. „Онъ казался мало

былъ тронуть симъ ужаснымъ извѣстіемъ, и безъ всякой перемены въ лицѣ, всталъ изъ-за стола, и провожасъ будучи малымъ числомъ надежнѣйшихъ людей, поѣхалъ прямо въ домъ главнаго злоумышленника, который назывался Иванъ Сиглеръ и возведенъ былъ царемъ на степень статскаго совѣтника. Его величество, пришедъ въ домъ сего злодѣя, приказалъ прочимъ остаться за воротами; самъ же возшелъ токмо съ тремя особами, и подъ тѣмъ предлогомъ, что имѣеть нужду въ его совѣтахъ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, приказалъ за собою слѣдовать. Лишь только онъ вышелъ на улицу, взятъ былъ подъ караулъ и отведенъ въ темницу“. То же было и съ пятью его сообщниками. „Какъ изъ признанія нѣкоторыхъ злоумышленниковъ оказалось, что Иванъ Милославскій былъ главнымъ зачинщикомъ бунта, случившагося въ 1682 году, то тѣло его вырыто изъ могилы и найдено цѣло и невредимо (хотя оно лежало въ землѣ около 12-ти лѣтъ); поставлены были висѣлицы, и на нихъ повѣшены разные части его трупа, разстерзанныя въ одну минуту разъяреннымъ народомъ“.

Г. Аристовъ говоритъ, что „Шлейзингъ, Крель и Невиль, вѣроятно, наслушались иностранцевъ, бывшихъ въ граничныхъ путешествіяхъ съ Петромъ Великимъ, и на скорую руку излагали свои сомнительныя данныя, разбавляя водянистыми сказаніями другихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи мы найдемъ сходство между указанными писателями; но Невиль имѣеть то преимущество, что, кажется, слышалъ нѣкоторые разказы отъ людей болѣе достовѣрныхъ и близкихъ къ Петру, чѣмъ Шлейзингъ и Крель“.

Такое мнѣніе допустить трудно: какъ могли эти господа *собрать* разные свѣдѣнія, въ разныхъ мѣстахъ разными людьми разказанныя? Да и едва ли русскіе путешественники могли пускаться въ такія подробности. Замѣтитъ надобно и то, что никакихъ особенныхъ похвалъ Петру въ этихъ извѣстіяхъ не встрѣчается.

Х.

Не в и л ь.

Невиль, агентъ французскій, былъ посланъ въ Москву маркизомъ де-Бетюномъ, посломъ Людовика XIV при Варшавскомъ дворѣ, развѣдать о переговорахъ нашего двора со Шведскимъ и Браденбургскимъ; онъ прожилъ въ Москвѣ пять мѣсяцевъ, съ конца іюля до половины декабря 1689 года, подъ видомъ чрезвычайнаго повѣреннаго (*envoyé*

extraordinaire) и былъ, слѣдовательно, очевидцемъ послѣдняго столкновенія между Петромъ и сестрою его Софіей, которое кончилось ея паденіемъ. Невиль имѣлъ сношенія съ многими русскими боярами, съ князьями Голицыными—Василіемъ Васильевичемъ, стороны Софіиной, и Борисомъ Алексѣевичемъ, стороны Петровой, съ молодымъ Матвѣевымъ, переводчикомъ Спафаріемъ и иностранными резидентами; видѣлъ Софію, Ивана, Петра, и по возвращеніи въ отечество, издалъ сочиненіе о Московіи, посвященное Людовику XIV, подъ заглавіемъ: *Relation curieuse et nouvelle de Moscovic*. Книжка его посвящена королю Людовику XIV и напечатана въ Парижѣ въ 1698 году ¹⁾.

Выберемъ изъ Невилля важнѣйшія его извѣстія.

Въ Смоленскѣ, по дорогѣ, онъ встрѣтился съ бывшимъ въ русской службѣ генераломъ Мenezіусомъ, о которомъ разказываетъ, что онъ, возвращаясь безъ успѣха изъ римскаго посольства, былъ произведенъ въ генераль-маіоры; чрезъ нѣсколько времени, царь Алексѣй Михайловичъ, видя себя близкимъ къ смерти, назначилъ его гувернеромъ къ своему сыну, юному принцу Петру, при которомъ онъ и оставался до начала царствованія царя Іоанна, а послѣ царицы Софіи и князь Голицынъ, не могши склонить его отъ Петра на свою сторону, послали его въ Смоленскъ, въ надеждѣ, что онъ тамъ пропадетъ ²⁾.

¹⁾ Устряловъ ссылается на изданіе въ Гагъ, въ 1699 г. См. т. I, с. LXII, также и Семеновскій въ дальней статьѣ о портретахъ Софіи и Голицына, помѣщенной въ *Русскомъ Словѣ* 1859 г. № 12; вто, вѣроятно, было уже второе изданіе, послѣ Парижскаго, 1698 года.

²⁾ Переводъ Невилля, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* Полеваго, 1841 г., № 9, с. 605. Въ подлинникѣ, стр. 9 10:... «d'où (de Rome) étant de retour sans aucun succès, il fut fait général-major et quelque temps après, le czar Alexis Samuel Frrich, se voyant moribond, le déclara gouverneur du jeune prince Pierre, son fils, auprès duquel il a toujours demeuré jusqu'au commencement du règne du czar Jean, et depuis la princesse Sophie et le prince Palischin n'ayant pu lui faire abandonner les interets de Pierre, l'ont obligé d'aller demeurer à Smolensk, et de faire la dernière campagne, dans l'esperance, qu'il perirait. Г. Забѣляинъ, замѣтивъ здѣсь кстатн, въ своихъ «Опытахъ изученія древностей и исторіи» (ч. 1, с. 22) пользуется, кажется, неправильно извѣстіями Невилля, приурочивая удаленіе Мenezіуса въ Смоленскъ ко времени паденія Матвѣева: «Съ паденіемъ Матвѣева», говорятъ онъ, «удаленъ былъ и Мenezіусъ, какъ человекъ, пзъявлявшій особенную ревность къ Петру и его сторонѣ. Онъ посланъ былъ въ Смоленскъ, какъ говоритъ Невиль. Въ 1679 году дѣйствительно ему назначенъ походъ съ полкомъ къ Кіеву противъ Турокъ». Изъ этихъ

Невиль былъ приять княземъ Голицынымъ у себя въ домѣ такъ, какъ это могло бы быть при дворѣ какого-нибудь италіанскаго принца. „Разговаривал со мною полатинъ: о томъ, что происходило въ Европѣ, и что я думаю о войнѣ императора и столькихъ прищевъ съ Франціей, и особенно о революціи въ Англіи, князь потчивалъ меня всякими сортами водокъ и винъ, совѣтуя въ то же время съ учтивостью, чтобъ я не пилъ (*me conseillant en même temps de n'en point boire*).
Стр. 16.

„Князь Голицынъ обѣщалъ доставить мнѣ аудіенцію чрезъ нѣсколько дней, и это навѣрное и исполнилъ бы, еслибы не постигла его опала, произведшая великое замѣшательство въ дѣлахъ; ежeminутно слышалось: пожаръ, рѣжутъ; еслибы Петръ по счастію не осмѣлился приказать о задержаніи главныхъ сообщниковъ царевны, то произошло бы кровопролитіе. (*„Il me promet de me faire avoir audience dans quelques jours; ce qu'il aurait fait assurément sans sa disgrâce, qui apporta un si grand changement aux affaires, qu'à tout moment on entendait crier au feu et au meurtre, et si le bonheur n'avait pas voulu que le czar Pierre eut la hardiesse de faire arrêter*

слово видно, что г. Забѣлинъ удаляетъ Менезіуса соединить съ паденіемъ Матвѣева въ 1676 году, то-есть, съ его ссылкой, и полагаетъ пребываніе Менезіуса при Петрѣ только когда ему шелъ четвертый годъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ его: «Трехлѣтній полковникъ, являясь съ полковымъ рапортомъ къ государю-отцу, могъ ясно представлять себѣ, что онъ не только царевичъ-сынъ, но и простой солдатъ» и проч. Затѣмъ слѣдуютъ у г. Забѣлина прекрасныя разсужденія о значеніи дисциплины и о раннемъ вліяніи этихъ понятій на Петра. Нѣтъ, все это не можетъ никакъ относиться къ четырехлѣтнему ребенку, который, при всей врожденной геніальности, не могъ сознать дисциплины, но онъ, безъ всякаго сомнѣнія, могутъ относиться къ осьми десяти-лѣтнему Петру, при которомъ Менезіусъ оставался, по словамъ Невилля, приведеннымъ и у г. Забѣлина, до начала царствованія Ивана (1682 г.), до умерщвленія стрѣльцами Матвѣева, и не до его паденія (1676 г.). Въ 1679 году была, вѣроятно, случайная отлучка Менезіуса въ Смоленскъ. То-есть, Менезіусъ, если вѣрить Невиллю, могъ находиться при Петрѣ отъ 1676 по 1682 годъ, отлучаясь временно въ 1679 году. Странно, что Менезіусъ не сохранился нигдѣ въ воспоминаніяхъ Петра, и что о немъ нѣтъ у насъ никакихъ извѣстій по занятіямъ при Петрѣ. Онъ умеръ вскорѣ по вступленіи Петра на престолъ. О его семействѣ, вдовѣ и дѣтихъ есть много извѣстій у Гордона, Корба, де-Бруина. Де-Бруинъ разсказываетъ о посѣщеніи Петромъ вдовы, Корбъ — объ оставленіи меньшихъ дѣтей Менезіуса дома, не въ примѣръ другимъ, посланнымъ учиться въ чужіе края корабельному дѣлу. *Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.*, 1866, т. IV, стр. 116. 24-го января 1699 г. Петръ присутствовалъ на похоронномъ обѣдѣ скончавшейся генеральши Менезіусъ. Тамъ же, 1867, т. III, стр. 133.

les principaux du parti de la princesse, il serait arrivé un pareil massacre a ceux, dont nous avons déjà parlé^a). Стр. 16—17.

Въ этихъ словахъ Невила мы находимъ важнѣйшее свидѣтельство о великой опасности, грозившей со стороны Софіи Петру, и отъ которой избавился онъ только своею смѣлостію. Невиль былъ расположенъ къ Голицыну, принадлежавшему къ сторонѣ Софіи, и въ этомъ отношеніи свидѣтельство его имѣетъ сугубую цѣну. Разумѣется, онъ писалъ со словъ тѣхъ лицъ, съ которыми имѣлъ сношеніе: значитъ, таково было ихъ общее мнѣніе.

Прошло шесть недѣль. Невиль обратился къ любимцу Петрову, князю Борису Алексѣвичу Голицыну, который принялъ его не какъ его родственникъ, ибо надо было опорожнить много чарокъ, и вся бесѣда прошла въ питьѣ. Онъ обѣщаль доставить аудіенцію чрезъ три дня, но самъ попалъ въ немилость.

Думный дьякъ (Domnith diak) Украинцевъ, креатура князя Василія Голицына, измѣнившій своему благодѣтелю, задержаль Невила, въ неудовольствіи, зачѣмъ тотъ обращался не къ нему, а къ князю Борису Алексѣвичу Голицыну, и Невиль рѣшился подарить ему сто червонныхъ, чтобы получить скорѣе отпущкъ.

Вторая глава озаглавлена у Невила: состояніе Московіи съ 1682 до 1687 года. Опъ припоминаетъ прошедшее время:

Иванъ былъ провозглашенъ царемъ (послѣ избранія Петрова) „проясками (par les brigues) сестры своей Софіи, не смотря на пагучую болѣзнь, которой подвергался dans chaque lune, и отъ которой умеръ братъ его Теодоръ. Эта честолюбивая, жадная властвовать царевна, хорошо предвидя, что можетъ сдѣлаться самовластною повелительницею государства, по причинѣ неспособности Юанна и малолѣтства Петра, коимъ предоставится только титулъ царей, а ей вся власть, и что ей печего страпиться, кромѣ вельможъ и знатныхъ людей (les officiers de la couronne et les grands), кои могутъ воспротивиться ея намѣреніямъ, въ частности — изъ личнаго честолюбія, или вообще, изъ отпращенія повиноваться женщинѣ, — царевна, склонивъ на свою сторону Хованскаго (Couvansky), возбудила стрѣльцовъ (estrelas), родъ ополченія, подобный турецкимъ янычарамъ. Подъ предлогомъ мщенія за смерть Теодора, который былъ будто бы отравленъ, стрѣльцы произвели такое кровопролитіе между знатными, что, еслибы Софія, видя, что они зашли слишкомъ далеко, не вышла сама

къ нимъ изъ царскихъ палатъ и не показалась, то они безъ различіи продолжали бы нападать на невинныхъ вмѣстѣ съ виноватыми¹⁾.

Происхожденіе бунта въ этихъ словахъ описано вѣрно, а непосредственное участіе Хованскаго — это есть отголосокъ пущенныхъ послѣ слуховъ и дѣйствій правительства, со времени его казни²⁾.

Главнымъ предлогомъ къ бунту представляется отрава царя Теодора, и это дѣйствительно было такъ, судя потому, что стрѣльцы, искали вмѣстѣ съ Нарышкиными, больше всего доктора Данилу, и что кровопролитіе копчилось, когда онъ былъ найденъ и умерщвленъ.

Здѣсь слѣдуетъ у Невилля замѣшательство. Онъ говоритъ, что послѣ бунта избранъ былъ Петръ къ неудовольствію Софіи, которая возбудила вновь стрѣльцовъ помощію Хованскаго, и они провозгласили первымъ царемъ Ивана; также, что докторъ Теодоровъ и князья Долгорукие убиты были въ продолженіе новаго бунта, что Софія изъ Троицкаго монастыря благодарила Хованскаго за его усердіе при отмщеніи за смерть ея брата, и проч.

Невилль перепуталъ, вѣроятно, въ этомъ случаѣ свои записки, которыя впрочемъ могутъ легко быть исправлены простою перестановкою извѣстій. Или виновато здѣсь только авторское неумѣнье разказывать все по порядку, запямятованье, сбивчивость слуховъ. Обратимъ вниманіе на изображеніе ребенка Петра: „Царевичъ Петръ, вѣнчанный къ удовольствію всей Россіи, былъ очень красивъ и строенъ собою, и живость его ума подавала надежду на великія дѣла отъ его правленія, еслибъ онъ получилъ хорошее руководство“. (Le czarévich Pierre Al. fut couronné czar au contentement de toute la Russie; ce prince est agréable et bien fait, et la vivacité de son esprit ferait espérer des grandes choses de son gouvernement, s'il était bien conduit. Стр. 40).

Хованскій потворствовалъ стрѣльцамъ, которые продолжали буйствовать, возмечталъ о своей силѣ и хотѣлъ захватить верховную

¹⁾ Русскій переводъ Невилля, помѣщенный въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1841 г. октябрь, стр. 96, исполненъ ошибокъ. Мы исправили грубѣйшія въ самыхъ важныхъ мѣстахъ; напримѣръ, переводъ говоритъ, что Софія «противостали гвардейскіе офицеры и знатные люди». Совсѣмъ нѣтъ. Невилль говоритъ: qu'elle n'avait à craindre que les officiers de la couronne et les grands ... fit sous main ... susciter les estroles и проч., то-есть, Софія возбужденнымъ бунтомъ предупреждала сопротивленіе, а не отстраняла происшедшее. О смѣлости также у Невилля нѣтъ ни слова, какъ и о грабежѣ невинныхъ наравнѣ съ виноватыми.

²⁾ См. въ изслѣдованіи, слѣдующемъ за разсужденіемъ объ источникахъ.

власть, женивъ сына на меньшей царевнѣ Екатеринѣ. Софія увидѣла, что Хованскіе опаснѣе для нея тѣхъ, отъ кого она избавилась.

Дворъ отправился къ Троицѣ подѣ предлогомъ празднованія имени царевны Екатерины, 24-го полбря. Хованскій былъ приглашенъ вмѣстѣ съ прочими боярами, по совѣту князя В. В. Голицына, и по дорогѣ былъ захваченъ и казненъ.

Вмѣсто князя В. В. Голицына Матвѣевъ выставляетъ здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Ивана Михайловича Милославскаго.

Стрѣльцы возмутились, овладѣли казеннымъ оружіемъ, готовы были истребить все (ils étaient ce semble d'humeur à tout exterminer).

Правительство созвало къ Троицѣ ратныхъ людей и нѣмецкихъ офицеровъ, состоявшихъ на царской службѣ.

Стрѣльцы хотѣли было напасть на Кукуй, нѣмецкую слободу (leur quartier dans un faubourg de Moscou appelé Kakouvi), но наконецъ, вразумленные, смирились и получили прощеніе, вышли на встрѣчу къ царямъ и упали въ ноги предъ ними.

Въ тотъ же день князь В. В. Голицынъ былъ назначенъ великимъ канцлеромъ (это было гораздо прежде, то-есть, на второй день перваго бунта).

„Этотъ князь Голицынъ былъ безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ людей, когда-либо бывшихъ въ этой странѣ, которую онъ хотѣлъ поставить на ряду съ другими“. (Ce prince Golischin est sans contredit un des plus spirituels, des plus polis et des plus magnifiques, qu'il y ait jamais eu en ce pays-là, qu'il avait dessein de mettre sur le même piéd que les autres. Стр. 55).

„Онъ хорошо говорилъ полатыни и весьма любилъ бесѣду съ иностранцами, не заставляя ихъ пить, да и самъ онъ не пьетъ водки, а находитъ удовольствіе только въ бесѣдѣ. Презиралъ знатныхъ людей по причинѣ ихъ неспособности, онъ склонялся только къ достоинству и употребляетъ только тѣхъ, кого почиталъ достойными и въ комъ я надѣялся найти преданность къ себѣ“. Стр. 56.

Голицынъ произвелъ слѣдствіе надъ виновными стрѣльцами, казнилъ главныхъ, а другихъ осудилъ на ссылку и изъ нихъ составлены были четыре полка: надъ оставшимися онъ назначилъ начальникомъ Шакловитаго. Всѣ почти важныя должности онъ поручилъ людямъ незнатнымъ, желая имѣть слугъ, а не товарищей.

По нашимъ извѣстіямъ со стрѣльцами раздѣлывался не Голицынъ, а Шакловитый.

Такой образъ дѣйствій навлекъ на Голицына ненависть знатныхъ

фамилій, которыя увидѣли себя лишеными своихъ преимуществъ и принужденными предъ нимъ раболѣпствовать, чего не бывало при его предшественникахъ (*obligés de lui faire la cour, qu'elles n'avaient coutume de faire à ses prédécesseurs*).

Онъ заключилъ договоръ съ Швеціей и потомъ съ Польшею. Поляки отказывались отъ Украины и Смоленска, а Русскіе обязывались воевать Крымъ и мѣшать Туркамъ нападать на Польшу.

Къ европейскимъ дворамъ отпралены были посольства звать на Турокъ: Б. П. Шереметевъ—въ Польшу и оттуда въ Вѣну; князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій—въ Испанію и Францію.

Князю Голицыну не хотѣлось принять начальство въ Крымской войнѣ, гдѣ не могъ выиграть ничего, а потерять много; но враги, желая спровадить его изъ Москвы, чтобы въ отсутствіе его уменьшить его вліяніе, настояли на своемъ мнѣніи, что долженъ идти онъ, какъ заключившій договоръ съ Поляками и считавшій покореніе Перекопи легкимъ.

Первый походъ не удался вслѣдствіе выжженныхъ степей и недостатка въ продовольствіи. Однакожь, всѣ начальники получили значительныя награды. На рѣкѣ Самарѣ поставленъ городъ Ново-Богородицкѣ.

Описаніе втораго похода Невиль начинаеть словами: „Князь Голицынъ, види, что партія Петра со всякимъ днемъ поднимается“ (*s'apercevant tous les jours que le parti de Pierre se reveillait*), рѣшился возобновить походъ на слѣдующій годъ.

Замѣтимъ здѣсь важное свидѣніе, представляемое Невилемъ объ усиленіи партіи Петровой, о чемъ у насъ не было положительныхъ извѣстій. Недавно полученъ намекъ въ письмахъ Голицына къ Шавловитому. Профессору Аристону принадлежитъ заслуга собранія многихъ любопытныхъ свидѣній, сюда относящихся.

Второй походъ также кончился ничѣмъ, и Голицынъ принужденъ былъ отступить отъ Перекопа. Невиль заключаетъ главу о Крымскихъ походахъ словами, внушающими полную къ нему довѣренность: „Все сказанное мною я слышалъ отъ министровъ короля Польскаго, которые находились при царскомъ дворѣ и сопровождали войска, отъ кончины царя Ѳеодора до нынѣшняго времени“.

„Теперь я долженъ“, говоритъ Невиль, „приступая къ описанію смятеній (*récit des révolutions*), разказать подробно вещи, которыхъ былъ свидѣтелемъ, ибо имѣлъ смѣлость ходить часто переряженнымъ по городу и даже въ Троицкій монастырь“.

Представимъ главныя его показанія. Князь Голицынъ, по возвращеніи въ Москву, нашелъ дѣла, вопреки ожиданію, въ другомъ положеніи. Враги его узнали правду объ его походѣ и произвели въ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ невыгодное мнѣніе (*le desservirent*). Онъ отказалъ князю Голицыну въ аудіенціи, и только по просьбѣ царевны, царь допустилъ его къ цѣлованію руки. Но онъ осыпалъ его жестокими укоризнами и не хотѣлъ слышать его оправданій. Нѣсколько дней прошло въ покоѣ, но щедрость царевны въ наградахъ подала поводъ къ новому слѣдствію. Она хотѣла раздать боярамъ значительныя имѣнія и признать тѣмъ ихъ заслуги государству. Царь тому воспротивился и прежде хотѣлъ изслѣдовать заслуги каждаго и сообразно имъ назначить награды. Царевна не хотѣла услышать опроверженія и упростила царя на исполненіе ея желаній. Она пожаловала Голицыну 1.500 крестьянскихъ дворовъ въ разныхъ мѣстахъ; другимъ боярамъ дано было по 300 дворовъ, прочимъ начальникамъ—соразмѣрно ихъ обязанностямъ и даже всѣмъ дворянамъ, съ цѣлію привлечь всѣхъ на свою сторону.

„Голицынъ, подъ предлогомъ доставить гетману (*Masent*) честь аудіенціи царской въ Москвѣ, чего прежде не бывало, а въ самомъ дѣлѣ со всѣмъ съ другимъ намѣрсіемъ (?), устроилъ такъ, что гетманъ прибылъ въ Москву въ сопровожденіи 500 главныхъ своихъ офицеровъ. Не могли исходатайствовать позволенія его видѣть, и пытался (*je hasardais*) ходить къ нему переодѣтый почью съ нѣмецкимъ докторомъ царя, чтобъ увѣрить его въ покровительствѣ Польскаго короля“¹⁾.

Какую цѣль имѣлъ Голицынъ, приглашая гетмана Мазепу въ Москву,—ни у Невилля, ни въ напихъ источникахъ ничего не видать.

„Царь Петръ находился въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ своихъ, называсомъ Преображенское (*Obrogensko*), на берегу рѣки Лузы, мѣсте мила отъ Москвы, между тѣмъ какъ царевна Софія и Голицынъ составляли *эпикоръ*, о которомъ мы здѣсь подробно разкажемъ. Царевна предвидѣла, что со временемъ царь Петръ сдѣлается камнемъ преткновенія для ея власти и опаснымъ препятствіемъ, если она заблаговременно не предупредитъ опасности. Она весьма раскаявалась, что послушалась прежде благоразумныхъ и умѣренныхъ совѣтовъ Голицына. Размышляя о трудности, съ какою

¹⁾ Последннихъ словъ въ переводѣ *Русскаго Вѣстника* нѣтъ. Онъ виденъ, какъ свидѣтельство объ отношеніяхъ къ намъ Польскаго правительства.

испросила она аудіенцію любимцу своему, столь притомъ неприятную, царевна была тѣмъ оскорблена и упреками, которые слышала Голицынъ отъ царя. И хотя она успѣла потомъ уговорить царя возвратить любимцу ея благосклонность по ея желанію, но не могла она забыть, какъ дорого все это ей стоило, и какое сопротивленіе надлежало ей притомъ преодолѣть. Все это было чувствительно для нея болѣе, чѣмъ для кого другаго, ибо дотолѣ управляла она государствомъ безотчетно, не встрѣчая никакого противорѣчія, и весьма вѣрно предвидѣла она, что въ будущемъ времени нельзя уже надѣяться ей такого самовластія; лучшее, чего она могла ожидать—это было лишаться власти по немпогу, но мѣрѣ того, какъ власть брата будетъ увеличиваться; она судила съ правдоподобіемъ, что по этой причинѣ не получила она совершеннаго отказа, но что впоследствии, вмѣсто угроженій, будутъ съ удовольствіемъ дѣлать ей неприятности. Партіи братіи приложитъ къ тому старанію, а также къ тому, чтобы погубить, раззорить ея привержанцевъ, и накопецъ, принудить ее, послѣ всѣхъ оскорбленій, къ тому, чтобы она оставила отечество и шла въ ея прежній монастырь.

„Всѣ сіи соображенія побудили царевну, честолюбивую, мужественную болѣе, нежели можно было ожидать отъ женщины, рѣшиться на все для поддержанія себя на ступени величія, на которой стояла, и о которой всегда думала. Во время правленія своего дѣлала она что только могла, дабы приобрѣсти себѣ преданныхъ слугъ; съ такимъ намѣреніемъ раздала она награды и оказала милости (войску) подъ видомъ возмездія за заслуги, ибо она понимала, что такіе дары окажутъ болѣе дѣйствию на пожалованныхъ, нежели кафтаны, которыми награждали дотолѣ цари, ея предшественники. Она увѣрила князя Голицына, что общіе враги ихъ не будутъ довольны постепеннымъ уменьшеніемъ ея значенія, но пойдутъ, можетъ-быть, далѣе; что они захотятъ заключить ее въ монастырь, и что она въ своемъ паденіи увлечетъ, разумѣется, его съ семействомъ и друзьями. Голицынъ долженъ былъ уступить ей доказательствамъ, и хотя онъ былъ благоразуменъ и умѣренъ и по природѣ не терпѣлъ никакихъ насильствъ, но не могъ противиться намѣреніямъ царевны. Онъ желалъ только, прежде нежели приступить къ дѣлу, послать старшаго сына своего въ качествѣ посла въ Польшу съ болшею частью своихъ сокровищъ, укрываясь отъ бури, которая должна разразиться скоро, ибо пельза было знать, разсуждалъ онъ, какъ человѣкъ здравомыслищій, какой будетъ ея конецъ. Но нетерпѣніе царевны взяло верхъ. Она пред-

ставила Голицыну, что нельзя терять времени ни одной минуты, а его предосторожности не нужны, ибо въ успѣхѣ сомнѣваться не возможно. Послѣ всѣхъ издавна принятыхъ мѣръ, она рѣшилась оборониться (*de s'en défendre*) и поручить исполненіе (*et charger de cette commission* ?) Федору Шакловитому, начальнику стрѣльческаго приказа, который царевной изъ ничтожныхъ писцовъ произвелъ въ околичіе или меченосцы (?), достоинство близкое къ званію боярина, сенатора. Шакловитый обѣщавъ въ точности исполнить волю царевны и собравъ въ замокъ Кремль, гдѣ обыкновенно живутъ царь и патриархъ, и гдѣ находятся всѣ государственные приказы, шестьсотъ вѣрныхъ стрѣльцовъ съ полковникомъ *Рязановымъ*. Самъ онъ принявъ главное начальство и приказавъ имъ слѣдовать за нимъ въ Преображенское. Но пока онъ отдавалъ сей приказавъ, двое изъ бывшихъ въ Кремлѣ стрѣльцовъ, тронутые угрызениемъ совѣсти, рѣшились не обагрить рукъ кровью своего государя, и ускользнувши, побѣжали впередъ и дали знать обо всемъ царю Петру. Удивленный до крайности, онъ всталъ съ своей постели, велитъ увѣдомить своихъ дядевъ, братьевъ его матери, и наскоро совѣтуется съ ними, что ему дѣлать. Положено было послать въ городъ и достоверно узнать о дѣлѣ. Одинъ изъ царскихъ дядевъ и князь Борисъ Голицынъ отравились съ симъ порученіемъ; на дорогѣ встрѣтили они Шакловитаго, по главѣ стрѣльцовъ, скрылись отъ нихъ, и поспѣшили впередъ, чтобы спасти царя. Бѣдный Петръ едва имѣлъ время сѣсть въ коляску съ матерью, женою, сестрой, и, сопровождаемый немногими вѣрными служителями, поскакалъ въ Троицкій монастырь. Заговорщики, прійдя, искали вездѣ царя, по стрѣльцы, бывшіе на стражѣ у царя, ничего не зная объ дѣлѣ и удивляясь бѣгству царя, объявили своему предсѣдателю или судѣ, что Его Величество бѣжалъ съ великою поспѣшностію.

„Премахнувшись (*ayant manqué son cour*), Шакловитый возвратился по утру къ царевнѣ, которую нашелъ онъ столь же огорченною, какъ и онъ, неудачей предпріятія. Всѣ въ Москвѣ удивились извѣстію о бѣгствѣ царя, и никто не могъ угадать причины его. Но къ вечеру стало извѣстно, что царь Петръ прислалъ къ царевнѣ, упрекнулъ ее въ вѣроломствѣ (*perfidie*), а она совершенно отъ всего отреклась, увѣряя, что почла заговорщиками и убійцами людей, которые пріѣзжали смѣнять караулы, и что ее жестоко оскорбляютъ, почтя способною къ такому отвратительному дѣлу, какъ убійство роднаго брата. Предлогъ сбора для смѣны карауловъ показался всѣмъ слишкомъ

недостаточнымъ, ибо смѣна всегда производилась днемъ, а Шакловитый прїѣзжалъ въ Преображенское ночью.

„Но, какъ бы то ни было, царь Петръ, достигнувъ благополучно Троицкаго монастыря, писалъ ко всѣмъ боярамъ, чтобъ они явились туда безъ замедленія. Онъ писалъ также ко всему дворянству и послалъ приказы во всѣ города держать на готовѣ милицію, объявляя по всему государству о заговорѣ Шакловитаго. Изъ всѣхъ мѣстъ шли къ нему, и менѣе, нежели въ недѣлю, собралось въ Троицкій монастырь множество дворянства. Немедленно послалъ царь указъ Голицыну явиться къ нему, но Голицынъ извинился подъ предлогомъ, что его не отпускаетъ царь Иоаннъ.

„Царевна дѣлала, между тѣмъ, все, что только было можно, склоняя стрѣльцовъ, шадимыхъ Петромъ, на свою сторону. Она созвала къ себѣ ихъ *пятидесятниковъ* и *десятниковъ*, которые въ настоящемъ случаѣ могли имѣть на солдатъ болѣе вліянія, нежели полковники и другіе начальники. Приказавъ разставить ихъ у лѣстницы, она остановилась по выходѣ отъ обѣдни съ царемъ Иоанномъ, и стоя на верхней ступени, царь сказалъ: „Братъ мой удалился въ Троицкій монастырь по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ хочетъ нарушить спокойствіе государства, и какъ мнѣ сказывали, приказалъ вамъ явиться къ нему, но мы запрещаемъ вамъ подъ смертною казнью повиноваться его приказаніямъ, чтобъ отстранить худыя послѣдствія, которыя могутъ случиться.

„Царевна подтвердила это запрещеніе. Стрѣльцы худо послушались. Они отправились въ Троицкій монастырь и увѣрили царя Петра въ своей вѣрности. Видя ихъ поступокъ, когда притомъ большая часть бояръ присоединилась къ Петру, царевна рѣшилась примириться съ нимъ, для чего и отправила къ нему двухъ своихъ тетокъ, сестеръ отца, царевну Анну Михайловну и сестру свою Марю Алексѣевну“.

Весь этотъ разговоръ и продолженіе его до возвращенія Петра отъ Троицы въ Москву совершенно согласенъ съ извѣстными обстоятельствами и со всѣми источниками; нѣкоторыя извѣстія подтверждаются другими свидѣтельствами, напримѣръ, объ отправленіи тетокъ и потомъ патріарха къ царю устраивать примиреніе, о безуспѣшной поѣздкѣ Софіи, о предупрежденіи князя Троскурова, объ извѣщеніи раскаявшихся стрѣльцовъ о сборѣ стрѣльцовъ въ Кремль, о предпринятомъ убійствѣ Петра, о полученіи имъ извѣстія на постели. Неизвѣрно только то, что Шакловитый ходилъ съ стрѣльцами на

Кремль 1-го августа, и что князь Б. А. Голицынъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ Нарышкиныхъ, были посланы развѣдать, что дѣлается въ Кремлѣ, и на дорогѣ встрѣтили Шакловитаго, воротились и успѣли предупредить Петра. Эти извѣстія принадлежать къ числу слуховъ, ходившихъ по Москвѣ, и указываютъ, что мнѣніе о покушеніи Шакловитаго, такъ или иначе, было общимъ.

Главу эту Невиль заключаетъ слѣдующими словами: „Такъ кончилось правленіе царицы Софіи, пѣсколько лѣтъ бывшей повелительницею обширнаго государства Русскаго. Увлекаемая необузданнымъ честолюбіемъ, она хотѣла *захватить въ свои руки власть*, которую имѣла отъ имени братьевъ, и осталась навсегда независимою, но кончила ссылкой и заточеніемъ на всю жизнь въ монастырѣ“...

Главу о причинахъ смятеній (*causes des révolutions*) Невиль начинаеть словами:

„Послѣ подробнаго изложенія заговора противъ царя Петра кстати будетъ показать, что смятенія, случившіяся въ этомъ государствѣ, и тѣ, которыя впредь могутъ случиться, происходили и будутъ происходить *отъ козней* (*des intrigues*) царицы Софіи, коей умъ и достоинство не соотвѣтствуютъ безобразію ея тѣла. Она необыкновенно толста, съ головою огромною, какъ подушка (*boisseau*); на лицѣ у нея волосы, на ногахъ наросты (*des loups aux jambes*), и ей теперь, по крайней мѣрѣ, сорокъ лѣтъ; но сколько таія ея широка, столько топокъ, ясенъ и искусство (*politique*) умъ ея, и хотя никогда не читала она Макиавеля и не училась у него, но по природѣ знаетъ его правила, и особенно то, что можно все предпринять и рѣшиться на всякое преступленіе, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы царствовать. Еслибъ она удовольствовалась управленіемъ и не намѣревалась бы отдѣлаться отъ своего брата Петра, никто не осмѣлился бы составить партіи противъ нея въ пользу этого молодого государя“. Стр. 151.

За симъ Невиль представляетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ Софія начала свое политическое поприще, совершенно согласно съ другими извѣстіями.

„Подъ конецъ жизни Θεодора, предвидя, что Θεодоръ, удрученный болѣзнію, не долго проживеть, Софія рѣшилась оставить монастырь (то-есть, теремъ) вопреки припятому обычаю, по коему всѣ члены царскаго семейства женскаго пола обязаны прождать жизнь тамъ, въ невозможности выйдти замужъ. Съ этою цѣлію царица оказывала великую любовь и необыкновенную вѣжность къ этому бра-

ту... и жаловалась на несчастіе, что не можетъ видѣть брата, столь нѣжно ею любимаго, и служить ему въ его болѣзни; безпрестанно посылала спрашивать о его здоровьѣ, при случавшихся приступахъ (*dans les accès de son mal*), не оставляя никакого случая изъявлять свою къ нему привязанность и печаль о томъ, что не можетъ окружить его своими попеченіями. Такими средствами приготовила она постепенно путь своимъ дальнѣйшимъ намѣреніямъ, оставила монастырь подъ предлогомъ, что хочетъ ходить за своимъ больнымъ братомъ и сдѣлать все возможное для его облегченія, и никого другаго къ нему не допускала, находясь безпрестанно при немъ и давая ему сама всѣ лѣкарства. Она предвидѣла, что чѣмъ болѣе сдѣлаетъ для него, тѣмъ болѣе приобрететъ любви отъ него и уваженія отъ другихъ. Она внушила, такимъ образомъ, благопріятное о себѣ мнѣніе вельможамъ, которыхъ старалась обласкать, и приобрѣла расположеніе народа, такъ что тѣ и другіе были довольны ея образомъ дѣйствій, привыкали видѣть безъ неудовольствія то, чего прежде не видали. Она рада была успѣху своего намѣренія выйти изъ терема, по такъ какъ она рѣшилась уже никогда не возвращаться, то чтобы не быть къ тому принужденною когда-нибудь, она задумала захватить власть въ свои руки. Такой великой цѣли нельзя было ей достигнуть безъ значительной партіи. Она рѣшилась составить такую. Выборъ ея палъ на князя Голицына, какъ человѣка самаго способнаго стать во главѣ такой партіи". Стр. 156.

Возмущеніе стрѣльцовъ, подъ предлогомъ мести за отраву Теодора, Невиль приписываетъ, какъ прежде, Хованскому, желавшему избавиться отъ вельможъ для него опасныхъ, при чемъ основывается на общихъ слухахъ, произведенныхъ, какъ мы замѣтили выше, манифестами Софіи и казнію Хованскаго.

„Смерть сего бунтовщика произвела дѣйствіе, ожидаемое царевною, такъ какъ ею она приобрѣла званіе правительницы, вслѣдствіе чего ея любимцу предоставлено было званіе канцлера, которому онъ умѣлъ придать такое значеніе, какого никто не имѣлъ прежде. Стр. 58.

„Чувствуя себя въ силахъ рѣшиться на все, царевна Софія пожелала, для успокоенія совѣсти соблазнительную связь свою съ этимъ любимцемъ—замѣнить таинствомъ брака. Вся трудность состояла въ томъ, какъ избавиться отъ жены Голицына, на что князь, по закону чести, не могъ согласиться; притомъ онъ получилъ за нею большія имѣнія и имѣлъ дѣтей, которыя были ему милѣе рожденныхъ

отъ царевны (?), которую онъ любилъ только по ея счастью, силѣ (par rapport à sa fortune).

„Такъ какъ женщины изобрѣтательны, то она повела дѣло такъ искусно, что убѣдила его уговорить жену, чтобъ она шла въ монахини... тогда онъ могъ бы получить отъ патріарха разрѣшеніе вступить во второй бракъ. Добрая женщина согласилась, и царевна не сомнѣвалась болѣе въ успѣхѣ своихъ намѣреній.

„Трудно было получить согласіе Голицына на убіеніе обоихъ царей, на которое она рѣшилась, видя въ томъ утверженіе своей власти для себя, для предполагаемаго мужа и своихъ дѣтей. Князь, болѣе хитрый (plus habile) и менѣе влюбленный, представилъ ей ужасъ такого намѣренія, давая ей понять, что исполненіе навлечетъ имъ общую ненависть и негодованіе, кои хоть и скрыты, могутъ когда-нибудь вспыхнуть и доставить поводъ или случай къ возмущенію (et donner lieu et occasion) какому-нибудь недовольному, подъ предлогомъ мести за покойниковъ. Примѣръ видѣла она на злоумышленіи Хованскаго, который употребилъ его, чтобъ овладѣть престоломъ, и можетъ-быть, достигъ бы своей цѣли, еслибъ она не предупредила ¹⁾. Князь Голицынъ предложилъ другой планъ, болѣе благоразумный — женить царя Ивана, и по его болѣзни, дать его жепѣ любовника, котораго она должна припятъ для блага государства, чтобы дать ему наследниковъ. Когда у этого государя будутъ дѣти, то царь Петръ лишится своихъ друзей и слугъ. Въ такомъ случаѣ они вступятъ въ бракъ. Чтобы бракъ ихъ былъ тверже (plus agréable à tout le monde), они устроятъ избраніе патріархомъ отца Сильвестра, польскаго монаха (?) греческой вѣры, человѣка очень умнаго, который предложитъ тотчасъ посольство въ Римъ для соединенія (церквей). Если это удастся, то доставитъ имъ уваженіе и общее одобреніе; потомъ принудятъ они Петра постричься (à se faire prêtre). Если это окажется невозможнымъ, они найдутъ средства отдѣлаться отъ него путями вѣрными и не столько ненавистными, какія она ему предла-

¹⁾ Весь этотъ параграфъ у Певеля очень запутанъ, даже не имѣетъ грамматическаго смысла: «Ce prince plus habile et moins amoureux, lui représenta l'horreur de ce dessein, lui faisant comprendre, que l'exécution ne manquerait pas infailliblement de leur attirer la haine et l'indignation de tout le monde, laquelle bien que cachée, pouvait un jour éclater et donner lieu et occasion à quelque mécontent d'entreprendre, sous prétexte de venger leurs morts, comme elle avait vu par la sédition de Couvanski, lequel s'en était servi pour s'élever sur le throne, dont il serait peut-être venu à bout, si elle n'y avait donné ordre» etc. Стр. 160.

гаетъ. Ивана заставляютъ они громогласно жаловаться на распутство своей жены и говорить, что ея дѣти не отъ него (*et à faire voir, que les enfants, qu'elle avait, n'étaient point de lui*). Это будетъ легко доказать имъ какъ принимавшимъ мѣры для того, чтобъ онъ имѣлъ дѣтей. По разводѣ они доставятъ ему разрѣшеніе взять другую жену, отъ которой вѣрно не будетъ у него дѣтей. Такимъ образомъ, безъ преступленій и безъ привлеченія каръ Господнихъ, они сдѣлаются властелинами государства въ продолженіе жизни этого несчастнаго, а по его смерти наслѣдниками, при отсутствіи членовъ мужескаго пола въ царскомъ семействѣ. Царевна, находя равномѣрно свою выгоду въ этомъ планѣ, предоставила Голицыну привести его въ исполненіе. Она не предвидѣла, что князь имѣлъ другіе виды, чѣмъ она, то-есть, соединяя Московію съ Римскою церковію, онъ не сомнѣвался получить отъ папы опредѣленіе, чтобъ его законный сынъ сдѣлался наслѣдникомъ царства, предпочтительно предъ тѣми, которыхъ имѣлъ онъ отъ царевны при живой своей женѣ¹⁾.

„Онъ началъ женитьбою Ивана.... Не трудно было найдти дѣвицу, пригодную для его намѣреній. Докторомъ приставленъ былъ къ ней Италіанецъ. Она забеременела, и къ несчастію, родила дочь... Друзья Петра, освѣдомленные о возникъ (*de la frissonnetie*), рѣшились принять свои мѣры. Они склонили на свою сторону другаго Голицына, котораго тотъ презиралъ за пьянство, и такъ приблизили его къ молодому царю, что онъ сдѣлался его любимцемъ. Подъ предлогомъ почета побудили великаго Голицына принять въ другой разъ начальство надъ войскомъ и въ отсутствіе его женили Петра, противъ воли царевны. Такое смѣлое дѣйствіе увеличило партію этого государя. Всѣ молодые люди, которыхъ отцы слѣдовали за царевной, объявили себя за Петра.

„Голицынъ, по возвращеніи увидя, что всѣ его намѣренія уничтожены женитьбою молодаго царя и беременностію его жены, согласился наконецъ избавиться отъ него, по умыселъ не удался, и онъ думалъ только о бѣгствѣ (*la retraite*), что и исполнилъ бы безъ сопротивленія царевны, которая не переставала его угнѣрять, что никто не посмѣетъ покушаться на ея власть. Онъ все-таки хотѣлъ послать своего старшаго сына въ посольствѣ въ Польшу (*en ambassade*) съ меньшимъ сыномъ, внукомъ и всѣми богатствами, потому

¹⁾ Никакихъ слѣдовъ въ нашихъ источникахъ нѣтъ, чтобъ у царевны Софій были дѣти отъ Голицына.

отправиться самому, если заговоръ не будетъ имѣть ожидаемаго успѣха, въ надеждѣ снискать покровительство Польскаго короля обѣщаніемъ набрать войско въ его королевствѣ, соединиться съ казаками и Татарами и всѣмъ вмѣстѣ устремиться сдѣлать силою то, что ускользнуло отъ его хитрости. Но царевна не могла рѣшиться на то, чтобы потерять его изъ вида, и противилась его удаленію до послѣдняго дня. Онъ могъ еще спастись, имѣя всѣ печати въ своихъ рукахъ и бывъ отъ перваго посольскаго города только въ 40 вѣмецкихъ миляхъ. Неистовство и стремительность (*la violence et la précipitation*) царевны Софіи помѣшали ему, и онъ заблагоразсудилъ ожидать съ твердостію послѣдняго удара ея опалы и претерпѣть лучше смерть съ твердостію (*constance*), чѣмъ подвергнуть бѣгствомъ свое семейство всѣмъ оскорбленіямъ, какія могла выдумать злость его враговъ, и увидѣть себя послѣ такого высокаго положенія несчастнымъ бѣглецомъ безъ денегъ и имѣнія на чужой сторонѣ*. Стр. 168.

Драгоцѣпныя извѣстія Невиля объ управленіи князя Василья Васильевича Голицына, проливающія новый свѣтъ не только на его лицо, но и на все время, читатели могутъ найдти въ статьѣ моей объ этомъ великомъ государственномъ дѣятелѣ XVII вѣка, помѣщенной въ *Складчину* ¹⁾.

У Невиля находится еще много любопытныхъ подробностей о князѣ Борисѣ Алексѣевичѣ Голицынѣ, объ отношеніяхъ его къ Петру, къ Нарышкинымъ и къ своему двоюродному брату, князю Василью Васильевичу, о молодомъ Матвѣевѣ и его женѣ, о переводчикѣ, приставленномъ къ нему, Спафаріѣ, о генералѣ Менезіусѣ, съ которымъ встрѣтился онъ въ Смоленскѣ, и вообще о правахъ и обычаяхъ Москвитянъ. хотя въ послѣднихъ извѣстіяхъ у Невиля, какъ и у всѣхъ иностранцевъ, много невѣрнаго, что должно разсматривать критически.

Просѣявъ сквозь рѣшето извѣстія Невилевы объ отношеніяхъ царевны Софіи и Петра между собою, мы получили слѣдующее:

Софія добралась до спальни умирающаго брата и ходила за нимъ до смерти. Она возбудила стрѣльцовъ къ бунту, чтобы избавиться отъ противниковъ и опасныхъ для нея людей. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Хованскій являются ея сообщниками и помощниками. Хованскій обнаруживаетъ свои замыслы и предается казни. Софія думаетъ заодно раздѣлаться и съ братьями, но Голицынъ по-

¹⁾ Какой богатый предметъ для трагедіи!

даетъ совѣтъ поступить тише и скромнѣе: женить Ивана и получить для него сына, подъ именемъ котораго царица можетъ управлять, совокупясь бракомъ съ Голицынымъ. Жена князя должна идти въ монастырь. Петра, имѣя въ рукахъ силу и средства, можно будетъ какъ-нибудь удалить, напримѣръ, постричь; послѣ объявить сына Иванова незаконнорожденнымъ и воцариться самимъ. На бѣду родилась у Ивана дочь, а не сынъ. Голицынъ предоставилъ управленіе худароднымъ, чѣмъ возбудилъ негодованіе знати. Оказалось нужнымъ, по замыслин сь Поляками, предпринять походы въ Крымъ. Ему не хотѣлось, но враги подъ благовидными предлогами сировали. Походы, къ несчастію, не удались. А Петра противная партія женила, и жена забеременела. Петръ началъ оказывать свою волю. Надобно было рѣшиться, и Софія готова была на убійство Петра, порученное Шакловитому. Намыслие не удалось, Софія проиграла, и Петръ воцарился.

Многія извѣстія Невилы, изъ самыхъ важныхъ, какъ мы уже по мѣстамъ замѣчали, подтверждаются другими источниками, даже недавно открытыми въ секретныхъ архивахъ; напримѣръ, о любовной связи Софіи съ Голицынымъ мы не имѣли никакого понятія, но извѣстіе Невилево подтверждается письмами Софіи къ Голицыну, обнаруженными Устриловымъ. Признаюсь, когда я читалъ ихъ у Устрилова, на меня находило сомнѣніе, не выдуманы ли они были клеветами Петра, ему въ угоду; но извѣстіе Невилево не оставляетъ никакого сомнѣнія въ ихъ подлинности. (Выѣстъ съ письмами Софіи я сомнѣвался и въ письмахъ Евдокіи къ Глѣбову, которыя по аналогіи теперь также получаютъ болѣе достовѣрности).

Планъ женить Ивана и управлять подъ его именемъ и именемъ предположенныхъ дѣтей встрѣчается совершенно въ томъ же видѣ у Матвѣева, нѣсколько поскромнѣе, съ опущеніемъ соблазнительныхъ подробностей: „подъ тѣмъ ся чапнѣемъ, чтобы возвыся брата своего, государя царевича Іоанна Алексѣевича на царство, потомъ вскорѣ совокупить бракомъ, и по будущему отъ него мужскаго пола наслѣдію, яко по линіи того первенства, всемѣрно впредь державою своею предъ высокопомянутымъ его царскимъ величествомъ при той все-россійской коронѣ неизменно утвердиться“.

Есть мелкія черты, которыя подтверждаютъ подлинность сказанія, и на которыя изслѣдователь долженъ въ этомъ отношеніи обращать вниманіе; напримѣръ: Невилъ, описывая обѣдъ свой у молодого Матвѣева, говоритъ, что совѣтовалъ ему учиться по французски, ибо онъ еще былъ молодъ, имѣя только 22 года. Таковъ именно былъ тогда

возрастъ Матвѣева: какъ могло бы подложному сочинителю (о которомъ пустословилъ Полевой ¹⁾) вставить такую черту!

Извѣстія вѣрныя, засвидѣтельствованныя, а также и внушаютъ довѣренность и къ прочимъ,—уваженіе къ ихъ источникамъ, кромѣ, разумѣется, пѣкоторыхъ слуховъ, ходившихъ въ растревоженномъ городѣ и посящихъ признаки своего происхожденія изъ среды той или другой враждовавшей стороны.

Невилъ представляется въ своей книжкѣ вообще наблюдателемъ безпристрастнымъ, и отдавая полную справедливость князю Голицыну, главному дѣйствовавшему лицу въ правленіе царевны Софіи, осуждаетъ безусловно властолюбіе сей послѣдней и злые умыслы противъ меньшаго брата своего Петра.

Замѣтимъ удивительныя коверканья русскихъ именъ и словъ:

1. Thekelavitau—Шакловитый.
2. Levanti Romanogrik ne Pleuvan—Леонтій Ромацновичъ Пеплєвъ.
3. Akalnik Talacouron—окольникій Троекуровъ.
4. Dominiak Emilian Vergichau—думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ.
5. Kenas Jacob Sendrevick Dolgoroko—князь Яковъ Оедоровичъ Долгорукий.
6. Borisc Pietrevrick Cheremitau—Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
7. Rojanau—Рязановъ.
8. Esmejan—Зміевъ.
9. Parthemonnerich—Артамоновичъ (Андрей).
10. Estrelles—стрѣльцы.
11. Pretache—приказъ.
12. Obrogensko—Преображенское.
13. Uarus—Яуза.
14. Krim—Кремль.

¹⁾ См. *Русскій Вѣстникъ* 1841 г., № 9, стр. 598.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1875.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

¹⁷⁸
ЧАСТЬ GLXXVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 19—2.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Объ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами. . . . В. В. Григорьева.
- Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности. И. И. Срезневскаго.
- Стрѣлецкіе бунты М. П. Погодина.
- Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ (Окончаніе) В. Г. Васильевскаго.

Критика и библиографія:

- Сборникъ нынѣшнихъ юридическихъ обычаевъ у южныхъ Славянъ (Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena, LXXIV i 714 стр.), составленный В. Бошичемъ Н. А. Попова.

- Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. А. М. Гезена.

ALEXANDRI SECUNDI VICENNALIA.

- О коллекціи восточныхъ рукописей А. С. Фирковича, находящихся въ Чуфутъ-Кале А. Я. Гаргави и Г. М. Стракъ.

- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) гимназій
б) низшія училища.

- Письмо изъ Парижа Л. Л — ра.

Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обертки.)

СТРѢЛЦКІЕ БУНТЫ ¹⁾.

II. ИЗСЛѢДОВАНИЕ.

Первый бунтъ.

Выберемъ, прежде всего, изъ всѣхъ извѣстныхъ источниковъ *несомнѣнныя* положительныя данныя, событія, дѣла (факты), которыя согласно передаются всѣми ими, и разставимъ ихъ фонарями для освѣщенія окружающей тьмы.

1676 года января 22-го, царь Алексѣй Михайловичъ скончался.

Наслѣдовалъ ему старшій больной сынъ *Федоръ*, 14 лѣтъ.

(Ивану было 10 лѣтъ, Петру около 4).

Усланъ бояринъ *Матвѣевъ* воеводою въ Верхотурье, и съ дороги изъ Ланинова въ ссылку въ Пустозерскъ.

Нарышкины отстранены и разсланы по городамъ.

Милославскіе приняли главное участіе въ управленіи.

1680 года іюля 18-го, Федоръ на 17 году, по мысли *И. М. Языкова*, опредѣленнаго къ нему Хитровымъ и Долгорукинымъ, *жилъ вопреки И. М. Милославскому*, на А. С. Грушецкой.

И. М. Милославскій попалъ подъ *опалу*.

1681 года іюля 14-го, чрезъ годъ, скончалась молодая царица и вслѣдъ за нею поворожденный сынъ.

Полюбря 24-го, указъ о мѣрахъ противъ злоупотребленій мѣстничества, при посредствѣ князя В. В. Голицына.

1682 года въ январѣ: сговоръ царя съ М. М. Апраксиной, 14 лѣтъ, *крестницею Матвѣева*, также по мысли Языкова.

Матвѣевъ, вслѣдъ за сговоромъ, *прощенъ*, пожалованъ помѣстьемъ и получилъ указъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій въ г. Лухѣ, Костромской губерніи.

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874 г.

1682 года января 12-го. *Уничтоженіе мстничества* и сожженіе разрядныхъ книгъ, при посредствѣ князя *В. В. Голицына*.

Въ февралѣ, первая *жалоба стрѣльцовъ* полка Пыжева. *Наказаніе жалобщиковъ*.

Февраля 14-го. *Второе бракосочетаніе*.

Апрѣля 16-го. На Пасхѣ *Федоръ* былъ у заутрени.

Апрѣля 23-го. *Просьба стрѣльцовъ* на полковника *Грибоѣдова*. Наказаніе выборнаго просителя.

Апрѣля 24-го. *Грибоѣдовъ* взять подъ стражу и выпущенъ на другой день.

Апрѣля 27-го. *Кончина Федора* и *избраніе Петра*. Вызванъ *Матѣевъ*. Пережалованы *Нарышкины*.

Апрѣля 28-го. Похороны. Присутствіе *царевны Софіи* въ соборѣ и удаленіе *царицы Наталіи Кириловны*.

Апрѣля 29-го. *Просьба стрѣльцовъ съ угрозами*. Удовлетвореніе.

30-го апрѣля—8-го мая. *Истязанія полковниковъ*. Вуйства *стрѣльцовъ*.

Мая 11-го. *Матѣевъ возвратился*.

Мая 15-го. Бунтъ *стрѣльцовъ* подъ предлогомъ *насилія царевичу Ивану*. Убиты *Матѣевъ*, два брата *Нарышкины*, *Долгорукіе*, отецъ съ сыномъ, *Языковъ* и другіе ихъ приверженцы, доктора, изведшіе яко бы *царя Федора*, *Данило фонъ-Гаденъ* и *Иванъ Гутменшъ*.

На другой день, мая 16-го, *Софія* въ *Грановитой палатѣ*. *Хованскій* спрашиваетъ при ней *стрѣльцовъ*, оставитъ ли тамъ *царицу Наталію Кириловну*?

Датскій резидентъ охраняется именемъ *царевны*.

Назначеніе новыхъ *начальниковъ* по всѣмъ приказамъ: князь *Голицынъ* надъ *посольскимъ приказомъ*, князь *Хованскій* надъ *стрѣльцами*.

Мая 25-го. Провозглашается *первымъ царемъ Иванъ*, 16 лѣтъ, а вторымъ остается *Петръ*, 10 лѣтъ.

Мая 29-го. *Софія объявлена правительницею*.

Постараемся вывести изъ этихъ несомнѣнныхъ данныхъ математическія заключенія, и разставимъ ихъ фонарями для освѣщенія окружающей насъ тьмы, при изслѣдованіи о періодѣ русской исторіи отъ кончины *царя Алексѣя Михайловича* до *единодержавія Петра* въ 1689 году.

Матѣевъ, самый близкій и самый сильный человекъ при *Алексѣ Михайловичѣ*, особенно въ послѣднее время, когда царь же-

нился на его воспитанницѣ Н. К. Нарышкиной, былъ сосланъ въ заточеніе вскорѣ по вступленіи на престолъ болѣзненнаго Ѳедора. Ясно, что управленіе приняли въ свои руки его родственники по матери, Милославскіе, съ своими приверженцами, а Нарышкины отстранены, чѣмъ и должна была естественно усилиться до крайности ихъ взаимная ненависть.

Черезъ шесть лѣтъ Ѳедоръ женился, черезъ годъ овдовѣлъ, и вскорѣ вступилъ во второй бракъ; Матвѣевъ прощенъ и награжденъ, Нарышкины возвращены. Ясно, что партія Милославскихъ утратила свою силу, и что Ѳедоромъ овладѣли ихъ противники. При посредствѣ его приближенныхъ, ненависть между Милославскими и Нарышкиными должна была усиливаться еще болѣе: первые должны были изыскивать средства для возвращенія власти, вторые—для ея сохраненія. По смерти Ѳедора, избранъ меньшій братъ Петръ. Значить, партія Нарышкиныхъ успѣла подготовить это избраніе, а партія Милославскихъ была еще не въ силахъ помѣшать ей.

На погребеніи Ѳедора мы видимъ только одну изъ сестеръ его Софію. Спрашивается—почему не было прочихъ царевенъ, сестеръ и тетокъ? Это было не въ обычаѣ, какъ это извѣстно по документамъ. Ясно, что царевна Софія Алексѣевна приняла участіе въ обрядѣ самовольно, съ особою, видно, цѣлію.

„А великій государь и государыня царица у обѣдни и на отпѣваньи не были“. Значить—царица Наталья Кириловна съ ея приверженцами сочла присутствіе царевны Софіи Алексѣевны оскорбительнымъ для себя, нарушеніемъ своихъ правъ, и выразила твердо свое неудовольствіе небывалымъ образомъ: она ушла изъ церкви съ сыномъ, что должно было произвести сильное впечатлѣніе: какъ новоизбранному царю и матери не присутствовать при погребеніи только что скончавшагося брата! Мы получаемъ здѣсь твердое доказательство, что раздоръ существовалъ въ царскомъ семействѣ въ высокой степени, и что царевна Софія имѣла свои виды, выступала уже на поприще дѣйствій не въ примѣръ своимъ сестрамъ и теткамъ.

Въ первый день бунта убиты всѣ главные сторонники Петра, начиная съ Матвѣева, только что возвратившагося изъ ссылки, старшій братъ царицы Наталіи Кириловны Иванъ, главный предметъ поисковъ, и другіе Нарышкины, Языковъ, Долгорукіе, Ромодановскій и прочіе. На другой уже день, среди бунта, пережѣнены всѣ лица, составлявшія правленіе.

Ясно, что былъ кто-нибудь руководителемъ бунта, и некому было

быть, кромѣ Милославскихъ, которые, однакожь, не могли дѣйствовать сами собой, одни, а непременно изъ-за членовъ царскаго дома. Провозглашенъ неспособный, больной Иванъ царемъ, а правительницею — сестра его царевна Софія, чѣмъ и обнаружилось ея участіе, доказанное и присутствіемъ ея на сценѣ дѣйствія при самомъ его началѣ.

Десятилѣтній Петръ остался въ живыхъ: избавиться отъ него, или по крайней мѣрѣ, отстранить его—должно было сдѣлаться задачей новаго правленія.

Вотъ соображенія и математическія заключенія изъ несомнѣнныхъ дѣлъ (фактовъ), которыя могутъ служить съ достовѣрностію для объясненія всѣхъ послѣдующихъ событій, для подтвержденія или отрицанія того или другаго показанія свидѣтелей, для выбора вѣрныхъ извѣстій изъ массы противорѣчій и для окончательной оцѣнки источниковъ: согласные имѣютъ болѣе права на довѣріе; несогласные имѣютъ нужду въ большемъ подтвержденіи, въ сильнѣйшихъ доказательствахъ.

Исследуемъ событія въ подробностяхъ.

Какъ вступилъ Ѳеодоръ на престолъ: по праву старшинства, по назначенію отца, или вслѣдствіе усилій своихъ родственниковъ, съ затрудненіемъ или безъ затрудненія?

Обращаемся къ источникамъ: Подробная лѣтопись... до Полтавской баталіи ¹⁾ и Дворцовые Разряды ²⁾ говорятъ, что отецъ, умирая, благословилъ Ѳеодора. Такъ записано и въ Разрядѣ по свидѣтельству Миллера ³⁾.

Такъ ли это было? Положительно отвѣчать нельзя, и самъ Миллеръ косвенно это проверяетъ ⁴⁾.

Замѣтимъ: всѣ официальные записки, равно какъ и всѣ послѣдующія повѣствованія, основанныя на нихъ, писаны были уже при Ѳеодорѣ, когда господствовала партія Милославскихъ, ему родныхъ: для нихъ выгодно было это утвержденіе, вопреки притязаніямъ другой партіи, Петровой съ Нарышкиными.

(Подъ партіей Нарышкиныхъ мы будемъ разумѣть царицу Ната-

¹⁾ Т. IV, стр. 29.

²⁾ Т. III, стр. 1636.

³⁾ Записки *Туманскаго*, т. V, стр. 144.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 225.

лію Кирилловну съ Матвѣевымъ и ея родными, а подъ партией Милославскихъ—царевну Софію съ ея сестрами и приверженцами).

Миллеръ думаетъ, что никакого особеннаго назначенія со стороны умиравшаго царя не было, такъ какъ копчина послѣдовала неожиданно,—и мы соглашаемся съ нимъ вполне.

Но почему же возникаетъ вопросъ о наслѣдствѣ Ѳедора? Онъ былъ старшій сынъ, и ему принадлежалъ престолъ безъ всякаго сомнѣнія.

Да, онъ былъ старшій, но больной и неспособный по общему мнѣнію, также какъ и слѣдовавшій за нимъ братъ Иванъ, а меньшой Петръ, которому не было, впрочемъ, еще четырехъ лѣтъ, отличался здоровьемъ и обнаруживалъ способности.

Вопросъ о болѣзненномъ состояніи Ѳедора и Ивана очень важенъ во всѣхъ отношеніяхъ. На ихъ болѣзняхъ объ партіи основывали всѣ свои разсужденія и дѣйствія. Онъ долженъ быть изслѣдованъ самымъ тщательнымъ образомъ, чего до сихъ поръ не было сдѣлано. Соберемъ всѣ показанія.

Вотъ свидѣтельства о болѣзни Ѳедора:

Записка Матвѣева: „по седмилѣтнемъ *многоболѣзненномъ* государствованіи, учинилася... отъ бывшей при дѣтскихъ его лѣтахъ болѣзни скорбунной или цынготной...“¹⁾ Біографъ Матвѣева: отъ своей тогда *бывшей естественной* скорби (болѣзни) скорбунной, то-есть, цынготной...²⁾.

Польскій резидентъ разказываетъ, что по смерти царя Алексѣя Михайловича, Ѳедора принесли на рукахъ, чтобы посадить на престолъ, потому что у него ноги опухли³⁾.

Второе его вѣщаніе происходило по болѣзни не въ соборѣ, а въ придворной церкви⁴⁾.

Крекшинъ говоритъ: по бракѣ въ великомъ государѣ скорбь въ тѣлеси часть отъ часу умножашеся, и крѣпость тѣлеси его ослабеваше⁵⁾.

Самъ Петръ свидѣтельствуетъ объ его болѣзни въ „Объявленіи сыну моему“ (царевичу Алексѣю Петровичу): „Спроси всѣхъ, кото-

¹⁾ Матвѣевъ у *Туманскаго*, т. VI, стр. 2.

²⁾ Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева, стр. 372.

³⁾ *Аристовъ*, стр. 9. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XIII, стр. 225.

⁴⁾ Разрядная записка, приложенная къ Исторіи Россіи г. *Соловьева*, XIV, стр. 395: А вѣщателься наволилъ великій государь въ соборѣ у Живоноснаго Воскресенія Христова.

⁵⁾ *Туманскій*, т. I, стр. 260.

рше помнить... брата моего... который тебя несравненно *бользненнее* былъ" и проч. ¹⁾.

Невилъ говоритъ, что сестра Софія добралась, вопреки обычаю, до постели больного, и ходила за нимъ неутомимо, и что онъ умеръ отъ падучей болѣзни ²⁾.

Наконецъ, въ бумагахъ аптекарскаго приказа есть свидѣтельство самое вѣрное о болѣзни Ѳедоровой: „А смотря докторъ Яганъ Котеріусъ (14 февраля 1676 г.) сказалъ, что его государская болѣзнь не отъ вишняго случая, и ни отъ какой порчи, но отъ ево царскаго величества природы, а именно та болѣзнь цынга, а та-де цынга была отца его государева.—... а ножки-де его государскія надо мазать мазью....“ Докторъ Степанъ сказалъ тѣ же рѣчи... въ составѣхъ его государскихъ и жилахъ есть безсиліе, и то отъ того, что цыпжная кровь съ соляною мокротою, отъ той соли летитъ въ составы и сушитъ жилы, и та соль чинитъ воскишеніе крове и до зубовъ восходитъ ³⁾.

Объ Иванѣ свидѣтельствуесть Матвѣевъ, что онъ былъ отъ младенчества одержимъ болѣзнію „очей и языка и прочими многими скорбми“ (то-есть, болѣзнями) ⁴⁾.

Софія въ 1686 году выписывала изъ Польши какого-то знахаря Митьку Силина лечить больные глаза царя Ивана Алексѣевича ⁵⁾.

Невилъ говоритъ, что онъ страдалъ надучею болѣзнію, и всякій мѣсяцъ имѣлъ всѣ ея припадки, (bien qu'il fut déjà attaqué du mal caduque et dans chaque lune il en a tous les accidents. Son frère Theodore en est mort ⁶⁾). Un prince infirme, aveugle et perclus de la moitié de son corps ⁷⁾). Le Czar Jean, tout paralitique qu'il est...—; il est affreux à voir et si laid, qu'il fait de la peine à ceux, qui le regardent, bien qu'il n'eut encore que 28 ans ⁸⁾.

Датскій резидентъ говоритъ объ немъ: Meist blindt von Gesichte und auch schwer von Sprache, слѣпой и заика ⁹⁾.

¹⁾ Моск. Вѣст. 1829 г., ч. V, стр. 13.

²⁾ Стр. 38. *Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія*. Сентябрь, стр. 196.

³⁾ *Замысловскій*, царствованіе Ѳедора Алексѣевича, 1871 г., въ приложеніяхъ, стр. II—III.

⁴⁾ *Туманскій*, т. VI, стр. 11.

⁵⁾ *Устряловъ*, т. II, стр. 11.

⁶⁾ *Невилъ*, Relation curieuse de Moskowic, стр. 38.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 41.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 199. Еще на стр. 47.

⁹⁾ *Устряловъ*, т. I, стр. 331.

Желябужскій полагаетъ, что Іоаннъ сперва и на царство не выбранъ для того, что очами былъ зѣло недуженъ ¹⁾.

Корбъ: Этотъ князь былъ весьма кроткаго свойства, но слабый зрѣніемъ, имѣлъ много другихъ, весьма значительныхъ физическихъ недостатковъ, былъ мало способенъ къ трудамъ и занятіямъ государственнымъ ²⁾.

Фокеродъ, секретарь прусскаго посольства, говоритъ объ немъ, какъ о челобѣтѣ: von so blödem Verstand, als Gesicht, слабоумномъ и невзрачномъ ³⁾.

Примѣчательно, что и старшіе сыновья царя Алексѣя Михайловича отъ М. И. Милославской, были также болязненные, и умерли— Алексѣй 16-ти, а Симеонъ 4 лѣтъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ въ послѣдніе четыре года своей жизни, во второмъ бракѣ, былъ, разумѣется, преданъ совершенно молодой женѣ своей, и вѣроятно, думалъ, желалъ, надѣялся, вмѣстѣ съ нею, ея родными и Матвѣевымъ, что наслѣдникомъ его, по естественному ходу вещей, будетъ младшій сынъ Петръ, который переживетъ большихъ братьевъ. Но кончина царя Алексѣя Михайловича послѣдовала такъ неожиданно, что онъ не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій, то-есть, не назначилъ ни Федора, ни Петра, какъ думалъ и Миллеръ ⁴⁾.

Еслибы царь Алексѣй Михайловичъ назначалъ Петра, то вѣрно объ этомъ назначеніи было бы указано въ послѣднее время, когда партія Петрова, и самъ Петръ, возымѣли силу; но нигдѣ никакихъ слѣдовъ о такомъ назначеніи нѣтъ. Въ кратковременную болязнь царя, особенно при ея усиленіи, находились у него, безъ сомнѣнія, его сестры и дочери, при которыхъ неудобно было заводить рѣчь о завѣщаніи или наслѣдствѣ ни его двадцатилѣтней женѣ, ни Матвѣеву, ни даже патріарху.

Сестрамъ и царевнамъ, напротивъ, не только выгодно, но и необходимо было, вмѣстѣ съ Милославскими, по кончинѣ отца, объявить Федора наслѣдникомъ, тѣмъ болѣе, что Федоръ, какъ старшій, имѣлъ

¹⁾ Записки Желябужскаго; стр. 4.

²⁾ Итен. Общ. ист. и древн. Росс. 1867, кн. III, стр. 233.

³⁾ Германъ, Russland unter Peter dem Grossen. Лейпцигъ, 1872 стр. 24.

⁴⁾ Миллеръ у Туманскаго, т. V, стр. 44.

СТРѢЛЦКІЕ ВУНТЫ.

право и былъ по обычаю объявленъ уже торжественно совершеннолѣтнимъ, еще при жизни отца, въ 1674 году.

Дѣло не могло обойтись безъ совѣщанія между царевнами, ихъ родственниками, Милославскими и приверженцами. Бояринъ Хитровъ, бывшій дядькою при Ѳедорѣ, держалъ ихъ сторону. Можетъ быть, всѣ дѣти были подведены подъ благословеніе умиравшаго отца, начиная, разумѣется, со старшаго сына. Никто спорить съ ними не могъ, не имѣя никакихъ основательныхъ возраженій, или не смѣя произнести ихъ. Еслибы даже отецъ упоминалъ о Петрѣ, то и такія слова могли быть заматы. Царицы Паталя Кириловны въ самую минуту кончины при умиравшемъ не было ¹⁾.

Заключаемъ: Алексѣй не назначалъ, вѣроятно, никого на царство, но Матвѣевъ, Нарышкины, не предпринимали-ль чего въ пользу Петра при его кончинѣ, помимо Ѳедора и Ивана?

Матвѣевъ и Нарышкины сначала не ожидали, и потому не могли принять никакихъ положительныхъ мѣръ, а послѣ не могли помѣшать объявленію Ѳедора наслѣдникомъ по причинамъ, выше объясненнымъ. Но безъ всякаго сомнѣнія, это объявленіе, это событіе имъ было противно, и они вѣрно не только думали и желали, но и обнаруживали свои мысли, можетъ быть, что-нибудь даже дѣлали, напримеръ, подговаривали кого-нибудь изъ близкихъ къ себѣ бояръ, рассуждали явно о положеніи дѣлъ, выражали опасенія о болѣзненномъ состояніи Ѳедора, и вообще поступали неосторожно, заявляя себя противъ старшихъ братьевъ въ пользу меньшаго, Петра ²⁾. Польскій резидентъ приписываетъ Матвѣеву болѣе явныя дѣйствія.

Это и дало поводъ къ слухамъ, переданнымъ иностранцами ³⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ дало причину, предлогъ, партіи Милославскихъ къ осужденію и наказанію Матвѣева и Нарышкиныхъ, которые сдѣлались ненавистны для нихъ еще со втораго брака Алексѣева.

Новые наши писатели говорятъ, что никакихъ замысловъ со стороны Матвѣева не было, потому-де, что и въ обвиненіи не приво-

¹⁾ Такъ свидѣтельствуетъ Миллеръ въ своихъ замѣчаніяхъ, напечатанныхъ у *Туманскаю*, т. V, стр. 146. Не знаю, впрочемъ, на чемъ основывается это показаніе.

²⁾ См. у *Аристовъ*, стр. 9.

³⁾ *Таннеръ*, *Залуцскій*, *Theatrum Europaeum*, у *Берга*, въ Царствованіи царя Ѳедора Алексѣевича, ч. I, стр. 12.

дятся ихъ въ числѣ его преступленій, а говорится только о колдовствѣ; но еще Бергъ, при всей ограниченности критическаго своего образованія, замѣтилъ ¹⁾, что это отнюдь ничего не доказываетъ: основательнѣе будетъ, говорить онъ, „допустить то, что слѣдователи искали извѣстныхъ имъ актовъ (записи въ пользу Петра), и не желая объявить прямого ихъ значенія, прикрывали намѣреніе свое отравой и кабалистикой“. Да, торжествующая партія сочла неприличнымъ или вреднымъ для себя наводить мысль о возможности быть Петру на престолѣ, и накликать такого рода дѣйствія. Такъ точно послѣ въ осужденіяхъ князя В. В. Голицына и Л. В. Неллюева другою партіей не выставлены были настоящія ихъ вины, то-есть, сообщничество съ царевною Софіей ²⁾).

Вотъ почему новое правительство заблагоразсудило употребить лучше нелѣпость для обвиненія, чѣмъ настоящую правду или подозрѣніе.

Еслибы, наоборотъ, было сочтено полезнымъ обвинить Матвѣева въ преступныхъ покушеніяхъ, то оно не остановилось бы выдумать ихъ, какъ это часто въ подобныхъ обстоятельствахъ случалось и случается вездѣ. Главное—Матвѣевъ, по мнѣнію партіи, захватившей власть, былъ сосланъ, какъ человекъ всѣхъ болѣе для нея опасный. Сочинить приговоръ, подобрать вины—дѣло дьяковъ. Матвѣевъ былъ сосланъ подъ нелѣпнымъ предлогомъ, а Нарышкины наказаны были безъ всякихъ околичностей, сочтенныхъ не нужными. Однимъ словомъ, еслибы даже всѣ они, Нарышкины, Матвѣевъ и проч., соблюдали величайшую осторожность, извѣстны-ль были ихъ покушенія или нѣтъ, то имъ все-таки не миновать бы гоненія отъ Милославскихъ. Довольно было естественной ревности и мстительности со стороны Милославскихъ за претерпѣнное униженіе, довольно было желанія обезпечить себя на будущее время, чтобъ объяснить образъ ихъ дѣйствія.

Замѣтимъ, что въ то же время стѣсненъ былъ въ заточеніи патріархъ Никонъ, и сосланъ духовникъ царя Алексѣя Михайловича Савиновъ, вѣроятно — въ угоду патріарха Іоакима, котораго Милославскимъ нужно было имѣть для всякаго случая на своей сторонѣ. А можетъ быть, эти лица и показывали расположеніе къ Петру и тѣмъ заслужили негодованіе Милославскихъ.

¹⁾ Бергъ, стр. 13.

²⁾ Устряловъ, т. II, стр. 82.

Если всѣ родственники царицы Натальи Кириловны подверглись опалѣ, то разумѣется, и ей самой съ сыномъ жить въ совершенномъ одиночествѣ стало не совсѣмъ пріятно. Сынъ Матвѣева и его биографъ свидѣтельствуютъ, какія грубости должна была переносить вдовствующая царица отъ Хитрова и его родственницы, боярши Хитровой, преданной царевнамъ и Милославскимъ ¹⁾).

Всѣ эти мѣры и дѣйствія никакъ не могутъ быть приписаны 14-ти-лѣтнему Ѳедору, который былъ здѣсь не при чемъ. Хитровъ, другъ Милославскихъ, князь Ю. А. Долгорукій, и бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, немедленно вызванный изъ Казаши, были ближайшими лицами къ царю.

Послѣдній получилъ въ свое завѣдываніе всѣ почти приказы и сдѣлался настоящимъ правителемъ государства, вмѣсто сосланнаго Матвѣева ²⁾).

Вражда между партіями, Милославскими и Нарышкиными, начавшаяся особенно со временъ втораго брака царя Алексѣя Михайловича, усилилась. Если сначала первые должны были, съ потаенною злобою въ сердцѣ, уступить вторымъ, то теперь вторые были низвержены совершенно, и разумѣется, возненавидѣли своихъ противниковъ по соразмѣрности.

Такъ протекли четыре года, но не безъ внутреннихъ колочратностей: временщики перессорились между собою — Хитровъ и Долгорукій позавидовали Ивану Михайловичу Милославскому, и чтобъ ослабить его вліяніе, приставили къ Ѳедору въ его покои довѣренныхъ

¹⁾ Записки Матвѣева, т. I, стр. 135; Исторія о невинномъ заточеніи и проч., стр. 387.

²⁾ О службѣ Ивана Михайловича Милославскаго, главнаго вскорѣ дѣйствующаго лица, предлагаемъ выписку изъ Опыттовъ изученія русскихъ древностей и исторіи г. *Забѣлска*, т. I, стр. 412: «При Морозовѣ онъ былъ стольникомъ и пожалованъ въ окольничіе въ 1660 году, слѣдственно, только за годъ до смерти Морозова. Въ 1668 году, то-есть, шесть лѣтъ спустя послѣ смерти Морозова, и въ годъ смерти Илья Милославскаго, онъ сталъ управлять только аптекарскимъ приказомъ. Въ 1678 году, чрезъ три года по вступленіи на престолъ Ѳедора, онъ пожалованъ въ бояре, и съ этого года управлялъ приказами большой казны, большого прихода, Володимерской, Галицкой, Новгородской и Новой четвертой, иновемскимъ и рейтарскимъ, до смерти своей въ 1685 году.

къ себѣ людей: Языкова и Лихачевыхъ, которые вскорѣ и произвели оборотъ въ дѣлахъ ¹⁾).

Между тѣмъ какъ Милославскій работалъ въ приказахъ, эти господа потѣшали больного юношу въ его покояхъ, овладѣли имъ, и пожелавъ укрѣпить свою власть, вздумали женить Ѳедора, достигнувшаго 18-ти-лѣтняго возраста, на своей свойственницѣ, Грушецкой. Онъ увидѣлъ ее въ какомъ-то крестномъ ходу. Безъ сомнѣнія, эта встрѣча была подготовлена, ибо иначе мудрено было бы замѣтить дѣвушку въ народной толпѣ, а прежде было, разумѣется, наговорено объ ея прелестяхъ и распалено воображеніе.

Почему Милославскіе не предупредили ихъ, то-есть, почему не нашли невѣсты царю между своими приверженцами? Мудрено предполагать, чтобъ они считали Ѳедора неспособнымъ къ брачной жизни, ибо еще болѣзненнымъ былъ, кажется, Иванъ, который получилъ въ свое время не только жену, но и дѣтей. Во всякомъ случаѣ, они сплеховали, оправдывая пословицу, которая во все это время оправдывалась часто обѣими партіями: Русакъ задомъ уменъ! Милославскій, глава партіи, увидѣлъ, однакожь, бѣду и старался ей противодѣйствовать охаліемъ избранной невѣсты, но испортилъ свое дѣло еще хуже: противники умѣли уничтожить всѣ его показанія, и онъ самъ подвергся бы опалѣ, еслибы невѣста, разумѣется, по совѣту своихъ покровителей не умилостивила своего жениха; по крайней мѣрѣ, И. М. Милославскій потерялъ свое значеніе, разумѣется, не безъ озлобленія!

Наступило время Языкова и Лихачевыхъ, получившихъ себѣ новую поддержку въ царской супругѣ. Языковъ возведенъ въ санъ оруженачаго, Лихачевы повышены въ своихъ чинахъ. Но увы, время ихъ продолжалось только годъ: царица скончалась вслѣдствіе несчастныхъ родовъ, и за нею — новорожденный сынъ, Илья, такъ названный въ честь покойнаго дѣдушки.

Неожиданная кончина молодой царицы произвела новыя отношенія. Приниженные Милославскіе вмѣстѣ съ царевнами подняли голову, увидя возможность возвратить себѣ силу и величіе, если не при Ѳедорѣ, котораго здоровье день ото дня слабѣло по всѣмъ свидѣтель-

¹⁾ Біографъ Матвѣева, стр. 407, 408. *Татищевъ*, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику. Изд. 2-е, 1786, стр. 67. *Замысловскій*, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, 1871, стр. 15. *Исторія Россіи Соловьева*, т. XIII, стр. 239.

ствамъ, то по крайней мѣрѣ при Иванѣ, который по старшинству долженъ ему наследовать.

Могли-ль они не думать о такомъ исходѣ? Разумѣется, нѣтъ: они должны были приготовливаться на всякій случай заблаговременно, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, какъ при Ѳедоровой свадьбѣ.

Дѣйствовала, безъ сомнѣнія, партія Милославскихъ, но не зѣвала и другая: оружіе точилось въ обѣихъ кузницахъ, а больше всѣхъ были озабочены Языковъ и Лихачевы, имѣвшіе тогда власть въ своихъ рукахъ. Имъ приходилось быть, или не быть: первою женитьбою Ѳедора поставивъ противъ себя не только Милославскихъ, но и Хитрова съ Долгорукимъ, они должны были бы пострадать прежде всѣхъ, еслибы взошелъ на престолъ Ивапъ.

Чѣмъ же они могли спастись?

Ничѣмъ инымъ, какъ привлекиши къ себѣ партію Нарышкинскую съ Петромъ. Больнаго и разслабленнаго Ѳедора они уговорили жениться во второй разъ, вопреки совѣту врачей, какъ свидѣлствуютъ иностранные писатели ¹⁾, и подвели ему крестницу Матвѣва, Прасковью Матвѣву Апраксину, дѣвушку 14-ти лѣтъ. На первыхъ порахъ ужъ она и выпросила возвращеніе изъ ссылки и награжденіе Матвѣва.

Ясное доказательство, что Языковъ съ своими единомышленниками склонились на сторону Нарышкиныхъ и соединили свою судьбу съ ними и съ Петромъ, которому сочувствовали многіе знатные роды, оскорбленные уничтоженіемъ мѣстничества. Милославскіе съ царевнами должны были испугаться, положеніе ихъ становилось хуже, опаснѣе день ото дня. Одно чувство самосохраненія побуждало ихъ заботиться о своей участи. Если Милославскіе сослали Матвѣва, стѣснили Нарышкиныхъ, оскорбляли царицу Паталю Кирилловну при вступленіи на престолъ Ѳедора, то теперь, при возвращеніи Матвѣва, а съ нимъ вмѣстѣ и Нарышкиныхъ, той же участи должны были ожидать и они.

Непремѣнно были у нихъ и совѣщанія, въ коихъ главное мѣсто принадлежало царевнамъ, какъ роднымъ сестрамъ, имѣвшимъ право и возможность возвысить свой голосъ во всякомъ случаѣ, и не желавшимъ, разумѣется, подчиниться вновь ненавистой мачихѣ. Милославскіе могли дѣйствовать тогда только изъ-за нихъ.

Гдѣ, какъ происходили эти совѣщанія или бесѣды—въ церквахъ, на выходахъ, при поздравленіяхъ, письмами, чрезъ повѣренныхъ

¹⁾ У *Берга*, т. I, стр. 91.

лицъ, мужчинъ и женщинъ, — опредѣлить трудно. Можно сказать только, что какая изъ царевнъ была умнѣе, бойчѣе, дѣятельнѣе, та, разумѣется, и должна была играть главную роль.

И мы находимъ ясное подтвержденіе у Невилля и у польскаго референта ¹⁾).

Федоръ между тѣмъ слабѣлъ, болѣе и болѣе.

По бракѣ въ великомъ государѣ скорбь въ тѣлеси часть отъ часу умножалася, и крѣпости тѣлеси его ослабѣвали ²⁾).

Царевна Софія, подъ видомъ попеченій о больномъ, пришла въ его покои: „Она оставалась у братнаго одра; всѣ заботы о немъ приняла на себя; безъ нея вѣдома никто къ нему не приближался, она подавала ему лекарства и утѣшала его, и проч ³⁾).

Здѣсь она и могла познакомиться лично съ царедворцами.

Федоръ скончался чрезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ брака, 27-го апрѣля 1682 года.

4-го апрѣля онъ ходилъ еще къ заутрени, въ Успенскій соборъ.

„По смерти Федора“, разказываетъ польскій референтъ, — „Софія противъ обычая страны, по которому должна оставаться въ теремѣ, участвовала при погребеніи царя. Петръ съ матерью удалился изъ церкви прежде окончанія обряда и этимъ возбудилъ неудовольствіе народа и духовенства. Царевна Софія и ея сестры жаловались на Петра и его родственниковъ за неуваженіе къ своему брату. Мать Петра отвѣчала, что Петръ еще мальчикъ, что онъ не могъ вынести столь продолжительный обрядъ, утомился и поэтому долженъ былъ выйти изъ церкви. Между тѣмъ Софія, идя домой съ погребенія, сильно жаловалась народу на оскорбленіе, сдѣланное царемъ Петромъ и Артамономъ; она говорила къ народу: „Ужели вы не видите, что нашъ братъ царь отравленъ злыми людьми? Сжальтесь надъ нами, у насъ похитили родителей и братьевъ. Вы видите, какъ обошли другаго брата нашего Іоанна и не выбрали его въ цари. Если мы вредны для васъ и для бояръ, то пошлите насъ въ страны иныхъ государей, въ страны христіанскія“ ⁴⁾).

¹⁾ *Аристовъ*, стр. 9.

²⁾ *Крешинъ у Туманскаго*, I, 260.

³⁾ *Невилль*, стр. 153.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 9.

Въ тотъ же день избирается на престолъ изъ двухъ предложенныхъ патриархомъ братьевъ—меньшій, Петръ. Языковъ, Лихачевы и приверженцы Петровы, имѣя власть со всѣми ея средствами въ своихъ рукахъ, умѣли, видно, привлечь на свою сторону патриарха и устроить дѣло.

Бояре присягнули. Стрѣльцы, призванные въ Кремль, также присягнули и разошлись по домамъ спокойно. Матвѣеву возвращено боярство, и посланъ знатный чиновникъ приглашать его немедленно въ Москву. Нарышкины вызваны изъ своихъ заточеній.

Что—жь, восторжествовали они окончательно? Нѣтъ, не восторжествовали.

Партія Милославскихъ не сознавала въ себѣ достаточной силы, чтобы воспрепятствовать избранію, но уступать не думала. Подземная работа продолжалась непрестанно, и свѣдѣнія о ней выходили наружу, не смотря на осторожность, и возбуждали подозрѣнія. Это доказывается тѣмъ, что многія лица изъ Петровой партіи — Голицыны, Долгорукіе и прочіе, явились для избранія на всякій случай въ военныхъ доспѣхахъ подъ кафтанами ¹⁾. Значить—они опасались, что приготовленное ими избраніе не обойдется безъ сопротивленія. И дѣйствительно, на площади слышалось имя старшаго царевича Ивана, которому—де принадлежитъ престолъ по праву; стрѣльцы Карандѣева полка отказались присягать Петру ²⁾, но были уговорены присланными боярами, какъ видно еще недостаточно подготовленными.

На второй день по кончинѣ Ѳедора, оказались новые признаки замысла. Царевна Софія Алексѣевна вопреки обычаю, является при погребеніи брата; царица Наталія Кириловна съ вновь избраннымъ царемъ Петромъ удаляется изъ собора.

Что присутствіе царевны Софіи на выносѣ и погребеніи было явленіемъ необыкновеннымъ, не по чину, доказывается отсутствіемъ всѣхъ прочихъ царевенъ, не только сестеръ, но и тетокъ, которыя не имѣли права присутствовать: это важное дѣло (фактъ) засвидѣтельствовано официальной запискою ³⁾. Царевна Софія явилась одна въ соборъ, слѣдовательно, имѣла какую-то цѣль, и была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Царица Наталія ушла изъ собора, слѣдовательно, находилась въ распрѣ съ нею.

¹⁾ *Маттеусъ, у Туманскаго, т. VI, стр. 9.*

²⁾ Книга записная, въ приложеніяхъ къ Исторіи Россіи, стр. 401.

³⁾ Тамъ же, стр. 302. См. также выше.

За симъ выступаютъ на сцену стрѣльцы. Спрашивается—въ какой степени Милославскіе принимали участіе въ ихъ наступающихъ дѣйствіяхъ?

Смятенія стрѣльцкія начались еще при Ѳедорѣ, по просьбѣ полка Инжева ¹⁾, которую должно полагать (?) въ январѣ 1681 года (въ зимнее время) около втораго Ѳедорова сговора. Эта просьба осталась, по распоряженію боярина Лыкова, безъ удовлетворенія, и главные просители были наказаны, что и послѣло первыя сѣмена неудовольствія между стрѣльцами.

Притѣсненія полковниковъ между тѣмъ продолжались, и 23-го апрѣля, слѣдовательно, за четыре дня до кончины Ѳедоровой, стрѣльцы полка Грибоѣдова подали новую просьбу. Можетъ быть, они не знали о болѣзни, скрываемой наверху, можетъ быть, хотѣли воспользоваться придворнымъ смущеніемъ. Вѣроятноже, что они не знали. Еслибы знали о болѣзни, то не рѣшились бы беспокоить умиравшаго, да это было бы и безъ цѣли, ибо нельзя было-бъ ожидать суда, который при повои правительствѣ могъ быть поведенъ иначе, смотря по тому, чья сторона возьметъ верхъ.

Просьба осталась также безъ достаточнаго удовлетворенія. Просителя велѣно было высѣчь кнутомъ передъ разрядомъ, но онъ былъ освобожденъ своими товарищами. Полковникъ Грибоѣдовъ былъ посаженъ на одинъ день въ тюрьму и потомъ выпущенъ, что раздражило болѣе стрѣльцовъ, и они начали волноваться по всѣмъ полкамъ, буянили, раздѣливались по своему съ пятидесятниками и сотскими, которые унимали ихъ, и хотѣли возстановить порядокъ.

Просьба стрѣльцовъ на Грибоѣдова за три дня предъ кончиною Ѳедора (чуть ли не въ Свѣтлое Воскресенье) не составляла ли уже часть заговора Милославскихъ, не приготовляла ли поводовъ къ замѣшательствамъ?

Едва ли, потому что стрѣльцы, не получивъ удовлетворенія, не предприняли ничего рѣшительнаго, присягнули Петру по его избранію и разошлись спокойно, по свидѣтельству датскаго резидента ²⁾. Значитъ плана у нихъ еще не было.

Если Софія и Милославскіе не участвовали до сихъ поръ въ ихъ дѣйствіяхъ, если стрѣльцы до сихъ поръ находились внѣ круга ихъ дѣятельности, то извѣстіе о теперешнемъ положеніи и настроеніи стрѣль-

¹⁾ *Матвѣевъ, у Туманскаго, тамъ же, т. VI, стр. 54.*

²⁾ *См. выше и Журн. Мин. Нар. Просв., декабрь 1873 г., стр. 225.*

цовъ должно было прійти къ нимъ дѣйствительно „масличною радостною вѣстію“, какъ выразился о томъ и молодой Матвѣевъ въ своемъ разказѣ ¹⁾).

Партія Милославскихъ увидѣла возможность воспользоваться этими смятеніями для своихъ цѣлей и нашла въ нихъ средства, которыхъ ей при извѣстномъ образѣ мыслей большинства между боярами недоставало, чтобъ отстранить Петра, избрать Ивана и предоставить правленіе Софіи.

Кажется, прежде всѣхъ усмотрѣлъ эту новую силу и понялъ, что можно сдѣлать съ ея помощію, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій. Онъ начерталъ планъ дѣйствій и сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, если судить по той страшной и безпримѣрной казни, которому спустя 12 лѣтъ послѣ его кончины, придумалъ для него Петръ, узнавшій, вѣроятно, изъ розыска надъ Цыклеромъ и Соковнинимъ, по открытіи ихъ покушенія въ 1697 году, что корень зла лежалъ подъ его черепомъ. Петръ велѣлъ вырыть трупъ его изъ могилы, привести на свиньяхъ въ Преображенское и положить подъ плахами—чтобы кровь казненныхъ стрѣльцовъ капала на него.

Такъ свидѣтельствуетъ и сынъ Матвѣева, который имѣлъ средства узнать дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Онъ называетъ Ивана Михайловича Милославскаго „въ 1690 году всего бунта воровскаго сочинителемъ“ ²⁾).

Память о немъ сохранялась долго между приверженцами Петра. Ромодановскій писалъ къ нему, извѣщая 17-го іюня, 1698 года о стрѣлецкомъ возмущеніи: сѣмя Ивана Михайловича ростеть ³⁾).

Милославскій, по народному прозвищу подорванный, прибралъ себѣ помощниковъ: родственника своего Александра Ивановича Милославскаго, двухъ племянниковъ, Ивана и Петра Андреевичей Толстыхъ, изъ стрѣлецкихъ начальниковъ Ивана Елисѣева Цыклера, кормоваго иновемца, и Ивана Григорьева Озерова, изъ низшаго Новгородскаго дворянства. Изъ стрѣльцовъ довѣренными сообщниками называются: Борисъ Одинцевъ, Обросимъ Петровъ, Козьма Черный. Посредницею, переносившею вѣсти изъ одного мѣста въ другое,

¹⁾ Варианты у *Туманскаго*, т. VI, стр. 17; у *Сахарова* въ *Запискахъ Рус. людей*, стр. 11.

²⁾ У *Туманскаго*, т. I, стр. 227, т. VI, стр. 31, 49.

³⁾ *Устряловъ*, т. III, стр. 448.

была избрана украинская казачка, Ѳедора Семенова, постельница царевны Софіи Алексѣевны.

Самъ Милославскій притворился больнымъ, не выѣзжалъ со двора, и осыпанный горячими отрубями и кирпичами, никого не принималъ къ себѣ, кромѣ сообщниковъ, которые приходили къ нему тайно, доносили, что происходитъ въ слободахъ, и получали отъ него приказанія и распоряженія, наставленія, что дѣлать и какъ поступать. Милославскій имѣлъ сношенія, безъ сомнѣнія, только съ немногими избранными стрѣльцами, которые дѣйствовали въ полкахъ отъ своего имени. Что большинство не имѣло понятія объ его продѣлкахъ и не знало его, видно и изъ того, что послѣ, въ угоду Хованскихъ, стрѣльцы готовы были убить его. Заговоръ велся въ глубочайшей тайнѣ, по строго опредѣленному плану. Это видно изъ того, что Матвѣевъ, прѣхавъ въ Москву, не посмѣшилъ принять нужныхъ мѣръ, — что въ минуту нападенія стрѣльцовъ на Кремль, бояре спокойно засѣдали въ Думѣ, и что датскій резидентъ, зорко слѣдившій за ходомъ дѣлъ и донесшій своему двору тотчасъ по событіи, ничего не зналъ объ немъ прежде. Къ этому, съ великимъ искусствомъ начертанному, плану отнормировались, вѣроятно, и присутствіе Софіи на погребеніи, отказъ полка Карандѣева, возгласъ Сунбулова объ Иванѣ, при избраніи Петра, новыя просьбы и угрозы стрѣльцовъ.

29-го апрѣля, то-есть, на другой день послѣ царскаго погребенія, стрѣльцы подають челобитныя на своихъ полковниковъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ и требуютъ ихъ выдачи, грозя раздѣлаться и съ другими измѣнниками. Испуганное правительство (Языковъ и Лихачевы, Нарышкины?) исполняютъ всѣ ихъ требованія. Полковники смѣнены, и жестоко наказаны вѣнцомъ и батогами, на площади, передъ стрѣльцами, которые опредѣляли и мѣру наказанія восклицаніями: любо, довольно, еще!..

4-го мая стрѣльцы подали другую жалобу, и по этой жалобѣ всѣ взысканія сдѣланы за недоплаченное жалованье, за даровую работу, за несправедливые вычеты; сверхъ того, положена значительная пеня съ каждаго полковника въ пользу стрѣльцовъ. Полковники впередъ до расплаты поставлены на правезъ и были биты до тѣхъ поръ, пока требуемая съ нихъ суммы не были сполна внесены.

Чего же болѣе стрѣльцамъ? Никогда не получали они подобнаго полнаго удовлетворенія, а они продолжали мястися.

Ясно, что новыя смятенія не имѣли причинъ въ ихъ собственныхъ дѣлахъ, а происходили отъ внушеній постороннихъ; эти внушенія на-

чались вѣроятно тотчасъ послѣ Грибоѣдовской исторіи, чему признакомъ служить отказъ присягать въ полку Карандѣева, но внушенія не были еще тогда достаточно распространены, и Карандѣевцы, уговоренные, присягнули. Это ясно и по лицамъ, противъ которыхъ стрѣльцы были возбуждены. Нарышкины—вотъ кто были главными или даже единственными предметами ихъ раздраженія, вотъ кто не сходилъ у нихъ съ языка!

Но чѣмъ провинились Нарышкины передъ стрѣльцами? За что стрѣльцамъ было негодовать на нихъ? Нарышкины никакого участія въ правленіи не принимали, да и правители-боаре, кто бы ни были, никакихъ постановленій еще не дѣлали, а исполнили только требованія стрѣльцовъ. Ясно, что дѣйствовала и возбуждала стрѣльцовъ особая партія, имѣвшая свои цѣли, партія враждебная Нарышкинымъ, и слѣдовательно, къ вдовствующей царицѣ Наталіи Кириловнѣ съ ея сыномъ, нареченнымъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

Изъ кого же могла состоять эта партія? Кто были врагами Нарышкиныхъ, царицы Наталіи Кириловны и ея сына?

Милославскіе съ Софіей.

Для нихъ Нарышкины были вредны, опасны, ненавистны, для Милославскихъ, а не для стрѣльцовъ. Милославскіе и замыслили употребить стрѣльцовъ орудіями для достиженія извѣстныхъ цѣлей.

Какіе слухи распускались о Нарышкиныхъ, чѣмъ возбуждалась злоба стрѣльцовъ противъ нихъ?

„Ивана хотятъ извести Нарышкины, какъ извели Ѳедора. Иванъ Нарышкинъ хочетъ сдѣлаться царемъ, онъ надѣвалъ уже вѣнецъ себѣ на голову; онъ дѣлаетъ грубости царицѣ Марѣ и царевнамъ. Ѳедоръ умеръ не своею смертію, а отравленъ Нарышкиными“. Остервененіе, съ коимъ стрѣльцы искали послѣ доктора Данила, который былъ для нихъ также ненавистенъ, какъ Иванъ Нарышкинъ, доказываетъ, что они искренно были убѣждены въ отравленіи Ѳедора, и что это было первымъ основаніемъ ихъ бунта, которое присоединилось къ ихъ частнымъ неудовольствіямъ.

„Нарышкины собираются сдѣлать тоже и съ меньшимъ его братомъ Иваномъ, который, по ихъ кознямъ, обойденъ при избраніи на царство; отъ ихъ правленія добра ожидать никому не возможно. Нелѣпость этихъ обвиненій была очевидна. Нарышкиныхъ при смерти Ѳедора не было въ Москвѣ. Они теперь только пріѣхали изъ своихъ есмловъ. Ѳедора окружали другіе люди; сестра Софія не отходила

отъ него; это было извѣстно всѣмъ, но въ запальчивости, при возбужденныхъ страстяхъ, бываетъ не до логики.

Притомъ, почему стрѣльцамъ было сожалѣть слишкомъ о Ѳеодорѣ, при которомъ они ничего не испытали, кромѣ несправедливостей, даже почти наканунѣ его смерти, по поводу жалобы на Грибоѣдова, какъ и прежде, за два мѣсяца, по поводу жалобы на Пыжова.

Стрѣльцы боялись, что при Петрѣ имъ будетъ еще хуже, чѣмъ было при Ѳеодорѣ. Но почему-жъ они надѣялись на Ивана, который былъ не много старше Петра, и по болѣзни не могъ бы принимать участіе въ правленіи, такъ что оно должно было быть предоставлено тѣмъ же боярамъ, лицамъ, что были и при Ѳеодорѣ въ послѣднее (Языковъ, Лихачевъ) или предпослѣднее его время; (Милославскіе, Долгорукіе, Хитровъ); новые временщики при Ѳеодорѣ были меньше двухъ лѣтъ.

„Царевича Ивана хотятъ извести Нарышкины, какъ Ѳеодора!“ Кому мѣшала царевичъ Иванъ? До избранія Петрова можно было понять какое-нибудь покушеніе на жизнь его, а послѣ-то кому была нужна его смерть! Нарышкины могли отъ Петра надѣяться на все лучшее и при жизни Ивана, который не могъ имъ мѣшать. Они тотчасъ получили разныя награды, послужившія подтвержденіемъ ихъ обвиненій предъ стрѣльцами.

„Иванъ Нарышкинъ хочетъ сдѣлаться царемъ, онъ надѣвалъ вѣнецъ себѣ на голову, онъ дѣлаетъ грубости царевнамъ и царицамъ“. Это — придворныя и вмѣстѣ негѣныя сплетни, которыхъ никто не могъ перенести къ стрѣльцамъ съ Верху, кромѣ Милославскихъ и ихъ повѣренныхъ. Это — предлоги, а предлоговъ самимъ выдумать нельзя, да и не для чего.

Слѣдовательно, стрѣльцы были настроены, подучены. Кѣмъ же? Тѣми, кто воспользовался ихъ дѣйствіями: царевной Софіей съ Милославскими.

И почему стрѣльцы тотчасъ послѣ смерти Ѳеодора не думали о наказаніи его отравителей? Значить — тогда не была еще распространена между ними эта басня.

И почему медлили стрѣльцы, и управясь съ своими полковниками, 1-го—8-го мая, почему не принялись тотчасъ за свое дѣло? Что значить пропущенная недѣля отъ 8-го до 15-го мая?

Можетъ быть, стрѣльцы не были еще достаточно подготовлены къ такому рѣшительному дѣйствию, какъ нападеніе на Кремль; можетъ

быть, большинство присягнуло Петру еще искренно; можетъ быть, партія дѣлала, такъ сказать, опыты и принимала свои мѣры для обезпеченія успѣха.

Промедленіе, по моему мнѣнію, доказываетъ также существованіе на досугѣ обдуманнаго плана, котораго нельзя приписать стрѣльцамъ: еслибы дѣйствовали одни стрѣльцы, то убѣдясь въ своей силѣ 29-го апрѣля и 4-го мая, они, разгоряченные, не стали бы останавливаться и сдѣлали бы все, чего бы хотѣли. Они одни могли бы возвести Ивана и тотчасъ по кончинѣ Федора, и тотчасъ послѣ 17-го мая; вѣтъ, они этого не дѣлали: ясно, что былъ здѣсь чужой планъ. Чей же?

Они ждали Матвѣева, чтобы порѣшить за одно съ нимъ, тѣмъ болѣе, что Матвѣевъ по своему уму, характеру, способностямъ, опытамъ, связямъ, считался главнымъ врагомъ Милославскихъ и главнымъ подпорой Нарышкиныхъ.

Свидѣтельству сына Матвѣева, который говоритъ, что его отца, ѣхавшаго въ Москву, предупреждали на дорогѣ о готовящейся грозѣ, съ смертію для него, вѣтъ—никакой причины не вѣрить. Молодому человѣку было 15 лѣтъ, онъ ѣхалъ съ своимъ отцомъ и былъ, разумѣется, свидѣтелемъ предупрежденія или тотчасъ слышалъ о немъ. Можно ли предполагать, чтобъ онъ выдумалъ такое извѣстіе?

Но, кажется, можно было бы расправиться съ Матвѣевымъ и на дорогѣ, подославъ какихъ-нибудь убійцъ.

Можетъ быть, заговорщики боялись скандала, не хотѣли возбудить противъ себя негодованіе явнымъ преступленіемъ; можетъ быть, хотѣли заразъ порѣшить и съ другими лицами, отъ которыхъ иначе нельзя было избавиться.

Въ тайну дѣйствія были посвящены немногія лица: кромѣ названныхъ выше двухъ подполковниковъ и вѣсколькихъ стрѣльцовъ, можетъ быть, во всякомъ полку было по два, по три коновода, запѣвала, зачинщикъ, которымъ поручено было подливать масла въ огонь, подогрѣвать застывавшихъ или прохлаждавшихся, дразнить, подстрекать колебавшихся. Прочіе, толпа, большинство вѣрили, безъ сомнѣнія отъ души, что царскому роду угрожаетъ опасность, что Нарышкины точно хотятъ извести его и овладѣть престоломъ.

15-го мая, поутру, сообщники Ивана Михайловича, Александръ Милославскій, Иванъ и Петръ Толстые, прискакали въ поле, (по другимъ спискамъ, вѣрнѣе: ихъ посланцы), на бѣлыхъ и карихъ ло-

шадяхъ съ крикомъ: „Царевича Ивана задушили Нарышкины. Въ Кремль! казнить измѣнниковъ. Къ оружію!“

Всѣ поля въ своихъ приказахъ расположенные въ противоположныхъ частяхъ города, за Московою рѣкою, за Яузюю около Серпуховскихъ воротъ, около нынѣшнихъ Мѣщанскихъ улицъ были уже въ сборѣ, вооруженные копьями, бердышами, ружьями. Они ждали только какъ будто сигнала, и съ барабаннымъ боемъ бросились въ Кремль со всѣхъ сторонъ. Значить, все это было заранѣе распоряджено и устроено, а не было слѣдствіемъ какой-нибудь нечаянной, минутной вспышки.

Если во всѣхъ описанныхъ явленіяхъ можно было примѣчать дѣйствія невидимой руки, которая управляла ходомъ событій, то въ слѣдующихъ оно доходить до очевидности.

Стрѣльцы пришли въ Кремль защищать царское семейство, потому что, слышали они, царевичъ Иванъ былъ удушенъ Нарышкиными. Имъ показали царевича Ивана живаго и здороваго; должны ли они были образумиться и убѣдиться, что были обмануты, особенно послѣ увѣщанія Матвѣева? Нѣтъ—давай намъ измѣнниковъ Нарышкинскихъ!

Кто пострадалъ въ продолженіе бунта? Нарышкины и ихъ партія. Убиты были Матвѣевъ, глава, руководитель, подпора партіи, тотъ, коего сылка была первымъ дѣломъ Милославскихъ при вступленіи на престолъ Федора.

За что стрѣльцамъ убить бы Матвѣева, который шесть лѣтъ былъ въ сылкѣ ни душой, ни тѣломъ не былъ виноватъ ни въ какихъ злоупотребленіяхъ и пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ стрѣльцовъ. Одна гибель Матвѣева служитъ твердымъ доказательствомъ, что бунтъ былъ не вспышкой, а дѣломъ заговора обдуманнаго и опредѣленнаго заранѣе во всѣхъ подробностяхъ, въ которомъ стрѣльцы были только слѣпыми орудіями.

На что стрѣльцы хотѣли постричь старика Нарышкина, отца царицы Наталіи Кириловны? Почему не хотѣли, чтобъ она жила во дворцѣ?

Кромѣ Матвѣева въ продолженіе бунта погибли: старшій братъ царицы, Иванъ, который считался, видно, самымъ способнымъ и дѣятельнымъ, и потому отыскивался съ особенными усиліями,—и Ава-

¹⁾ Матвѣевъ у Туманскаго, т. I, стр. 141, извѣстіе съ натуры обличаетъ очевидцевъ.

насій, нѣсколько ихъ родственниковъ, бояринъ Языковъ, принимавшій сторону Матвѣева и устроившій его прощенье и возвращенье, князья Долгорукіе, отецъ съ сыномъ, начальствовавшіе стрѣлцкимъ приказомъ, князь Ромодановскій и проч.

Бого убить было надо, тѣмъ составленъ былъ списокъ. Что былъ списокъ, явно изъ того, что никто изъ постороннихъ не только изъ партіи Милославскихъ, но и вообще изъ чиновниковъ, не былъ даже угрожаемъ.

Датскій резидентъ говоритъ утвердительно о списокѣ ¹⁾, также какъ и Матвѣевъ ²⁾:

А кто былъ убить изъ не назначенныхъ, за того стрѣльцы просили прощенья у родныхъ: мы-де ошиблись. Князь Юрій Долгорукій, вѣроятно, не былъ записанъ, а убить былъ сторяча, за его брань и угрозы; такъ замѣчаетъ и датскій резидентъ: потому стрѣльцы и просили прощенья у его отца.

Князь Черкасскій защищалъ Матвѣева и отнималъ его у стрѣльцовъ; въ схваткѣ кафтанъ на немъ изорванъ, но стрѣльцы, отнявъ у него Матвѣева, самого его оставили въ покоѣ. Слѣдовательно, въ самомъ пылу кровопролитія стрѣльцы разбирали—кого имъ надо. Всѣ бояре были въ собраніи, и всѣ остались цѣлыми и невредимыми.

Далѣе—не найдя во дворцѣ нужныхъ имъ лицъ, стрѣльцы разсыпались по улицамъ отыскивать; нашли такимъ образомъ боярина Языкова, и убили его.

Сдѣлавши свое дѣло, стрѣльцы утихи: Нарышкины и ихъ приверженцы одни убиты, другіе сосланы въ ссылку, третьи удалены отъ дѣлъ.

Что было первымъ слѣдствіемъ бунта? Избраніе старшаго царевича Ивана царемъ, при которомъ прежде избранный Петръ оставленъ во вторыхъ, безъ всякаго участія въ правленіи.

Кто воспользовался плодами стрѣлцкаго бунта?

Царевна Софія.

Что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ была царевна Софія, всего яснѣе видно изъ того, что датскій резидентъ могъ только подъ ея именемъ пройти безопасно въ Грановитую палату во второй день бунта и воротиться домой. „Онъ идетъ говорить съ царевной. Онъ

¹⁾ См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* декабрь 1874 г., стр. 228.

²⁾ У *Туманскаго*, т. VI, стр. 27, 29.

говорилъ съ царевной“—вотъ тѣмъ были останавливаемы нападавшіе стрѣльцы.

При немъ стрѣльцы спрашивали Хованскаго въ Грановитой палатѣ, что дѣлать съ царицей Натальей Кириловной, оставлять ли ее во дворцѣ?

Какъ бы иначе явилась здѣсь Софія, еслибы все это было не ея дѣло. Прочія царевны сидѣли у себя дома.

Софія была, если не зачинщицей, то участницей, руководительницей, средоточіемъ вполнѣдствіи перваго стрѣлецкаго бунта; это утверждаютъ всѣ свидѣтели, свои и иностранные, кромѣ одного Медвѣдева, который, пишучи ей похвальное слово, въ своемъ сказаніи, еже содѣяся, имѣлъ задачей отстранить ея участіе въ этомъ страшномъ дѣлѣ. Въ этомъ согласны всѣ наши историческіе писатели, кромѣ новаго изслѣдователя, профессора Аристова, котораго мы разберемъ на своемъ мѣстѣ. На ея совѣсти лежитъ, слѣдовательно, погибель всѣхъ избѣненныхъ, которая и была собственно ея цѣлю.

Но неужели Софія, молодая женщина, 25-ти лѣтъ, жившая до сихъ поръ въ уединеніи терема, могла дать свое согласіе на избѣненіе, которому вѣдь и конца не могло предвидѣться, пьянымъ стрѣльцамъ, разсвирѣпѣвшимъ. Не махнула ли она рукою, сказавъ: „дѣлайте, что хотите“, и думая только о томъ, чтобъ отстранить ненавистную мачиху съ ея братьями и сѣсть на ея мѣсто?

Нѣтъ, вопервыхъ, мудроно ей было ожидать, чтобы такое дѣло обошлось безъ крови; вовторныхъ, увидѣвъ, сколько жертвъ пало на первый день, она не заступилась на второй и третій за прочихъ, не спасла, напримѣръ, Ивана Нарышкина, а напротивъ, настаивала на его выдачѣ, какъ будто видѣла невозможность прекратить иначе бунтъ. Она, говорятъ, надѣла еще образъ на шею несчастнаго, шедшаго на смерть, по принятіи Святыхъ Таинъ, и побуждала его сестру, царицу Наталью Кириловну, выдать его скорѣе стрѣльцамъ. Если только ея именованіемъ оградился отъ всѣхъ опасностей датскій резидентъ на второй день, то видно, ея значеніе въ глазахъ стрѣльцовъ было велико, и она могла остановить убійство.

Что она не отличалась особенною чувствительностію или робостію, мы видимъ изъ того, какъ скоро она рѣшала казнь своихъ друзей, оказавшихъ ей значительныя услуги—внзя Ивана Андреевича Хованскаго и сына его.

Послѣднія ея дѣйствія при окончательномъ разрывѣ съ братомъ доказываютъ достаточно ея расположеніе духа, напримѣръ, прика-

заніе убитъ полковника Нечаева, присланнаго съ приказаніями Петра отъ Троицы. Она жалѣла даже, по свидѣтельству впрочемъ пытокъ, что въ первомъ бунтѣ оставлена была въ живыхъ ненавистная ма- чиха, царица Наталья Кириловна.

Иностранные современные писатели: Невиль, Корбъ, Парри, отда- вая справедливость способностямъ царевны Софіи, свидѣлствуютъ единогласно о ея кровавыхъ дѣйствіяхъ и умыслахъ, въ подтверж- деніе нашихъ историческихъ источниковъ.

Впрочемъ надо сознаться, что и вообще нравы того времени не отличались мягкостію: стоитъ вспомнить только о страшныхъ истязаніяхъ, дѣланныхъ царицею Прасковьею Матвѣвною надъ подъячимъ Деревниннымъ, который имѣлъ несчастье найти ея любовное письмо къ исправляющему при ней должность гофмаршала Юшкову ¹⁾.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія поведемъ еще доказательство отъ противнаго. Допустимъ съ Медвѣдевымъ и его послѣдователями, что царевна Софія не принимала участія въ стрѣлцкомъ бунтѣ, и посмотримъ, можно ли съ такимъ предположеніемъ объяснить всѣ явленія, его сопровождавшія. Здѣсь не обойдется разсужденіе безъ повтореній, но онѣ неизбѣжны и не бесполезны.

Итакъ, защитники царевны Софіи говорятъ, что „стрѣльцы на- чали бунтъ 15-го мая сами собою“ ²⁾.

Съ чего-жь имъ было начать его? Всѣ желанія ихъ были удовле- творены съ избыткомъ, они получили отъ правительства Петрова то, чего никакъ не могли добиться при Ѳедорѣ.

„Они боялись наказанія за свои буйства“.

Отъ кого?

„Отъ Петра, когда онъ выростетъ“.

За буйства съ смягчающими обстоятельствами (они были выведены изъ терпѣнія притѣсненіями и не находили себѣ суда, не смотря ни на какія жалобы, и получили еще наказаніе), они боялись наказанія, а за убійства и какія убійства—близкихъ родственниковъ цезарскихъ, знаменитѣйшихъ заслуженныхъ бояръ — Матвѣва, Ромодановскаго Долгорукаго, они не боялись наказанія? Съ чѣмъ это сообразно? ³⁾

¹⁾ См. очеркъ г. Сеневаго, помѣщенный въ журналѣ *Время* 1861 г., № 2, стр. 86 и проч.

²⁾ Предполагаемыя возраженія мы будемъ отмѣчать для ясности двумя за- пятими.

„Не боялись, потому что сажали на престолъ Ивана“.

Но Петра они вѣдь не трогали, слѣдовательно, — все равно, — возмужавъ, онъ оказался съ тѣми же чувствами при Иванѣ, какими они боялись его безъ Ивана. Притомъ, съ Петромъ во всякомъ случаѣ оставалась мать, лишенная братьевъ и родственниковъ, благодѣтеля и отчасти отца. Она всегда могла питать въ немъ враждебныя чувства къ стрѣльцамъ, виновникамъ всѣхъ ея несчастій. Иванъ былъ болѣе (по всѣмъ свидѣтельствамъ), и никто не могъ считать его должовѣчнымъ. Не много выигрывали съ нимъ стрѣльцы. Во всякомъ случаѣ предстоялъ предъ ними — годомъ позднеѣ, годомъ раньше — Петръ, съ тѣми чувствами, которыхъ теперь они боялись.

Далѣе, какую надежду могли они имѣть на Ивана, когда и при Ѳедорѣ было имъ плохо. Воаръ Петровыхъ они перебили бы — кто же занялъ бы ихъ мѣсто? Опять Ѳедоровы, имъ уже ненавистныя.

При предположеніи, что царевна Софія не участвовала въ дѣлѣ, какъ объяснить, что они предоставили ей власть? Почему именно ее выбрали они изъ десяти царевенъ. Не говоримъ о томъ, что примѣра такого никогда не бывало: допустить дѣвицу сестру къ управленію, когда здравствовали двѣ вдовствовавшія царицы Алексѣева и Ѳедорова. Алексѣеву, положимъ, они думали отвергнуть, а Ѳедорова? Да и Алексѣеву не съ чего имъ было отвергать, потому что она ничего худого имъ не дѣлала и имѣла противъ себя только слухи (къмъ распущенные?).

Итакъ, мнимыя опасенія стрѣльцовъ ни съ чѣмъ не сообразны и совершенно нелѣпы. Стрѣльцамъ и въ голову прійдти онѣ не могли, развѣ внушенныя со стороны. Ихъ нельзя понять, допустить, безъ предположенія какой-нибудь придворной партіи, которая придумала для своихъ особыхъ цѣлей.

Пойдемъ далѣе. Стрѣльцы поднялись 15-го мая. Что же они медлили такъ долго, давали время ненавистному правительству опознаться, укрѣпляться, принимать мѣры?

И здѣсь видно дѣйствіе не произвольное, а напускное, котораго объяснить нельзя безъ предположенія о планѣ партіи. Стрѣльцы присягнули, держали себя смирно, потомъ предъявили свои требованія, были удовлетворены и утихли. Послѣ расправы съ полковниками прошла недѣля совершенно покойная, въ продолженіе которой пріѣхалъ Матвѣевъ, и дѣла пошли обыкновеннымъ своимъ порядкомъ.

Какой предлогъ они избрали?

Царевичъ Иванъ удушенъ Нарышкинними.

Спрошу еще мимоходомъ: кто могъ довести до ихъ свѣдѣнія, что царевичъ Иванъ удушенъ?

Имъ показали царевича Ивана, который былъ живехонекъ и самъ свидѣтельствовалъ, что никто его не трогалъ.

Увидѣвъ и услышавъ его, стрѣльцы должны были бы, кажется, утихнуть. Еще болѣе должны были бы убѣдиться, что они были обмануты. Нѣтъ, они потребовали другихъ измѣнниковъ и въ особенности Нарышкиннхъ. Какъ объяснить это новое требованіе?

Всѣ шесть лѣтъ Ѳеодорова царствованія Нарышкины были въ опалѣ, въ ссылкѣ, и только что пріѣхали въ Москву. Нивакого совѣта противъ стрѣльцовъ они не подавали, и напротивъ, всѣ требованія стрѣльцовъ были удовлетворены. За чтѣ-жъ имъ было такъ злобиться на Нарышкиннхъ, хотѣть смерти старшаго изъ братьевъ, Ивана, постриженія отца и даже удаленія сестры, царицы?

И здѣсь ясно, что стрѣлцкая злоба была чужая, напускная. А кому мѣшали Нарышкины?

Отвѣтъ тотъ же, чтѣ и прежде, на вопросъ: кто могъ сообщить стрѣльцамъ разныя придворныя новости, какъ Иванъ Нарышкинъ надѣвалъ царскій кафтанъ, садился на престолъ, грубилъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Всѣ эти слухи могли идти только съ Верху, и понятно отъ кого.

У стрѣльцовъ былъ списокъ, кого убить было нужно: изъ какихъ лицъ состоялъ этотъ списокъ? Изъ лицъ партіи Петровой, то-есть, Нарышкиннхъ, между которыми первое мѣсто занималъ Матвѣевъ. Чтѣ сдѣлалъ имъ Матвѣевъ? При Алексѣѣ они привезли ему надгробныя камни съ родительскихъ могилъ, при Ѳеодорѣ онъ былъ шесть лѣтъ въ изгнаніи, а теперь только что воротился и три дня сряду получалъ отъ всего города, со стрѣльцами включительно, знаки глубокаго почтенія и пріязни. Черкаскаго, напрімѣръ, который даже боролся съ ними, не давая имъ Матвѣева, они не тронули.

Значить—они убивали тѣхъ, кого имъ вслѣно убивать, а не личныхъ своихъ враговъ; съ личными врагами своими они давно уже расправились, высѣвши ихъ, кого батогами, кого кнутомъ. Выборъ лицъ для убіенія, исканіе ихъ по улицамъ нельзя объяснить безъ дѣйствій противной партіи. Съ особеннымъ остервененіемъ еще убили стрѣльцы доктора Данилу фонъ-Гадена, яко бы виновнаго въ смерти Ѳеодора, вмѣстѣ съ боярами, которые рѣшились погубить весь цар-

скій родъ, не исключая самого Петра. Обвиненіе его могло идти только съ Верху.

На второй день, 16-го мая, устроилось новое управление: во всѣхъ приказахъ смѣнены прежніе начальники и поставлены новыя: въ полевой приказъ — князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ стрѣльцкій — князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, въ судный — сынъ его князь Андрей Ивановичъ, въ иноземскій, рейтарскій и пушкарскій — бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій. Смятеніе еще не кончилось, а явились уже по приказамъ новыя начальники. Кто-жь опредѣлилъ ихъ? Стрѣльцы не принимали въ томъ никакого участія! Этого событія, точно также, какъ и вышеупомянутыхъ, нельзя объяснить безъ непосредственнаго участія царицы Софіи, которая и является въ тотъ же день въ Грановитой палатѣ и распоряжается, какъ засвидѣтельствовалъ датскій резидентъ, одолженный спасеніемъ ея покровительству.

Распрямивъ съ Иваномъ Нарышкинымъ и докторомъ Гаденымъ, стрѣльцы остановились, какъ будто сдѣлали свое дѣло.

(Замѣтимъ мимоходомъ, что дьякъ Ларіоновъ убитъ — и на его вдовѣ женился тотчасъ старый Хованскій: не попалъ ли несчастный въ списокъ на общемъ совѣтѣ по вознямъ Хованскаго, который хотѣлъ получить себѣ его жену?).

Черезъ недѣлю послѣ убійства, стрѣльцы потребовали, чтобы царица Иванъ былъ вѣнчанъ на царство и царствовалъ вмѣстѣ съ Петромъ, а еще черезъ недѣлю они подали просьбу, чтобы царица Софія за малолѣтствомъ братьевъ приняла правленіе въ свои руки.

Этими избраніями объяснилось окончательно происхожденіе стрѣльческаго бунта, средства и цѣль его.

Послѣдовавшая вскорѣ казнь князя Хованскаго съ сыномъ, которые при удобномъ случаѣ, вѣстаетъ, обвинены были въ первоначальномъ возмущеніи стрѣльцовъ, съ больной головы на здоровую, представляетъ новое сильное доказательство, что стрѣльцы дѣйствовали не по собственнымъ побужденіямъ, и что необходимо было свалить на кого-нибудь вину кровопролитія, дабы отклонить подозрѣніе отъ новой правительницы. Мы будемъ говорить объ этомъ дѣлѣ въ слѣдующемъ изслѣдованіи.

Наши историческіе диллетанты жалуются на недостатокъ западныхъ страстей въ лицахъ русской исторіи. Ну, вотъ вамъ въ утѣшеніе

Софія, соглашающаяся на поднятіе стрѣльцовъ и на убійство поголовное ненавистныхъ ей Нарышкиныхъ съ Матвѣевымъ во главѣ, вѣщающая образъ Божіей Матери на шею Ивана Нарышкина, котораго заставляетъ выдать родную его сестру, царицу Наталью Кирилловну, рѣшившая безъ суда казнь Хованскаго, умышлявшая такъ долго и разнообразно противъ Петра. Чѣмъ въ эти моменты уступить она Лукреціи Борджіа? А Иванъ Михайловичъ Милославскій? Это характеръ Шекспировскій! Мы встрѣтимся съ нимъ еще нѣсколько разъ въ продолженіе нашихъ изслѣдованій.

Первый стрѣлецкій бунтъ, кромѣ временнаго кровопролитія, имѣетъ то пагубное значеніе въ исторіи Русскаго народа, что произвелъ страшное впечатлѣніе въ воспримчивой душѣ десятилѣтняго Петра, ввпечатлѣніе, которое отозвалось на всей его жизни и было посредственною причиною безпримѣрной казни всего стрѣлецкаго войска послѣ его послѣдней попытки въ 1697 году.

М. Погодинъ.

Поправки. М. П. Погодинъ сообщаетъ слѣдующія поправки ко второй своей статьѣ о Стрѣлецкихъ бунтахъ, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1874 годъ:

На стр. 190, въ выпискѣ изъ донесенія, изданнаго С. Чьлми, упоминается г. Коломна. Это ошибка автора донесенія: вмѣсто Коломны онъ долженъ былъ сказать: с. Коломенское.

Къ стр. 198. Не къ именинамъ царевны Екатерины, 24-го ноября, могъ быть приглашенъ князь Хованскій, а къ именинамъ царевны Софіи 17-го сентября—что действительно и было.